

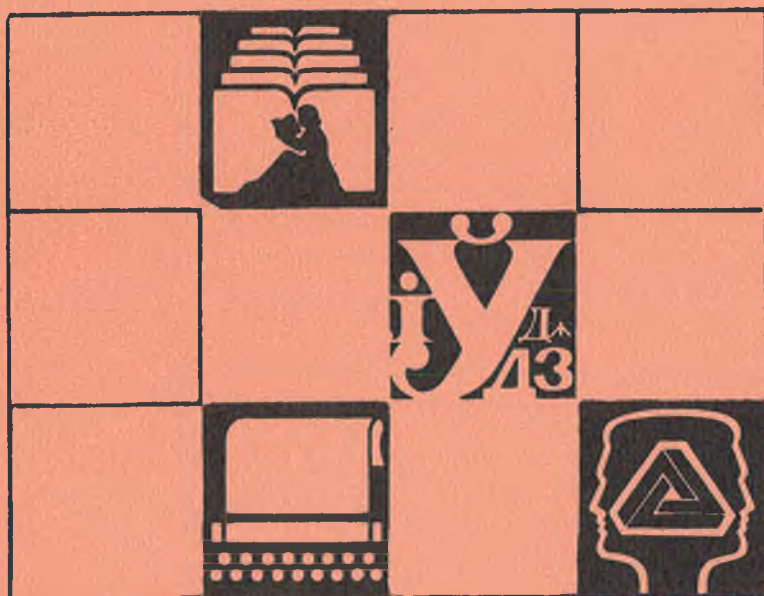
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 4

Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія

3 '92

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ДЗЯРЖАЎНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з красавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 4

**Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія**

3 '92

СНЕЖАНЬ

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

Л. М. ШАКУН (*адказны рэдактар*),
М. А. БЕРАЗОВІН, І. К. ГЕРМАНОВІЧ, У. Б. ЖУРАВЕЛЬ
(*адказны сакратар*), **С. В. КАЎДРАЦЬЕВА, У. Г. КАРОТКІ, А.**
А. ЛОЙКА, Б. А. ПЛОТНІКАУ (*нам. адказнага рэдактара*), **М.**
Р. ПРЫГОДЗІЧ, А. Г. СЛУКА, Б. В. СТРАЛЬЦОЎ, А. Я.
СУПРУН, П. П. ТКАЧОЎ (*нам. адказнага рэдактара*), **І. А.**
ЧАРОТА, І. В. ШАБЛОУСКАЯ, П. П. ШУБА.

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4, № 3, 1992

Издательство «Университетское» .
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сьчгоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар Р. У. Кондрад
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Набор і вёрстка часопіса выкананы на выдавецка-рэдакцыйнай сістэме «Саюз» .

Здадзена ў набор 09.11.92. Падысана да друку 12.01.93. Фармат 70х108 1/16. Папера
афсет. Друк афсет. Ум. друк. арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,44 Ул.-выд. арк. 7,91. Тыраж
995 экз. Заказ 1494. Цана 1 р. 50 к.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42. Выдавецтва «Уні-
версітэцкае» . 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кніг.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку» .
220041, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Веснік Белдзяржуніверсітэта, 1992.

А. М. ДЗЯЛЕНДЗІК

РЫТАРЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПРАДМОВЫ І. ПАЦЕЯ ДА «УНІІ»

Адам (Іпацый) Пацей (1541 – 1613) – выдатны беларуска-украінскі царкоўны дзеяч і пісьменнік-палеміст. Большую частку жыцця займаючы свецкія пасады, цікавіўся становішчам праваслаўнай царквы, удзельнічаў у праваслаўных саборах. У 1592 г. у Брэсце Пацей «заклаў» царкоўнае брацтва і пры ім школу «Греческого, Латинского, Польского и Русского языка... для науки дѣтей народу хрестыанского всякого стану, ку оздобѣ и пожитку Речи Посполитое»¹. У 1593 г., пасля смерці жонкі, А. Пацей пастрыгся ў чарняцы (атрымаў імя Іпацый) і заняў вакантную Уладзіміра-Брэсцкую епіскапскую кафедру. У 1594 – 95 гг. прымаў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы уніі ўсходняй і заходняй цэркваў, быў дэлегаваны праваслаўным саборам у Рым для перадачы Кіеўскай мітраполіі пад юрысдыкцыю рымскага папы. У 1599 г., пасля смерці М. Рагозы, быў намінаваны кіеўскім уніяцкім мітрапалітам².

Літаратурную спадчыну Пацея сцісла акрэсліць даволі складана. Свае працы ён публікаваў ананімна. З упэўненасцю можна лічыць, што ярау Пацея належаць палемічныя творы – «Унія» (Вільня, 1595) і «Гармонія» (Вільня, 1608)³. Яшчэ тры творы – «Rozmowa Brzeſcianina z Bratczykiem (1604 – 05), «Zmartwychwstały Nalewajko (1607), «Heresiae, ignoranciae i polityka popów i mieszczan bractwa wileńskiego» (1608), – якім прыпісваецца аўтарства Пацея, не захаваліся. У 1714 г. у перакладзе на польскую мову быў апублікаваны зборнік казанняў і гамілій І. Пацея⁴.

«Унія, альбо выклад преднейшых артыкулов, ку зьводноченью Греков с костелом Римским належащих» уключае ў свой склад пяць «наголовнѣйшых артыкулов, которые до згоды... межы Рымляны и Греками... перешкажают» (Стб. 118): аб паходжанні Св. Духа, аб чыстцы, аб «зверхнасці» рымскага папы, аб календары і аб Антыхрысце. Артыкулам папярэднічае прысвячэнне навагрудскаму ваяводу Ф. Скуміну і прадмова да чытача.

Арыстоцель у «Рыторыцы» паэтычна параўноўваў прадмову з прэлюдыяй, у якой «флейтыст імкнецца сыграць усё лепшае з таго, што ёсць ва ўсёй п'есе». Рытор вызначаў той ці іншы тып прадмовы (exordium'a) семіятычна, у залежнасці ад прыхільнасці/непрыхільнасці аўдыторыі. Вядомыя словы Сакрата: «Няцяжка хваліць афінян сярод афінян, але цяжэй хваліць іх сярод лакедэманян»⁵, – можна разумець як асноўны прынцып арганізацыі прадмовы.

Зыходны пункт прадмовы быў рэлевантны для ўсяго наступнага разгорвання твора. У яе пачатку аўтар звычайна матываваў сваю працу, рабіў яе дарэчнай. Напрыклад, праваслаўны палемічны твор «Апокрисис», які быў апублікаваны ў 1597 г., калі апазіцыя царкоўнай уніі адчувала сябе даволі ўпэўнена, пачынаецца з таго, што абвясчае аб учынку апанентаў: «(1) Под сеймом близко пришлым, книжку друкованую с тым титулом, «Собор Берестейский» пустил хтось межы люди...»⁶

Матывацыя твора даволі часта спалучалася з прэзентацыяй асобы аўтара. Напрыклад, езуіт Б. Гербест у працы «Wiary Kościoła Rzymskiego wywody у Greckiego niewolstwa historia: dla iedności» (1586), звяртаючыся да пра-

васлаўнай «Rusi y Ormian osobliwie», відаць, прадугледжваў непрыязныя адносіны з боку чытачоў. Менавіта таму ўяўным матывам, з якога Гербест распачаў прадмову, стаў топас (агульнае месца, locus communis) павіннасці: «(2) Maiąc ia tę od Boga milego vokacyą, abym duszam ludzkim w ich zbawieniu służył, radbym powinności swey im nalepiej dosyć czynił»⁷.

Прадстаўіўшы сябе праз свой пастырскі абавязак перад Богам і чытачом, рытор мог спадзявацца на прыхільнасць аўдыторыі.

Пад уплывам сітуацыі, як адзначае В. Стэц, палемічныя творы маглі пераўтварацца ў «сапраўдную рыгарычную камунікацыю, ці дыялог рыторык»⁸. З другога боку, прадмову дэтэрмінавалі не толькі акалічнасці, але і «закаранелыя» у сярэдневяковай традыцыі «этыкетныя» топасы, якія даволі часта для ўступнай часткі твора былі сапраўдным клішэ. Напрыклад, кн. К. К. Астрожскі, якога сучаснікі называлі «столпом» праваслаўя, свой ліст да І. Пацей (які быў яго сваяком) пачынае з таго ж агульнага месца, што і Гербест: «(3)... С повинности моее хрестіянской... видечи в таком упадку, знищенью и опущенью матки нашею церкви святой восточной, разважал... вынайдуячы такім спосаб, через который бы церковь Христова... до первшого своего пункту (г. зн. згоды паміж праваслаўнай царквой і каталіцкім касцёлам – А. Д.) прійти и застановитися могла»⁹.

Для палеміста рыторыка была паказальнікам шляхоў схілення аўдыторыі да пажаданай думкі адносна тэмы твора і арсеналам сродкаў яе (аўдыторыі) пераканання. Тым не менш, persuasio заўсёды было мысленным эксперы-ментам, які ў значнай ступені адлюстроўваў эстэтычны ідэал аўтара.

Прадмову да «Уніі» І. Пацей распачынае амаль трывіяльна, дэман-струючы аўдыторыі сваю пастырскую павіннасць: «(4) Иж то ест повинность пастыра каждого, хрестіянскій брате православия Руского, о стадѣ собѣ порученом чути и с пилностью старатися, якобы от волков и иных окрутных бестый пожрано не было и в расхищеніе не пришло» (Стб. 112).

Наяўнасць у прыведзеным урыўку апострафы, паважнасць тэмы да-звлялі чытачу разумець урывак як алегорыю (збег чатырох метафар), г. зн. у «пастыры» чытач бачыў субстытут духоўнай асобы і, хутчэй за ўсё, самога аўтара. Аднак ніжэй адбывасца даволі нечаканы паварот: Пацей рэалізуе метафары. Гэта дае яму магчымасць увесці фігуру «за-павольвання» (sustentatio), якую, як адзначае М. В. Ламаносаў, трэба было ўжываць «для таго, каб чытачы, доўга чакаўшы, раптам нечаканым зачараваны былі»¹⁰. Пацей экспрэсіўна акцэнтуюе сваю пастырскую павін-насць і нават надае ёй гіпербалізаваны выгляд: «(5) Яко далеко большей пастыром и слугам церкви Божое, которые не козы, не бараны, не быдло нѣмое, але стадо словесных овец Христовых в порученю своем мають, старатисе пильно потреба, якобы в распрошене не пришло, вѣдаючи о том, иж... кожний таковой пастыр... вечною погибелю души своею прыплатити бы того мусѣл...» (Стб. 113).

Гіпербалічны характар цытаванаму ўрыўку надае ланцужок антытэз: «пастыр овец нѣмых» / «пастыр овец Христовых», «стадо овец нѣмых» / «стадо овец Христовых». Як адзначае «група Д», «звычайнае суразмяшчэнне двух супрацьпастаўленых тэрмаў выклікае інтэнсіфікацыю іх сэнсаў... і мае гіпербалічны характар»¹¹. Усе элементы антытэз разгортваюцца. Цікава, што разгортванне апошняга з іх стасуецца з напамінкам аб распяціі Хрыста: «(6) Оное многоцѣнное стадо, неощацованым скарбом – Кровю Христовою искупеное» (Стб. 113).

З самага пачатку прадмовы Пацей імкнецца сфармуляваць у чытача стэрэатып аўтара-свяшчэнніка і «навязаць» традыцыйную хрысціянскую субардынацыю: аўтар як пастыр адказны за чытачоў, г. зн. сваю паству, «бо бы... за оное... стадо... мусѣл Пану своему личбу давати» (Стб. 113). Пацей імкнецца прадэманстраваць свае высокія маральныя якасці, што ўжо само па сабе павінна было выклікаць давер чытача. «Добрым людям вераць хутчэй, – пісаў Арыстоцель. – А давер слухача аратару павінен узнікаць не пад уплывам тых уражанняў, што склаліся раней, а вынікаць непасрэдна з прамовы»¹².

Прэзентацыя асобы аўтара на гэтым не заканчваецца: далей Пацей стварае вобраз раўнівага пастыра-наглядальніка (7), у поле зроку якога трапляе стан праваслаўнай царквы (8): «(7) На што на все маючи пильное око, а ...видечи...» (Стб. 113). «(8) ...Тые, которые не ку спасенію, але ку

вѣчному затраченню, овцы Христовы с правдивое овчарни выведочы до своих пустынь... великими громадами стадо Христово урываючи до свое оборы плюгавое загоняют...» (Стб. 113).

Перыяд (περίοδος) пачынаецца з дзеепрыслоўнага словазлучэння (7), што прадугледжвала наяўнасць галоўнага колана (χωλον – частка перыяду, аналаг простага сказа), які нёс бы галоўную інфармацыю адносна таго ж суб'екта. Іншымі словамі, надаўшы сабе магутны стымул (8), аўтар павінен быў у галоўным колане пэўным чынам адрэагаваць на дзеянні «ерэтыкоў». Аднак з пункту гледжання рыторыкі аўтару было б неразважліва паставіць сябе перад судом чытача, не выказаўшы спачатку ўсё, што датычылася абвінавачванняў у адрас апанентаў. Таму Пацей абрывае перыяд анакалуфам і арганізуе антытэзу, элементы якой супрацьпастаўляюцца семантычна і сінтаксічна. Анакалуф і антытэза вельмі непасрэдна сігналізавалі чытачу аб узрушаных пачуццях аўтара: «(9) ...А овцы... неразмыслне, але ослѣп, яко дурные, творечы за пастырьми, анижли они за волками, на свою погибель бѣгут». «(10) А пастыры зась старшіе, которые бы того догледати и той явной и великой шкодѣ забѣгати мѣли – то радюю, то наукою, то писанем своим, ничего о то не дбают, а праве само хоть стадо Христово на месные ятки выдают» (Стб. 113).

Алегорыі ў прыкладах (9) і (10) набліжаны да адзінай магчымай інтэрпрэтацыі («змешаныя», по тэрміналогіі Ламаносава). У апошнім з прыкладаў гаворка ідзе аб праваслаўных патрыярхах. Цікава, што фактам Пацей надае сутнасць вывадаў, гісторыя натуралізуецца (паводле Р. Барта). А супрацьпастаўленне (9), і (10), якое экспліцытна выражана часціцай «зась», надае апошняму прыкладу характар некалькі гіпербалізаванага вываду. У наступным абзацы ацэнка дзейнасці праваслаўных патрыярхаў ператвараецца ў пасылку (11), якая прымае выгляд рытарычнага пытання, што з пункту гледжання нарматыўных рыторык служыла «не испытанию несиизвестного, а для сильнейшего выражения известного»¹³ (exaggeratio): «(11) Штож было иншого нам, бѣдным и горким подпасычом, чинити?! Одно – видечы недбалость и нечуйность пастырей наших головных...»

Наступнае выказванне вынікае з папярэдняга, г. зн. што (11) і (12) утвараюць энтымему: «(12) ...До лѣпшого ряду и до оное старожитности и згоды светое, которая за предков бывала, вернуться» (Стб. 114).

У прыкладзе (12) Пацей, па сутнасці, фармулюе матэрыю (тэму) твора. Вельмі істотна, што яна выводзіцца з энтымемы: Пацей «даказвае» неабходнасць царкоўнай уніі. Арыстоцель у «Рыторыцы», адзначаючы важнасць выбранага рыторам спосабу пераканання, падкрэсліваў, што рытарычны сілагізм, ці энтымема, з'яўляецца самым важным і самым моцным з усіх спосабаў пераканання.

Сфармуляваўшы тэму (матэрыю), Пацей не разгортвае, не вытлумачвае яе, а пераходзіць да дэманстрацыі прыкладаў, якія ў большай ступені накіраваны на ўтварэнне ў чытачоў пажаданых для аўтара пачуццяў («страсці», παθος, affectus) і толькі ўскосна пацвярджаюць і ілюструюць энтымему. Дэманстрацыя прыкладаў мае два аспекты. Па-першае, усе факты, якія стасуюцца з асобай аўтара, падаюцца як жалю вартыя. Толькі зараз аўтар дакладна лакалізуе сябе для чытача. Такім чынам, увесь папярэдні тэкст уяўляе сабой працяглую прэзентацыю аўтара: «пастыры» – «пастыры овец Христовых» – «бѣдныи подпасычы» – «епископы горкіи». Калі ў пачатку прадмовы Пацей надае ўсяму, аб чым гаворыць, пастырскі аўтарытэт, то тут ён «падае» сябе зняважаным, імкнецца выклікаць спачуванне чытачоў, якое з арыстоцэлеўскага вызначэння мусіла ўзмацняцца, калі ў бяду трапляў «добры чалавек».

Па-другое, гаворачы аб сваіх «абразях» з боку апазіцыі уніі, Пацей падрабязна дэманструе ўсе іх учынкi, імкнучыся выклікаць «гнеў» чытача, што павінна было гіпербалізаваць «віну» апанентаў. Да гэтага трэба дадаць, што праваслаўная царква ў Рэчы Паспалітай у канцы XVI ст. сапраўды перажывала крызіс, у выніку якога, зрэшты, і паўстала пытанне аб царкоўнай уніі. Пацей у сваіх апісаннях не толькі выстаўляе на пярэдні план праблему заняпаду праваслаўнай царквы, але галоўным чынам імкнецца надаць рацыю свайму пункту гледжання на гэтую праблему, паступова ідэнтыфікаваць погляд чытача са сваім. Напрыклад, вось як рэпрэзентуе Пацей галоўных апазіцыянераў уніі – царкоўных братчыкаў: «(13) ...Люд посполитый, простой, ремесный, который, покинувши ремесло

свое дратву, ножицы и шило а привлачивши собѣ врад пастырскій, писмом Божиим ширмуют, нищуют, выворочают и на свое блюзнерскіе и хвалшивые потвары оборочают, пастырей своих власных соромят, безчестят и потварят; а на большое обелженье — якобы яким безецником, не з рук в руцѣ, але на кій узявши свое писма через особ легких незнакомых подают...» (Стб. 117).

Старадаўнія нарматыўныя рыторыкі, разглядаючы механізм узбуджэння «страсцей», абмяжоўваліся некалькімі эмпірычнымі рэцэптамі. Найбольш эфектыўным прыёмам рыторыкі вызначалі як мага больш пластычныя апісанні. З такога пункту гледжання ілюстраванне Пацеем энтымема індуктыўнымі прыкладамі (апісаннямі) было бездакорным. Выкарыстоўваючы шырокі рэпертуар семантычных пашыральныхкаў (топасаў дзеяння, месца, абставін, часу і інш.), Пацей вельмі падрабязна адлюстроўвае практычна ўсе карысныя для пераканання чытача аспекты рэферэнта. Апісанні увесь час стасуюцца з дэйкісам (дзеянне нібы адбываецца «тут» і «зараз»), Пацей імкнецца зрабіць іх амаль адчувальнымі. Цікава, што *πολος* амаль мяжуецца з прымусам: «(14) Не вѣру, жебы хрестиянским чловѣком таковыи быти мѣл, хто бы се таковое кривды нашео ужалити не мѣл?!» (Стб. 117).

Такім чынам, апеляванне да «страсцей», ці, дакладней, эмацыянальная «апрацоўка» аўдыторыі, у прадмове да «Уніі» літаральна ператвараецца ў довад, апошні і таму найбольш моцны. Такі тып рытарычнага пераканання аўдыторыі можна вызначыць як *insinuatіo*.

Асноўнай, скразной схемай арганізацыі прадмовы да «Уніі» з'яўляецца супастаўленне кантрастных фактаў і іх гіпербалізацыя. Як вобразна ахарактарызаваў гэта М. Бахцін, «слова заўсёды ўпіраецца ў чужое слова, дзеянне — у супрацьдзеянне»¹⁴. Лік супрацьпастаўленых у прадмове фактаў быў невялікі, таму кантрастнасць спалучалася з варыятыўнасцю адных і тых жа фактаў. Варыятыўнасць, дасягнуўшы сваёй мяжы (усе метафары рэалізаваны, усё «дзеючыя асобы» дакладна вызначаны), па сутнасці, вычарпала «парыцаючую» частку прадмовы (эпідыктычная прамова, *demonstrativum*).

У невялікай заключнай частцы прадмовы адбываецца раздзяленне тэмы (*partitio*) і пераход да яе выкладу (традыцыйныя рытарычныя аперацыі *exordium'a*). У канцы прадмовы Пацей развітваецца з чытачом: «(15) Затым — мѣйсе добре, а дай ти, Боже, упаметане» (Стб. 120).

Гэта, відаць, трэба разумець як імкненне Пацея максімальна аддзяліць «экспрэсіўную» прадмову ад «паважных» артыкулаў, падкрэсліць «адмоўную» стылістычную афарбаванасць артыкулаў, іх «аб'ектыўны» характар.

Адносна пераканаўчай сілы «Уніі» І. Пацея прывядзем той факт, што пасля яе публікацыі ваявода Ф. Скумін у адным з лістоў да мітрапаліта Рагозы выказаў гатоўнасць слепа ісці за уніяцкімі епіскапамі, паўтараючы адзін з улюбёных выразаў І. Пацея: яны (уніяцкія епіскапы) «личбу даваць будут»¹⁵.

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России (у далейшым — АЗР). СПб., 1851. Т. 4. С. 37—39, 44.

² Найбольш падрабязныя звесткі аб жыцці І. Пацея змяшчае *Polski Słownik Biograficzny*. Warszawa, 1982. Т. 27/1. Z. 112. S. 28.

³ Гл.: Русская Историческая Библиотека (РИБ). СПб., 1882. Т. 7. Далейшыя спасылкі на гэтае выданне даюцца ў тэксце артыкула.

⁴ Гл.: Kazania, homilie meża bożego niesmiertelney sławy, у Pamięci Hipacyusza Pocięia... Supraśl, 1714.

⁵ Аристотель. Риторика. СПб., 1894. С. 186, 190.

⁶ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. Мн., 1991. С. 46.

⁷ РИБ. Т. 7. Стб. 581—582.

⁸ Stec W. // *Studia Staropolskie*. Wrocław, 1984. Т. 50. S. 139.

⁹ АЗР. Т. 4. С. 64.

¹⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 271.

¹¹ Общая риторика. М., 1986. С. 248.

¹² Аристотель. Указ. твор. С. 8.

¹³ Ломоносов М. В. Указ. твор. С. 263.

¹⁴ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 206.

¹⁵ Studziński C. Pierwszy występ literacki Hipacyusza Pocięja. Lwów, 1902. S. 31.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАННИХ РЕЦЕНЗИЯХ Д. И. ПИСАРЕВА

Писарев обратился к рецензии в период сотрудничества в журнале «Рассвет», когда жанровые возможности заметок, которыми он дебютировал, оказались в значительной мере исчерпанными. Переход к новой критической форме совершался тем легче, что жанр рецензии у него вырос из заметки, в которой довольно часто присутствовали элементы анализа, интерпретации произведения. Рецензия вбирает в себя особого рода публицистичность, рождающуюся из сопоставления реальной действительности и ее отражения в художественном произведении. Следует учитывать, что публицистичность в художественном произведении не является чем-то чуждым его другим составляющим: она — один из компонентов органического целого произведений литературы. В критике же публицистический аспект проявляется в более открытых и завершенных формах, становясь одним из значимых и структурно организующих элементов. Содержательное и функциональное своеобразие литературной критики рождает особые, предназначенные именно для этой роли жанры и «жанровые симбиозы». Подобное явление характерно для заметок и рецензий ранней критики Писарева.

Мы исходим из того, что публицистичность — важнейший элемент рецензий Д. И. Писарева, который определяет весь круг затронутых проблем, идейный пафос, аналитические, художественные и полемические средства, используемые критиком при оценке художественного произведения. Первая из рассматриваемых нами рецензий — «Три смерти» — еще близко примыкает к заметкам и посвящена одноименному рассказу Л. Н. Толстого. Главную особенность творчества писателя Писарев видит в умении раскрыть глубинные основы психологии человека: «Никто далее его не простирает анализа, никто так глубоко не заглядывает в душу человека, никто с таким упорным вниманием, с такою неутомимую последовательностью не разбирает самых сокровенных побуждений, самых мимолетных и, по-видимому, случайных движений души»¹.

Рецензия напоминает эссе: публицистичность в ней приглушена, искусство психологического анализа писателя является здесь основой для рассуждений критика о свойствах человеческой натуры. Объясняя произведение, Писарев создает собственный психологический рисунок душевного состояния человека. В «Трех смертях» он помогает читателю увидеть характерные особенности художественного метода Л. Н. Толстого. Как и в некоторых заметках этого времени, критик существенное внимание уделяет эстетическим вопросам.

В рецензии «Дворянское гнездо» социальная сфера представлена несколько шире, размышления критика в большей мере посвящены проблемам воспитания и формирования характера в русском обществе. Темой обусловлен дидактизм рецензии, считает В. Г. Одинокоев².

В образах трех персонажей «Дворянского гнезда» — Паншина, Лаврецкого и Лизы — критик увидел различные социальные типы современного ему общества. Для характеристики героев Писарев обращается к литературной параллели — приему, который займет существенное место в его более поздних статьях. Говоря о Паншине, Д. И. Писарев подчеркивает типичность этого образа; критику важно показать, как общество формирует личность такого рода, в связи с чем проводится параллель между Паншиным, Чичиковым и Маниловым; в рецензии присутствует обязательная оценка жизненного и литературного явления. Отношение критика к Паншину строгое: «Таких людей формирует наше общество, оно воспитывает их с малых лет в салонах или канцеляриях, оно потворствует им своим благоволением и позволяет им достигнуть желанной цели, ежели они идут к ней осторожно и примерно, не производя скандала и не марая себя вопиюще безнравственностью»³. В натуре Лаврецкого Писарева привлекает цельность и естественность его характера, особенно то, что герой сам воспитал себя, избавившись от обломовщины.

Характер Лизы раскрывается в сопоставлении с Ольгой Ильинской и другими героинями русской литературы. Ольга, по мысли критика, является прообразом женщины будущего, Лиза же – это тип современной женщины. Ее образ дает критику повод высказать собственные взгляды на эмансипацию женщины. Сопоставив образы Лизы Калитиной, Ольги Ильинской и Татьяны Лариной, Д. И. Писарев в заключение излагает свое понимание такого общественного института, как женское воспитание: «Истинная цель реформы, совершающейся на наших глазах в женском воспитании, состоит, насколько мы ее понимаем, именно в том, чтобы уравновесить в женщине ум и чувство, чтобы приучить ее самостоятельно думать, анализировать себя и других и последовательно, без увлечения, но с искренним и глубоким чувством проводить в жизнь добытые убеждения. В этом пробуждении женщины к действительной жизни, к умственной деятельности в самом обширном смысле этого слова, – в этом пробуждении, говорим мы, заключаются задатки прогресса для всего нашего общества»⁴. В данной рецензии Писарев не выдвигает критических постулатов с последующим их доказательством. Он выбирает путь анализа «вслед за автором», следуя тексту и идее произведения, что позволяет дать объективную оценку романа. Публицистичность проявляется, главным образом, в выводах, которые органически вытекают из предшествующих рассуждений. Она не вступает в противоречие с объективным смыслом произведения: объемных публицистических отступлений нет, а собственные мысли Писарева являются, по существу, критикой традиционной системы воспитания.

Что же касается последней из рассматриваемых ранних рецензий – «Обломова», то по своему характеру она значительно отличается от всего, что опубликовано Писаревым в журнале «Рассвет». В ней содержатся в «зародышевом состоянии» такие черты критического метода, которые получили дальнейшее развитие в последующих статьях и рецензиях. В сфере социологических оценок критик выступает весьма решительно и категорично, что в будущем станет характерной особенностью его метода.

Рецензия открывается публицистическим вступлением, в котором критик оценивает роман Гончарова с точки зрения его общечеловеческой значимости, т. е. выражения неких общечеловеческих, не зависящих от времен, ценностей. Критик на данном этапе еще признает общезначимые принципы художественного творчества, он во многом близок эстетике Белинского. Публицистическое отступление в рамках рецензии только одно, и оно, как видим, прямо связано с критической оценкой романа «Обломов», по ходу анализа следуют лишь отдельные замечания публицистического характера. Но ярче всего публицистичность проявляется здесь в ином – в оценке действующих лиц романа.

По мнению А. Ф. Бельчикова, в этот период Д. И. Писарев находился под влиянием статьи Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?»⁵. Для выяснения своеобразия их критических оценок попробуем сравнить эти статьи. С точки зрения Писарева, Обломов – герой уходящего века, невольная жертва истории, поэтому к нему надо отнестись «с жалостью». Здесь еще нет беспощадного отбрасывания всего устаревшего, характерного для более поздних статей. В оценке героя Д. И. Писарев и Н. А. Добролюбов в принципе солидарны, хотя приходят к сходным выводам разным путем: Д. И. Писарев декларирует исходные социологические установки в начале рецензии, в то время как Добролюбов обосновывает свои выводы, исходя из характеров героев и анализа художественного произведения. Добролюбов подробно говорит о личности Обломова, его воспитании и образовании, после чего делает своеобразное обобщение: от личности Ильи Ильича критик переходит к типу обломовцев вообще, затем следует характеристика социального явления, материал романа осмысливается на более высоком уровне. Критик группирует сходные литературные персонажи, преследуя определенную цель – выделить для анализа наиболее существенную общую черту характера разных литературных героев: Онегина, Печорина, Рудина и Бельтова, называя их «обломовцами». Таким образом, статья Добролюбова базируется на литературной параллели. У Писарева же в ранних рецензиях литературная параллель встречается, скорее, как определенный прием. Полнее применяться она будет в рецензиях «Писемский, Тургенев и Гончаров» и «Женские типы в романах Писемского, Тургенева и Гончарова».

Итак, Добролюбов на первый план ставит анализ литературного явления, затем приводит аргументы в защиту своей точки зрения на это явление, потом следует углубленный анализ и сопоставление литературного произведения с действительностью, т. е. выход к публицистичности. Выводы критика являются заключительным этапом анализа. Соответствует этому и сама организация материала в статье Добролюбова: в заключительной ее части критик почти не обращается к анализу романа. Здесь преобладают публицистические отступления, явление действительности как бы раздвигается вширь и исследуется на большом фактическом материале, после чего следует резюме критика.

Критический же метод Писарева отличается от добролюбовского большим субъективизмом. Социальные установки оказываются для критика более важными, нежели объективный литературно-критический анализ; публицистичность приобретает в данном случае некий самодовлеющий смысл, который искажает художественную правду образа и объективный смысл произведения.

Именно этим обстоятельством обусловлен тот факт, что главным лицом критического анализа у Писарева становится не Обломов, а Штольц, олицетворяющий, по мнению критика, новое социальное явление, которое становится разумной альтернативой старому, обломовскому началу жизни. Важнейшей задачей и критики и литературы Писарев уже тогда считал пропаганду новых идей, что и обусловило подобное критическое преломление образа Штольца. Писарев положительно оценил этого героя, поскольку был убежден, что от появления таких деятельных натур зависит будущее России. В рецензии наблюдается явная идеализация положительных качеств героя, своего рода «перерождение» Штольца под пером критика, Писарев отходит от авторского текста, заменяя последний своими собственными рассуждениями, утверждая собственное видение образа и его оценку.

По той же причине Д. И. Писарев и Н. А. Добролюбов по-разному оценили образ Ольги Ильинской. Д. И. Писарев в начале своих рассуждений о ней столь же четко расставил социальные акценты, как и в случае со Штольцем. Главными ее достоинствами критик считает «естественность и присутствие сознания». С точки зрения Писарева, чувство Ольги способствовало раскрепощению ее ума, обострило в ней способность мыслить. Под пером критика возникает портрет Ольги, далеко не во всем соответствующий тому, который дан автором в романе. В результате героиня обрела явное сходство со Штольцем.

Для Писарева Обломов, Штольц и Ольга Ильинская – это прежде всего явления социального плана и уже потом – литературные типы и герои; для Добролюбова же эти составляющие равнозначны, одинаково важны и особенности характеров героев и их типичность. Само различие литературно-критических жанров (рецензия и литературная параллель) предполагает в данном случае разный уровень глубины анализа: рецензия Писарева более декларативна, оценочна, нежели статья Добролюбова, которая отличается разносторонностью анализа и обобщений, т. е. представляет собою сложный, уже устоявшийся, критический жанр. Начинающему критику «Рассвета» такая форма была еще не под силу: он только начинал писать рецензии вместо заметок.

Таким образом, уже к концу сотрудничества в «Рассвете» в рецензиях Писарева довольно ощутимо проявлялись элементы публицистичности, ставшие отправными точками для критических суждений. В «Рассвете» им были выработаны те основы, которые потом так ярко проявились во время работы в «Русском слове».

¹ Рассвет. 1859. Т. 4. № 10–12. С. 64.

² См.: Одинокое В. Г. Эстетические и литературно-критические взгляды Д. И. Писарева. Новосибирск, 1961. С. 28.

³ Рассвет. 1859. Т. 4. № 10–12. С. 28.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Бельчиков А. Ф. // Известия АН СССР. Отделение лит-ры и языка. 1941. № 1. С. 22.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»

С двадцатых годов в советском литературоведении установилось мнение, что в романе «В тупике» В. В. Вересаев не смог дать адекватное изображение революции. С 1931 г. широко известный роман не издавался более полувека. Теперь положение изменилось. Одно издание следует за другим, критика утверждает, что именно Вересаев был наиболее объективным, и иногда пафос авторов заключается в утверждении ущербности революции. Как же обстоит дело в действительности? Что сказано о революции в романе, главными героями которого являются интеллигенты, не принимающие ее в ее реальности?

Удивительно, но в книге Вересаева белому движению уделено незначительное место. Но о его движущих силах говорить можно. Дмитрий Дмитриевский, молодой ученый и только начавший службу поручик, убедился, что армейская молодежь, в основном некадровая, за Учредительное собрание, но высший командный состав, офицеры гвардии и, конечно, многие другие за возвращение к старому. Безымянный офицер, передавший письмо от сына профессору Дмитриевскому, еще совсем недавно в Петрограде не испытывал вражды к большевикам, но после начала красного террора ушел на юг защищать свободу и Учредительное собрание; в отличие от Дмитрия он предчувствует катастрофу, потому что «...у большинства оказалось не так, до народа им нет никакого дела»¹.

Современный читатель, знакомый с историческими фактами в общем виде или получивший сведения в новейшей интерпретации, в самом деле может подумать, будто Учредительное собрание и было тем органом, который мог обеспечить России наилучшее развитие в будущем. Учредительное собрание, избранное через несколько недель после Октября, намеревалось голосами правых эсеров, меньшевиков и кадетов сохранить буржуазные отношения, экономическую власть капитала и, скорее всего, в своей политике было бы похоже на Временное правительство, дискредитировавшее себя в глазах народа. Полное непризнание Учредительным собранием Советской власти, ставшей реальной властью рабочих и крестьян, сделало их сотрудничество невозможным. А сама борьба за Учредительное собрание велась сторонниками буржуазной республики. Как свидетельствует писатель, этот шанс не был надежным. Не эти цели вдохновляли белое движение. Доктор Сартанов, которому симпатизирует Вересаев, смеясь, предупреждает Дмитрия: «И вы верите, что вас не проведут, как воробушков?» (13).

Подлинные намерения белых выявились сразу же после их военных побед. В занятом Крыму в первых обращениях к населению, расклеенных всюду, они с рассчитанной неопределенностью сообщали о твердом намерении удовлетворить действительные нужды рабочих и справедливо решить вопросы о крестьянской земле. Но чувствовалось, пишет Вересаев, — «...это говорят чужие люди... готовые уступить только то, что никак нельзя удержать, — и все отобрать назад, как только это будет возможно» (201).

Эта политика белогвардейцев, прямо направленная на защиту интересов эксплуататоров и не совпадающая с розовыми мечтами дмитревских, прекрасно согласуется с действиями и рассуждениями большинства офицеров, выведенных в романе эпизодически. Белое движение предстает перед нами реакционной классовой диктатурой. В крайней форме она выражается в терроре и смертной казни политических противников. За убийство двух офицеров на греческие хутора посылают карателей, кавалеристов дикой дивизии, они убивают, издеваются, грабят и жгут; отступая, белые расстреливают пленных комиссаров; вернувшись, вешают рабочих, членов фабричного комитета, снова расстреливают пленных и советских активистов. В армии чувствуется вседозволенность: можно расстрелять из пулеметов солдат с белым флагом, зарубить евреев, застрелить крестьянина, который не отдавал лошадей.

Эта военная диктатура, реквизирующая продовольствие у крестьян, сама, однако, разлагалась сверху донизу. В штабах при бездарных генералах

состояли франты, которых на позициях никто не видел; солдаты сидели в окопах в рваном обмундировании, зато в тылу крестьяне носили английские френчи и американские ботинки; шампанское в ресторанах лилось рекой. Армия грабила население, а при отступлении и наступлении грабеж становился неудержимым.

Большая часть вересаевского романа посвящается советскому периоду. Революция, как показывает ее писатель, — время призывов к свободе и братству и одновременно принуждения и небывалой жестокости, время разрушения сложившихся представлений о собственности и прежних отношений между людьми, смены праздников и календарей, ломки морали, время страха и голода, обретений и надежд.

Катя Сартанова видит, как восторженно встречают крестьяне новую власть, как горячо поддерживают ее рабочие, как даже во время войны и обостренной нужды складываются небывалые прежде отношения, по-новому смотрят глаза и неумело, коряво говорят новые слова.

В первое время Катю поражала привычка к жестокости у солдат и матросов. Как-то в саду дома, где ее соседями были красноармейцы, Катя слушала рассуждения матроса, коловшего доски из ограды для костра, о том, что весь вред «от буржуазного элемента» — их нужно, как ужа вилами, прижать и растерзать, что правильно поступили с офицерами — кого в море с палубы, а то — в топку прямо — пожарься! Ее брат, большевик Сартанов-Седой, во многом правильно объясняет это массовое озлобление: ведь это раньше, в первую революцию, были десятки, ну сотни тысяч, и более сознательные, а теперь поперли миллионы, и думают они не о человечестве, а о себе. Их учили война, голод, несправедливость и безысходность. Попробуй, останови их месть вот теперь, сдержи их жадность. Все это правда, но нельзя не заметить, что Седой одобряет такой ход событий, и лишь однажды промелькнуло в его взгляде удрученное отчаяние перед потоком дикостей и злодейств.

Шире, чем Сейфуллина, яснее, чем Пильняк, описывает Вересаев темные стороны революции, и то, что и современники, и потомки не сумели вполне осознать ее уроки, нанесло большой вред общественному развитию. Не в выигрышном положении оказалась и литература, а сторонники сегодняшних буржуазных преобразований, опираясь на малоизвестные факты и внеисторические размышления, игнорируя или извращая действительность, по-новому пишут историю нашей страны.

Поэтому вересаевский роман — честное свидетельство современника — теперь чаще издается, и в истории литературы ему предназначено более заметное место.

Никому, даже сегодня, не придет в голову считать искажением исторической правды и клеветой на революцию окурки в коридорах и вшей на мягкой мебели в номерах гостиницы, занятой советскими служащими, делегатами, матросами и солдатами с фронта; пыльную засыхающую пальму и грязные стекла в советской столовой, где они едят; красноармейцев, развалившихся в грязных сапогах на турецких диванах буржуазных квартир, или пограничников, ворующих у дачников кур. Особой смелости в этих картинках с натуры не было. Все это более или менее полно отразилось во многих произведениях литературы двадцатых годов.

Можно соглашаться или не соглашаться с немецким революционером, который, увидев разлегшегося на горячих хлебах ломовика, сказал: «Nein, s'ward bei Ihnen nicht gehen» (нет, дело у вас не пойдет). Но в романе таких фактов очень много, и они дополняются другими, еще более значительными. В самом деле, в голодный город привезли из уезда полторы тысячи пудов рыбы, и из-за нераспорядительности властей она сгнила.

Не только компрометируют новую власть бывший вор комендант Сычев, председатель ревкома садист Искандер, заведующий жилотделом взяточник Зайдберг, они ее в определенной степени олицетворяют. Как же относится к ней писатель, как объясняет ее устойчивость в борьбе с прямыми врагами и собственными пороками? Ведь утвердилась она, и даже в наше время всеобщего отрицания это еще никем не подвергнуто сомнению.

Прежде всего тут нельзя забывать, что роман «В тупике» — роман об интеллигенции. Главных героев его традиционно называют прогрессивными. Но их прогрессивность ограничивается Февралем. Октябрь оказывается даже для таких, как Катя и профессор Дмитревский, полуприемлемым. Вот через

их восприятие и даны события в романе. Перед нами калейдоскоп сцен, по сути повторяющихся и призванных объяснить не только сущность классовой борьбы в ее крайнем развитии, но и судьбы большей части русской интеллигенции в это время. Эта, вторая, задача является для Вересаева не менее важной: достаточно вспомнить название романа и эпиграф к нему. Но ни в том, ни в другом случае Вересаев не остается беспристрастным летописцем. Солдаты, рабочие и крестьяне ярко, но эскизно очерчены им во многих эпизодах, и их содержание сводится к вполне определенным итогам. Писатель убежден в неизбежности революции, массовость ее очевидна, цель ее — в улучшении жизни трудящихся и создании нового общества. Не думают арестованные большевики перед расстрелом, что совершили они противозаконный переворот, что не дождались плодов общечеловеческой цивилизации, что не смогут трудящиеся без собственников создать подлинную демократию и обеспечить народ необходимыми благами. Умерли с убеждением, что жили не зря.

Даже в условиях войны профессору Дмитревскому и Кате удастся сделать очень много для народного образования. Катя сама участвовала в открытии школ, курсов, домов ребенка, народного университета, студий и библиотек. А когда была на концерте в своем дачном поселке, удивлялась, как захватила крестьян и красноармейцев классическая музыка.

Как-то, поднявшись после рабочего дня из душного и грязного города в горы, глядела Катя на зеленовато-голубое, меркнувшее небо, на город с окраинами в фиолетовой дымке, раскинувшийся у голубого спокойного моря, и думала: может быть, издали и время это будет видеться иначе — одно только важное и значительное. Но роман создавался современником, видевшим жизнь не из далекого будущего, а в ее пестром, противоречивом, трагическом и величественном движении. Есть в романе и страницы, посвященные Чрезвычайной комиссии. Катя Сартанова, сидевшая в царских тюрьмах, совершенно права, заявляя на допросе в ЧК, что таких бесчеловечных условий, такого унижения личности она не знала. В камере, куда ее поместили, было пять женщин, они расположились прямо на холодном полу на тюфяках, одеялах и подушках, переданных из дому; сырой подвал слабо освещал свет из двух зарешеченных отдушин, на прогулку не водили, кормили впроголодь. Правда, Катю скоро отпустили, новый предревкома отдал под суд начальника тюрьмы...

Отношение писателя к ЧК не только отрицательно, и особенно важно не пропустить рассуждения одного из его высших руководителей, Воронько, образ которого создавался под впечатлением беседы с Ф. Дзержинским. Разумеется, Воронько не Дзержинский, хотя и похож на него внешне, некоторые его высказывания более чем спорны, но главное писатель не отвергает. А главное это то, что в условиях страшной классовой войны с хорошо организованным, высококультурным, защищающим свое уже реформированное отечество классовым врагом, поддержанным со всех сторон мировой буржуазией, ожесточенным неудачами и растущим сопротивлением, неизбежен террор. Неизбежно и появление новой морали, которая является следствием этой войны. Это вдруг поняла Катя. И пусть те, кто считает «В тупике» романом антисоветским, объяснят, почему начальник всеукраинской ЧК Воронько описан с очевидной симпатией? Старый писатель увлекся, не додумал, не исправил?

Не только исторически ценными, но и неожиданно актуальными оказываются те немногие страницы, на которых рукой мастера очерчены сцены из жизни местных большевистских верхов. Нет никаких оснований абсолютизировать наблюдения Вересаева, но нельзя и игнорировать их.

Предревкома Корсаков лучше других видит неумение, некультурность, а зачастую и беспринципность трудящихся, пришедших к власти. Знает и об огромных злоупотреблениях. Но для него это трудности, которые нужно и можно преодолеть. Он понимает, что во время гражданской войны при разорванных хозяйственных связях новая власть не сможет восстановить все производство и организовать торговлю, сносно обеспечивающую людей. «...Что-то тут нужно сделать... Рано или поздно придется ввести какие-то коррективы» (172), — говорит он.

Его мысли о людях у власти нетрадиционны для нашей прежней литературы и современной публицистики. Наиболее подготовленными и надежными он считает интеллигентов, закаленных в предреволюционной

борьбе, отдельные рабочие, пожалуй, крепче и цельнее, но большинство, как правило, менее устойчивы, легче злоупотребляют властью. И вообще Корсаков боится опьянения властью, безнаказанности и неподготовленности.

Не обошел писатель и тип, который внушает подлинный страх и отвращение. Это губернский комиссар по продовольствию Колесников. По его приказам расстреливают крестьян за невыполнение продразверстки. Властью он хочет пользоваться как неограниченный диктатор, пренебрегая интересами и судьбами людей. Из интеллигенции ему нужны только офицеры — боевики и инженеры американского типа. А вот свои нужды он не ограничивает.

Роман «В тупике» написан писателем, тяжело переживавшим кровавую классовую борьбу. Как и его герои, он не принимал в ней участия, но как только наступали периоды относительного спокойствия, Вересаев приступал к работе в советских культурных учреждениях, а главное, продолжал писать. Он сделал свой выбор и до последнего дня, несмотря на трудности, выпавшие на его долю, был верен ему.

¹ Вересаев В. В. В тупике. Л., 1989. С. 51. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

Э. В. ЧУМАКЕВИЧ

ВАЛААМ В ЖИЗНИ И. С. ШМЕЛЕВА (творческая история очерка «Старый Валаам»)

Произведения замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева наконец возвращаются на родину.

Семи лет от роду И. С. Шмелев остался без отца, а чуть позже умер и плотник Горкин — духовный наставник и воспитатель мальчика. С тех пор практически некому было посоветовать, научить, наставить, разрешить его сомнения.

Воспитанный в религиозной семье, где выше всего почитались честность и труд, И. С. Шмелев, окончив гимназию, в 1894 году стал студентом Московского университета. Он много читал. В юношеские годы И. С. Шмелев познакомился с идеями рационализма шестидесятников, атеистическими взглядами Белинского, Чернышевского, Добролюбова, с учением Л. Н. Толстого.

Осенью 1895 года, женившись, двадцатилетний студент решает посетить Валаамский Преображенский монастырь. Такой выбор, вероятно, был обусловлен желанием разобраться, определить, насколько правы атеисты в вопросах религии.

Создав семью, вступая в новый этап жизни, И. С. Шмелев не мог без внутреннего перелома принять идеи отрицания Бога. Будущий писатель интуитивно чувствовал в рационализме, научно-техническом прогрессе определенную опасность. Сбитый с толку учением атеистов, молодой Шмелев пытался понять, чем же заполнится душа человеческая, если действительно рационализм вытеснит Бога.

Приближаясь вместе с другими паломниками, ехавшими «по святому делу», к Валааму, он внутренне «спрашивал себя — а я по какому делу? И — не знаю»¹.

Вдвоем с юной женой они провели несколько дней на Валааме, где Шмелев, по его словам, нашел успокоение и ответы на мучившие его вопросы.

Творческим итогом этой поездки стала книга — художественный очерк — «На скалах Валаама», изданная в 1897 г. Она и стала началом писательской деятельности И. С. Шмелева (до этого у него был опубликован рассказ «У мельницы», 1885 г.).

Жанр художественного очерка был очень распространен в литературе того времени. И. С. Шмелев, не отклоняясь от его законов, рассказывает о встречах, беседах с жителями Валаама, участниками путешествия. Очерк молодого писателя «На скалах Валаама» явился отражением внутренних поисков жизненной точки опоры.

В рассказе «Моя первая книга», написанном уже в эмиграции, Шмелев подробно описывает печальную судьбу очерка «На скалах Валаама»: цензура

изъяла более 30 страниц текста. В таком виде книга выглядела жалко, не раскупалась. Остатки тиража он был вынужден продать букинисту за гроши. Один экземпляр писатель послал на Валаам тогдашнему настоятелю монастыря игумену отцу Гавриилу, остальные – затерялись. Шмелев тяжело переживал неудачу с книгой, десять лет после этого ничего не писал.

В статье «Иван Шмелев – известный и скрытый» исследователь Е. Осьминина рассказывает, что побывавший на Валааме в 1935 г. писатель Б. Зайцев привез Шмелеву в Париж экземпляр его первой книги «На скалах Валаама»². Сотрудничавший тогда в газете «Православная Русь», Шмелев переделал свое юношеское произведение, и читатель получил «Старый Валаам» – плод работы зрелого мастера. Произошло воскресение книги. Писатель через сорок лет погружается в атмосферу радости вновь обретенной веры.

Время пребывания на Валааме оказалось для будущего писателя полным сначала удивления, а потом восхищения и преклонения перед жизнью монахов, перед их трудом. Уклад жизни, порядки, царившие на острове, поражали и его, и всех богомольцев. Уже на пароходе, приближавшемся по бурной Ладоге к Валааму, намечается перелом в душе автора, появляется уважительное отношение к верующим: «Я вижу слезы, блистающие глаза, н о в ы е лица, просветленные. Сжимает в груди восторгом... Такого не испытывалось ни от Штирнеров, ни от Спенсеров, ни от Штраусов, ни от Шекспира даже. Я чувствую – м о й народ. И какой же светлый народ, какой же добрый и благостный» (с. 80).

Шмелев подробно и точно описывает быт монахов, ухоженные сады и цветники, чистые кельи, чудо-водопровод, их уважительное отношение к людям без различия чинов и званий: перед Богом все равны.

Переработанное произведение обрело облик не просто очерка, а очерка-воспоминания. Восторженные впечатления И. С. Шмелева-студента перемежаются иногда с грустными, иногда с полными надежды на возрождение глубокими и провидческими размышлениями зрелого писателя: «Сколько же лет прошло с той валаамской ночи? Со-рок лет! ...Думалось ли тогда ч т о будет?!» (С. 84).

Валаам прошел через всю жизнь Шмелева. Он заставил его понять то, что вера в нем никогда не умирала, что здесь он почувствовал почву под ногами: «И этот забытый мир, отошедший куда-то с детством, – пришел, ж и в о й» (С. 81).

В «Старом Валааме», как и во всех своих последующих произведениях, И. С. Шмелев предельно искренен и честен. Это – основа его творчества. В этом – бессмертие и ценность его произведений.

С монастырями связано много удивительного в жизни И. С. Шмелева. Святой старец Варнава благословил в Троице-Сергиевой лавре юного студента «на путь», на Валаам. Более того, предрек ему: «...превознесешься своим талантом». И умер Шмелев в монастыре, в обители Покрова Пресвятой Богородицы под Парижем, причем в день памяти св. апостолов Варфоломея и Варнавы – 24 июня 1950 г.

Эти совпадения, по-видимому, не случайны, как не случайно высказанное в книге «Старый Валаам» беспокойство о судьбе монастыря, веры и подвижничества. И. С. Шмелев не ошибся. В 1939 г. во время советско-финской войны остров Валаам был подвергнут сильным бомбардировкам (он занимал стратегическое положение). Монахи по льду ушли в Финляндию, монастырь с тех пор перестал существовать. Ныне в Финляндии существует небольшая обитель, в ней 12 послушников – все финны.

Наше время – время восстановления поруганных святынь. Восстановлен и действует Преображенский монастырь на Валааме. Но воссияет ли он, как старый Валаам?

Прекрасны вселяющие надежду строки светлой душой, замечательного русского писателя И. С. Шмелева: «Пожил я – и узнал, многое узнал. И как бы хотел теперь, через десятки лет с того августовского утра, найти крепко на подвиге стоящего, отрешившегося от всего земного, – благословиться. Где Россия, творившая светлых с т а р ц е в, духовников народных? Есть ли они теперь на новом Валааме? Сердце мне говорит, что есть, в необъятных родных просторах, неяркие, может быть, прорастающие только в великом народе нашем. Придет время – и расцветут редкостные цветы духовные: Господний Посев не истребится... Многое мне открылось, великое.

И еще, важное. Закрыты человеческие судьбы; в явлениях жизни, случайных и незначительных, таятся порой великие содержания: будь осторожен в оценках; в трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека: Господний она сосуд» (С. 91, 98).

¹ Шмелев И. С. Старый Валаам // Москва. 1990. № 9. С. 79. Страницы других цитат из романа указаны в тексте статьи.

² См.: Осьминина Е. // Москва. 1991. № 4.

П. П. ЛАВРЕНОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР»

А. И. Солженицына в западной литературе называют «обличителем зла XX века». Но это для него не самоцель. Для писателя важно потеснить несправедливость во имя добра. Выполнить эту благородную миссию призваны его персонажи: Иван Денисович из «Одного дня...», Глеб Нержин из романа «В круге первом», Саня Лаженицын из военно-исторической эпопеи «Красное колесо»...

К одним из самых светлых образов относится обычная крестьянка из деревни Тальново, по имени которой назван рассказ «Матрёнин двор».

Жизнь Матрёны как «Житие» наполнена «сокровенным смыслом», и писатель поставил себе цель разгадать его. Внешне ничем не примечательная, больная, живущая «в запущии», «одинокая женщина лет шестидесяти», раскрывается неповторимыми гранями души, воспетыми еще древне-русской литературой. Все события, разворачивающиеся в повести, в основном связаны с домом Матрёны. Внешний мир едва обозначен. Старый дом с непритязательной природой близки повествователю: «Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы, избушка перекосяченная... Но я уже видел, что жребий мой был – поселиться в этой темноватой избе с тусклым зеркалом, в которое совсем нельзя было смотреться, с двумя яркими рублевыми плакатами...».¹ Сдержанностью описания, проникнутого грустным лиризмом, писатель как бы «запрограммировал», а точнее, предугадал, расшифровал трагический исход. Помещая описание дома вслед за описанием природы, автор подчеркивает их тесную связь. Жизнь Матрёны и природа как бы откликаются на несчастья и болезни друг друга. Природа производит впечатление больной, уставшей, тихо умирающей: «высыхающая речушка», «две-три ивы». И сама Матрёна производит тягостное впечатление: «Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем... В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее». И дом Матрёны: «... не низкий – восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепка, посерели от старости бревна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка» (С. 115). Так писатель выстраивает логический ряд: природа – дом – хозяйка, подчеркивая их единство и взаимозависимость. Нет привольной природы, ощущения широкого простора, поэтому и приходит в ветхость дом, оказывая физическое давление на свою обитательницу. Академик Лихачев Д. С. пишет: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека»². В жизни Матрёны «воля и простор» отсутствуют, но тем ценнее и значительнее качества ее души.

На первый взгляд, уклад жизни Матрёны донельзя бестолков: «Просторная изба и особенно лучшая приоконная ее часть была уставлена по табуреткам и лавкам – горшками и кадками с фикусами» (там же). Колченогая кошка и грязно-белая коза, огород, дающий скудный урожай, – вот и все хозяйство, убогое и примитивное. Но эта неприветливость в быту делает Матрёну свободной от зависти, жадности, дает ощущение внутренней свободы. Кредо жизни таких людей, ищущих смысл не в достатке, емко сформулировал еще В. В. Розанов: «Не слушайте, люди, чужих сказок. Любите свою сказку. Сказку своей жизни. Жизнь каждого есть сказка, только один раз рассказанная в мире»³. По мнению философа, каждый

человек есть неповторимое воплощение Божьего замысла. Пусть он несчастен, беден, но он прекрасен. Научившись довольствоваться малым, он и других людей будет ценить не по материальному достатку. Поэтому перестрадавший повествователь и разглядел в «бесприютной» Матрёне ту «нутрянную Россию», которая схоронила себя в первозданной чистоте и пронесла ее через все годы страданий. Матрёна сохранила душевный такт, скромность, отзывчивость россиянки. Вставая в четыре-пять утра, она «тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь... Мне почти не слышались ее утренние хлопоты...» В ответ на «Доброе утро» всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. Они начинались каким-то теплым мурчанием, как у бабушек в сказках: М-м-мм... так же и Вам!» (С. 118). Символично и имя ее – Матрёна, т. е. мать, мать, дарящая жизнь, радость, свет и тепло. В жизни ей не довелось испытать сполна материнской радости: «У Матрёны с Ефимом дети не стояли: до трех месяцев не доживая и не болея ничем, умирал каждый». (С. 131 – 132). И все же не ожесточилась она, не забыла высшего долга служения людям, осталась матерью. Наперекор судьбе воспитала девочку Киру, выдала замуж. Это глубоко русская черта: жить в мире и согласии с окружающими, терпеть лишения и одновременно противостоять судьбе. Такую жизнь обычно называют подвигом. На эту особенность русского характера обратил внимание Д. С. Лихачев: «Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание...»⁴. Иначе говоря, подвиг – это не только одномоментный акт, совершаемый человеком в экстремальных обстоятельствах. Это еще и жизнь «вопреки всему», «наперекор судьбе». Тяжелая жизнь не подорвала морального здоровья Матрёны: она никогда не жалуется на жизнь, а лишь сетует на «супостатов»: «Притесняют меня, Игнатийч... Иззаболталась я». И тут же: «Но лоб ее недолго оставался омраченным. Я заметил: у нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа – работа... Наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрёна уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой» (С. 120). Матрёна, как и Иван Денисович, лишена свободы даже на бытовом уровне. Ее свобода сужена до пределов урезанного огорода, дома, границ сердца, души. Но внутренний мир оказался неприступной твердыней для казарменно-феодалной сельской деспотии. Матрёна через свою внутреннюю свободу максимально раздвигает рамки внешнего несвободного мира. Одной из составляющих ее внутренней свободы является житейская мудрость, заключающая в себе высший философский смысл российского бытия: «Худос видели, хорошее увидим». Терпение и неистребимая вера в лучшее – одно из становых качеств русского характера Матрёны Васильевны. Потому и нет жалоб на жизнь, ибо: «Если даже она тускла, кротка, несчастна: она все же лучше Песен Ангелов. Ибо всякое «я» есть ангел и песня его единственна»⁵.

Противоречие между действительностью и внутренним миром героини порождает своего рода двоемирие. Жесткие условия жизни заставляют подчиняться обстоятельствам, но внутренняя свобода противостоит внешнему миру, преодолевает внешнюю несвободу и даже подчиняет ее себе. Когда, например, жена председателя вынуждает больную пенсионерку Матрёну выйти на работу, что иначе как насилием не назовешь, та, как будто, покоряется. Но потом рассказывает: «Да что говорить, Игнатийч! Ни к столбу, ни к перилу эта работа. Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать». А вот когда работали на себя, т. е. не подневольно, «так никакого звука не было, только – ой-ой-ойиньки, вот обед подкатил, вот вечер подступил» (С. 123). Свободный труд (будь то сбор брусники, хвороста, копка картошки) заставляет отступить внешний враждебный мир, делает его менее опасным: «Теперича я зуб наложила, Игнатийч, знаю где брать, – говорила она о торфе. – Ну и местечко, любота одна!» Или помогая соседке: «Ах, Игнатийч, и крупная же картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу, правда!» (С. 123).

Раздвоенный, расколотый мир изуродовал души многих, в том числе и Фаддея, заставил его жить по своим законам. Матрёна же остается цельной натурой. Духовное богатство позволяет ей радоваться обильному урожаю, красоте родных мест. Она сохранила внутренний свет, осталась критерием добра, той свечой для путника, которой согреваются сердца, укрепляется вера и появляется надежда. Нездоровый мир раздвоил даже родной дом:

«... кто-то когда-то, еще по хорошей жизни, склеил Матрёнину избу рифлеными зеленоватыми обоями, да не просто в слой, а в пять слоев. Друг с другом обои склеились хорошо, от стены же во многих местах отстали – и получилась как бы внутренняя шкура на избе» (С. 117). Подмечено: крестьянский дом – это модель Вселенной. И как космос, тоже не терпит нарушения гармонии внутри себя. Первая мировая война нарушила эту гармонию. Началось с замужества. Вышла не за того и не вовремя: «Был Ефим моложе меня на год. Говорят у нас: умная выходит после Покрова, а дура – после Петрова... Пошла я... На Петров день повенчались...» (С. 131). Последующие годы не принесли счастья. Дети умирали, жили без достатка, а во вторую мировую пропал и муж. Так единожды нарушенное равновесие жизни и не удержавшееся в критической точке начало раскручиваться гигантским «красным колесом», наворачивая на себя все новые несчастья. Трагические события раскололи микрокосм Матрёны, сделали его уязвимым. От стен крепкой избы отстала шкура, как отстает она от живого существа после длительного и непрерывного битья палками. Мертвая, высохшая шкура избы стиснула жизнь стальным обручем. Точно так же стиснула и жизнь Ивана Денисовича лагерная роба – шкура. Вспомним, в «Буранном полустанке» Ч. Айтматова, чтобы лишить человека памяти, превратить его в раба, на его голову натягивали шкуру. Выдерживали немногие, а те, кто выживал, превращались в бессловесное послушное животное. И Матрёне пришлось бы погибнуть раньше, если бы не теплые бревенчатые стены, сила духа, да работа, распрямлявшие ее. Вместе с родным домом она выстояла, осталась естественной и открытой: «От красного морозного солнца чуть розовым залилось замороженное окошко сений... и грел этот отсвет лицо Матрёны. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей» (С. 134). В своей жизни она руководствуется правилом, сформулированным Иваном Денисовичем: «Кряхти да гнись. А упрешься – переломишься». Но рабской покорности в ней нет. Показательно ее поведение во время ссоры с мужем: «...Я с золовкой поссорилась, он ложку мне об лоб расшибил. Вскочила я от стола: «Захлебнуться бы вам, подавиться, трутни!» И в лес ушла. Больше не трогал» (С. 131). Сила характера способствует сохранению нравственной чистоты, дает силы для отчаянного поступка: «Конь был военный у нас, Волчок, здоровый... Раз с испугу сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила» (С. 124).

Но если мы пристальней всмотримся в облик и поведение Матрёны, то заметим в ней нечто от блаженной, дурочки. То, что ее окружает, тоже несет на себе печать шутовства, некоего юродства: речка высыхающая, кошка колченогая, коза криворогая и т. д. И в самой Матрёне заложена «порча». Солженицын разработал образ крестьянки в традициях русской литературы и устного народного творчества. Достаточно вспомнить сказку об Иванушке-дурачке, где он оказывается вовсе не глупым. Если быть более точным, в Матрёне сведены черты Василисы Прекрасной и Иванушки. Решительность, мужество – от Василисы; наивная доверчивость, простота, доброта – от Иванушки. По поводу этих качеств Д. С. Лихачев пишет: «Зато ходили дураки по всей Руси, странствовали, с дикими зверями и птицами разговаривали... Учили они любить волюшку, не принимать чужого важничанья и спеси, не копить много добра, легко отрываться от своего нажитого, легко жить... но не принимать всяческой кривды. И совершали скоморохи и юродивые подвиг – тот подвиг, который делал их почти что святыми, а часто и святыми»⁶. Жизнь Матрёны – яркая иллюстрация такого образа жизни, жизни праведницы. Она живет по законам совести и высшей правды.

Будучи человеком «от земли», Матрёна несет в себе весь комплекс вековых предрассудков. Языческие верования и представления делают ее трогательно беспомощной: «Но отнюдь не была Матрёна бесстрашной. Боялась она пожара, боялась молоньи, а больше всего почему-то поезда... На Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет; что если мятель крутит – значит кто-то где-то удавился...» (С. 124–125). Матрёна может противостоять явлениям «земного» происхождения, но перед стихией она как человек, чье благополучие полностью зависит от природных условий, не задумываясь, преклоняется. Это обстоятельство давало в прошлом повод критикам упрекать Матрёну в «необразованности», «несразвисти».

Но, во-первых, вера в приметы еще не есть неразвитость. Вера в «черную кошку» – пока неотъемлемая часть нашего миропонимания. И, во-вторых, в повести убедительно показано отношение Матрёны к искусству. У нее есть свои критерии оценки, но понять красоту она в состоянии. Ей не понравился Шалапин, но: «передавали как-то концерт из романсов Глинки. И вдруг после пятка камерных романсов Матрёна, держась за фартук, вышла из-за перегородки растепленная, с пеленой слезы в неярких своих глазах: «А вот это – по-нашему...» – прошептала она» (С. 127). Чуткой, отзывчивой душе, отдавшей силы работе и людям, не может быть чуждой высокая поэзия, музыка, рожденная на этой же земле.

Но, как ни странно, при всем своем бескорыстии, видимой доброте она осталась непонятой большинством родственников и сельчан. Благородные качества были поставлены ей же в вину: «и не чистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросенка не держала, выкармливать почему-то не любила; и глупая, помогала чужим людям бесплатно...» (С. 145). Никто не упрекнул Фаддея, который даже при непогребенных близких занимался этим самым «обзаводом». Видимо, основательно изменились критерии оценки ценности человека... Развращенное сознание, потеря нравственных ориентиров подтолкнули родню Матрёны к разрушению ее последнего прибежища – ветхого дома: «В стенке они покинули щели, и все показывало, что ломатели – не строители и не предполагают, чтобы Матрёне еще долго пришлось здесь жить» (С. 133). «Ломатели» выполнили функцию «злодеев», посланных враждебным миром. Дом, как живой организм, грубо лишенный одной своей части, не выстоял, не выжил, не уберег хозяйку. Замкнулось трагическое кольцо. Однажды разорванный войной мир привел к гибели неприметной, но незаменимой женщины, украшавшей жизнь.

При всем шемящем трагизме рассказ все же оставляет светлое чувство: «будто душа умылась». Пока стоят наши села, города, есть, значит, в них еще и праведники. Живет в них вечная «нутряная Россия», неяркая, но чистая, звонкоголосая. Дело лишь за малым – разглядеть и понять ее.

¹ Солженицын А. Рассказы. М., 1990. С. 114, 116. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

² Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. Л., 1987. Т. 2. С. 425.

³ Розанов В. В. // Опыты. Литературно-философский сб. М., 1990. Вып. 1, С. 294.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 423.

⁵ Розанов В. В. Указ. соч. С. 294.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 427.

М. А. ПОПОВА

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ДРАМАТУРГИИ ФРИША

Экзистенциальная философия Ясперса, Кьеркегора, Хайдеггера своей онтологической проблематикой оказала заметное влияние на многих писателей Европы и США, но искусство Швейцарии первой половины XX в. экзистенциальные поиски еще не затронули. Сказался швейцарский феномен «стилевого запаздывания» – проявление охранительных тенденций в литературе, когда искусственно был прегражден доступ новым влияниям, провозглашена незыблемость традиций Келлера и Мейера – национальных классиков реализма. Тем более значительным является творчество Макса Фриша, предложившего свой ракурс рассмотрения онтологических проблем.

С теоретиками экзистенциализма Фриша роднят неприятие форм современной социальной действительности, размышления о богооставленности человека, об отсутствии всякого смысла в его существовании и тщетности попыток обрести этот смысл. Эти проблемы волновали писателя уже в ранний период творчества, о чем свидетельствуют его «Листики из вещмешка»: «И боль – игра, и смерть – игра, и жизнь – игра: они (боги) знают, что стоит за всем этим, но никогда не скажут. Потому что нам этого не перенести. Нужно быть бессмертным, чтобы суметь жить без веры»¹. Размышления Фриша созвучны философии Хайдеггера и Сартра, пользовавшихся понятием *Nihil* (Ничто) для обозначения неосознанности человеком цели жизни: «Человеку нужны боги, как мерцающая завеса, отделяющая его от Ничто... Всюду, где только можно коснуться великолепной

завесы, сквозь нее просвечивает Ничто... Как благодарны они (люди) всему, что подбрасывает им цель жизни»².

Мироощущение писателя, исследовавшего сознание личности, трагизм ее деперсонализации, не могло не совпасть во многом со взглядами теоретиков «трагического гуманизма», ибо последний является непосредственной реакцией на тотальную стандартизацию жизни: от повседневности и производства до идеологии и культуры. Так, Хайдеггер предлагал ввести «экзистенциал» – «Maп», суть которого – «усредненность, выравнивание», являющиеся, по мнению философа, основными чертами бытия индивидуумов в современном обществе. Причину такой усредненности, распада привычных связей между людьми, между личностью и обществом Фриш, вслед за экзистенциалистами, видит в отчуждении человека от продуктов своего труда, в сведении его личности к роли, функции.

Представители «трагического гуманизма», определив отчуждение как всеобщий признак человеческого бытия, пришли к выводу об обострении этого процесса в современных условиях, поскольку чувство страха усиливается осознанием опасности уничтожения цивилизации. Если предшествующие поколения надеялись коренным образом переделать мир, то поколение, к которому принадлежали Фриш (1911 – 1990) и наиболее близкий ему по мировоззрению Камю (1913 – 1960), перенесло акцент с улучшения мира на его сохранение, на защиту ценностей гуманизма. Опасность уничтожения человечества заставляет Фриша и Камю обратиться к внутреннему миру личности. Если каждый будет следовать по пути познания себя и истины, угроза ядерной войны может быть предотвращена, считает Камю. Фриш же рассматривает гибель цивилизации как необратимо грядущую реальность, в чем убеждает его пьеса-фарс «Китайская стена» (1946). Историко-литературные образы этой пьесы, символизирующие мышление разных исторических и культурных эпох (Колумб, Пилат, Ромео, Наполеон), утверждают не только повторяемость онтологических проблем, волнующих личность, но и повторяемость онтологических настроений тревоги, страха, смятения.

Исследуя сознание человека, Фриш искал причины трагизма его судьбы в цивилизации XX в. Он определяет современный мир как мир порядка, подразумеваемый под этим мертвенную упорядоченность, выхолащивание всего живого в слепой подчиненности букве закона. В контексте пьес писателя порядок – это тот же абсурд, как называют мир без веры, надежды и радости экзистенциалисты. Фриш, как и Камю, Ницше, Кьеркегор, призывает жить настоящим, отбросить надежду и отважиться осознать свое истинное положение в бытии, ибо будущее неизбежно ведет к смерти. Сконцентрированность на смертности человека характерна для экзистенциальной концепции личности; в том же ракурсе Фриш рассматривает участь «я». В «Листках из вещмешка» (1940) читаем: «Человек – существо, обреченное на гибель; он видит бесконечность и понимает, что ему придется умереть»⁴. Вскоре, однако, писатель отказался от пассивной позиции и занялся поисками ответа на вопрос: можно ли что-нибудь противопоставить обреченному мировосприятию ведомого на заклание индивида?

Не ограничиваясь провозглашением непригодности современного мира, Фриш, как и Камю, видит свой долг в анализе ее последствий. При этом оба художника намеренно обращаются к индивидуальному, интровертному опыту, годному лишь для однократного использования. Оба отвергают общий для всех социальных групп путь к счастью, признают ошибочность материалистической концепции, предлагающей только общественный, только исторический путь. История, в видении Фриша, – бег по кругу, достойная сожаления повторяемость насилия и ошибок, а не смена формаций, необратимо ведущая к развитию личности.

В 40–50-х гг. Фриш рассматривает индивидуалистический протест против абсурдного мироустройства как единственную возможность преодолеть отчуждение личности; для реализации этого протеста необходимо иметь свободу выбора «следовать ли за ангелами света или тьмы»⁵. Писатель инкриминирует обществу отсутствие этой свободы. Обвинение швейцарского художника звучит в унисон с голосами Камю и Сартра: человек, замурованный социумом в своей роли, не свободен делать выбор и отвечать за него. Фриш настаивает на свободе выбора как точке отсчета, с которой начинается подлинное развитие человека. Лишая человека этой свободы, общество тем самым лишает его возможности развития.

Но что заставляет личность осуществлять выбор вопреки прессингу общества? Прокурор в «Графе Эдерланде» Фриша стал воспринимать жизнь как бремя после того, как столкнулся с немотивированным, абсурдным убийством. Его совершает тихий, ко всему безучастный кассир банка, доселе мечтавший лишь о повышении жалованья. На глаза ему попадается топор, которым безупречный служащий в состоянии иррационального аффекта убивает банковского вахтера. Это немотивированное спонтанное убийство является жалкой, заведомо обреченной попыткой, ограниченной ролью личности протестовать против невыносимости конформного существования. Осознать глубинные психологические мотивы происшедшей трагедии читателю помогает Прокурор. Готовя обвинительную речь против убийцы, он вдруг понимает: причина преступления кроется в однообразном, обезличенном существовании, на которое обрекает человека современная цивилизация. Бунт кассира является только отправным звеном основной сюжетной линии – линии Прокурора. Это дело перевернуло всю его жизнь, вышибло из устойчивой колеи. Прокурор постигает степень подавленности индивидуального начала социальным и готов удивляться скорее тем, кто не берет в руки топор, довольствуясь существованием, лишенным всякой подлинности. Именно столкновение с абсурдом кладет конец всем заблуждениям, иллюзиям, заботе о будущем, заставляет смотреть на мир открытыми глазами. В этом позиция Фриша на определенном этапе совпадает с позицией Камю, изложенной им в «Мифе о Сизифе». В середине 50-х швейцарский писатель рассматривает общество уже не столько как враждебное начало, сколько как партнера. Речь теперь идет о попытке диалога: личность – общество.

Из ощущения бессмысленности жизни, овладевающего героями Фриша, есть только два выхода, как утверждает Кьеркегор в «Или-или»: «Самоубийство – отрицательная форма бесконечной свободы. Счастлив тот, кто найдет положительную». Герои швейцарского драматурга ищут «положительную» форму, но зачастую обретают лишь «отрицательную»: подчинение абсурду, ведущее к самоубийству (Агнес в первой редакции «Когда закончилась война», Карл в «Опять они поют», Прокурор в первой редакции «Графа Эдерланда», Анна и Родриго в «Дон Жуане», Роже и Франсина в «Триптихе»). Однако Фриш, как и Камю, предпринимает все новые поиски позитивного решения. Противостоять абсурду полным осознанием своего удела пытаются герои Камю (Комедиант, Дон Жуан, Завоеватель, Писатель), к этому же стремятся Барон, Прокурор, тот же Дон Жуан, Штиллер в произведениях Фриша.

Характерно, что необходимым логическим этапом развития личности по пути достижения подлинности «я» в произведениях и Фриша, и Камю выступает нигилизм. Ницшеанский вывод из бесконечной свободы – вседозволенность – опробуют на своих героях оба писателя, исследующие проблему индивидуалистического преодоления абсурда: Фриш – на образе Графа Эдерланда, Камю – на образе Калигулы. Ценность человеческой жизни рассматривается художниками в единственном измерении: с точки зрения подлинности выбора и полноты существования. Важен сам путь достижения подлинности и результат пути, а не его нравственные аспекты. В эссе «Бунтующий человек» Камю образно иллюстрирует этот тезис: можно заниматься лечением прокаженных, но не меньше оснований имеют те, кто топят печи крематориев телами узников, поскольку с констатацией смерти Бога приходится констатировать и утрату христианской шкалы ценностей. В первой пьесе «Санта Крус» Фриш еще смешивает понятия вседозволенности и свободы: Пелерин отказывается взять на себя ответственность за доверившуюся ему Эльвиру и собственного ребенка, ибо отстаивает свое право на непривязанность, непринадлежность определенному месту, женщине, образу жизни. Барон же, сохранивший преданность традиционной иерархии ценностей, именно в силу этого оказывается не в состоянии достичь экзистенциальной свободы: он не смог сбросить с себя груз ответственности.

Вскоре, однако, осмысление военной действительности заставляет писателей изменить отношение к вседозволенности, оценить ее резко негативно. В пьесе «Опять они поют» (1945) Фриш осуждает нигилиста Герберта, последовательно воплощавшего в жизнь свободу по-ницшеански; в «Дневнике 1946 – 49» писатель возвращается к этому болезненному для него вопросу.

Камю, после участия в Сопротивлении, в «Письмах немецкому другу» переоценивает свое отношение к интеллектуальному имморализму. Теперь оба художника, изображая раефлексирующее сознание личности, делают акцент на уровне ее нравственности и ответственности.

Сближает Фриша с философией экзистенциализма и восприятие человека как сущности вечно изменяющейся. Впрочем, в этом восприятии писатель исходит не только из философского, но и из литературного, национального контекста: такая концепция личности присуща немецкоязычной интеллектуальной литературе 20–30-х гг. (Э. Канетти, Р. Музиль, Г. Гессе). Главное в мироощущении Фриша – возможность бесконечных вариаций, релятивизм, свобода изменений как основное свойство жизни. Эта возможность уничтожается только со смертью, ибо «единственный случай, у которого нет вариантов, – смерть»⁶. Экзистенциальный характер этого высказывания Фриша очевиден; более того, писатель чуть ли не дословно вторит идее Камю, изложенной в «Эссе об абсурде». Швейцарскому художнику, наряду с Сартром, Кьеркегором, присущ взгляд на личность как на своего рода «проект», который реализуется или не реализуется. Процесс обретения индивидом человеческой сути, напряженный и трагедийный, продолжается всю жизнь, ибо общество препятствует обретению этой сути на всех этапах индивидуального «пути души в поисках благодати», как называл духовное развитие личности А. Камю⁷. В «Дневнике 1946–49» Фриш раскрывает свою концепцию человека как индивида, становящегося личностью постепенно, по мере участия в бытии.

Понятие «свободы» Фриш трактует полемично по отношению к Сартру: не как удел и трагедию личности, а как цель жизни. Герой швейцарского писателя страдает не от обреченности на свободу, а от необходимости борьбы с собой, с отведенной ему ролью, с окружением – за возможность поисков этой свободы. Герой (а вместе с ним читатель) ищет и стремится воплотить свою субъективную истину, «без которой жизнь стала бы невозможной»⁸ – в полном соответствии с тезисом Кьеркегора.

Итак, в концепции личности, предложенной Фришем, исходной точкой развития является осознание абсурда. Цель ее развития – достижение подлинности, идентичности с собой; условие достижения – свобода выбора; направленность духовного пути – противостояние. Эти онтологические идеи выявляют экзистенциальность мироощущения писателя, определившую специфику его творчества.

¹ Фриш М. Листки из вещмешка / Пер. Э. Львовой. М., 1987. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985. С. 325.

⁴ Фриш М. Листки из вещмешка. С. 60.

⁵ Frisch M. Tagebuch 1946–1949. München; Zürich, 1965. S. 165 (пер. наш—М. П.).

⁶ Ibid. S. 97.

⁷ Камю А. Творчество и свобода. М., 1990. С. 113.

⁸ Frisch M. Tagebuch 1946–1949. S. 140.

Н. М. САРКИСОВА

МОТИВ СТРАДАНИЯ В ПОЭЗИИ С. Т. КОЛРИДЖА (1772–1834)

Творчество Колриджа постоянно открывается заново: обнаруживается поразительная близость нашему времени философских идей, поэтических откровений самого загадочного поэта эпохи романтизма. «Для некоторых умов Колридж стал не только близким по духу явлением из прошлого, но действенной современной силой», – отмечает Кэтлин Кобурн, известная исследовательница его творчества¹. Часто Колриджа называют пророком, предвосхитившим будущие открытия в литературе («поток сознания» Джойса, экзистенциализм Сартра) и философии («абсолютный идеализм» Бозанкета, идеи Кассирера)². Особое значение приобретает та нравственная сила философии практического гуманизма, которая одухотворяет символику его уникальных поэм.

В поисках смыслового центра, определяющего происхождение, характер и направленность философско-художественной идеи системы образов и

постоянных символов в поэзии Колриджа, мы остановились на способе лирического переживания (*lyrical passion*), выделив мотив страдания. Прежде чем начать рассмотрение смыслообразующего и смыслонаправляющего мотива страдания в поэмах Колриджа, необходимо охарактеризовать «тринитарный» способ мышления поэта. Идею троичности, или единосущной Троицы, Колридж распространяет на все сферы знания: от религии и философии до языкознания. Выделяя три, или кратные трем, ипостаси единой сущности языка, цвета, Бога и т. д., Колридж выстраивает отношения между ними по принципу тезиса, антитезиса, мезотезиса – синтеза, при этом всегда имея в виду некое первообразование – протезис, сообщающий единосущность всем частям единого целого. Протезис – это изначальное тождество явления и сущности. Необходимо же воплотить, осуществить это тождество, поскольку высшая ценность бытия осознается в процессе обретения явлением своей истинной сущности. Такое построение Троицы включает характерное для романтической поэзии противостояние человека и Бога (в этом отношении можно сравнить осмысление библейской притчи о Каине Колриджем в «Сказании о Старом Мореходе» и Байроном в мистерии «Каин»). Колридж не персонифицирует Бога как носителя высшей воли, определяющей судьбы людей, как Отца, владеющего жизнью Сына. Для него Бог – это и есть то первоначало, абсолютное тождество природы и ее сущности, протезис, к которому в процессе синтеза можно приблизиться. По сути дела это означает движение к самосознанию, обретению вселенского и общечеловеческого смысла в своей земной и частной жизни. Природу человека также отличает триада: воля (тезис), разум (антитезис), любовь (синтез)³. С идеей триединства связаны темы воплощения нравственной природы человека («Сказание о Старом Мореходе»), перевоплощения («Кристалль») и самоценного творчества («Кубла Хан»), которые условно можно обозначить как тезис, антитезис и синтез единой триады. Таким образом, в рамках художественно-философской модели единосущной триады эти поэмы представляют собой целостный мир, единое целое. Старый Морях, Кристалль и поэт из «Кубла Хана» – это герои, воплощающие соответственно процесс самообретения, возможность потери своей сущности и результат полного слияния человеческой природы и божественной сущности.

Человек может прозреть и ощутить себя частью единого Целого, почувствовать свою ответственность за сохранение всеобщей связи органичного мироздания, а может остаться механически существующим объектом в объятиях Смерти-в-Жизни. Колридж не мог согласиться с утверждением, что нравственность – это регулятивный принцип разумного самоограничения поведения человека. Это противоречило представлению о божественности, богоравности человеческой души. Нравственность присуща природе человека как конституирующий принцип и дается не извне в виде набора правил, а рождается изнутри, в процессе борения стихийных сил добра и зла на уровне сознания и подсознания, в каждом человеке индивидуально. По этой причине Колридж не соглашался с аргументацией Канта относительно «категорического императива». Становление человека как нравственного существа связано не столько с идеей необходимого самосовершенствования, но, что важнее и существеннее, с идеей самовоплощения в своем истинном ценностном качестве. Этот процесс связан с постоянно возникающим состоянием страдания и стремлением преодолеть его. Посмотрим, как мотив страдания развивается в поэмах Колриджа. Если попытаться представить космогоническую модель художественного мира Колриджа в соответствии с идеей триединства, то получится сфера (эллипс) с центром – везде, поверхностью – нигде и с тетраэдром – внутри, касающимся своими вершинами условной поверхности сферы и вращающимся вокруг подвижной оси. Путь человека от центра, который он для себя находит в этой сфере, направлен, как вектор, в бесконечность, но в системе координат, определенной тремя сторонами (кратно) вращающегося тетраэдра. «Человек не движется циклически, хотя это свойственно природе. Путь человека подобен полету стрелы», – отмечает Колридж. «Восхитительная... тетрада является формулой Бога, которая схожа с Троицей» («The adorable... tetrad is the formula of God»)⁴. Представим такую тетраду в поэме «Сказание о Старом Мореходе»:

Протезис – изначальное тождество – Человек – Вселенная, Я-Мир
Тезис – Я (Человек)

Антитезис – Мир (Вселенная)

Мезотезис – неопределенное соположение – механическое, неосознанное пребывание Я и Мира

Синтез – органичное со-бытие и со-осуществление Я и Мира, воплощение единства Я и Мира.

Таким образом, отношение между протезисом, изначальным, неосознаваемым тождеством, и синтезом, осуществленным и приобретенным ценою душевных мук и работы воображения, является отношением между двумя тезисами. Как правило, в поэмах Колриджа кольцевая композиция, и действие сюжета завершается там, где началось. Мореход отплывает от родных берегов в свое роковое путешествие одним человеком, а возвращается на родину с новым внутренним видением. Лирическое переживание героя разворачивается в космическую драму души. Старый Моряк превращается в символическую фигуру вечного скитальца, его реальное путешествие от полюса до полюса – в одиссею души, прошедшей через преступление, наказание к прозрению и искуплению, реальное время (день и ночь), пространство (юг – север, экватор) – в вечность и космос, Луна и Солнце в символы света-истины и света-обмана. Весь этот грандиозный мир взаимоотношающихся явлений микро- и макрокосмоса приводится в движение и обретает внутренний сокровенный смысл на фоне мук и страданий главного героя. Каждый образ в поэме приобретает значение символа, благодаря проникновению в реалистический мир сверхъестественного смысла (так, белоснежный Альбатрос представляется «христианской душой» и символом творческого воображения⁵), с одной стороны, и воплощением невероятного в зримом (персонификация Смерти и Смерти-в-Жизни), с другой стороны. Символ объединяет идею и образ, идеальный и буквальный смысл, делает «внешнее внутренним, внутреннее внешним..., природу мыслью, а мысль – природой». Сама поэма в целом символизирует прозрение героя, обретение им духовности и цельности сознания, объявшего весь мир. На этом этапе страдание преодолевается радостью единения со всем сущим (в лунном свете Мореход неожиданно открывает для себя красоту морских змей и благословляет все живое на земле). Такое разрешение конфликта позволяет назвать Колриджа «евангелическим писателем», создавшим, по определению Толкина, «евкатастрофическую» поэму⁶. Но состояние страдания продолжается на ином уровне – герой бесконечно одинок среди людей, не испытавших его мук. И преодоление страдания такого характера Мореход находит в исповеди-проповеди, с которой время от времени обращается к одному среди тысяч. Он заставляет свадебного гостя пройти вместе с ним тот же путь, но только в воображении, предлагает проникнуть в сокровенный смысл жизни и обрести иную радость по сравнению с той, что ждала его на свадьбе друга. Таким образом, мотив страдания тесно связан с со-страданием, сопереживанием. И если первое преодолимо с помощью синтезирующей силы Воображения, то второе – только в Воображении. Эта тема со-чувствия и со-переживания гениально выражена в стихотворении «Эта беседа – моя тюрьма». В полной мере она раскрыта и в знаменитом фрагменте Колриджа «Кубла Хан». Поэт, переживающий состояние вдохновенного творчества, в видении осуществляющий свой символ веры, в итоге оказывается окруженным магическим непроницаемым кругом. Люди, привлеченные звуками его песнопений, находятся за пределами этого круга, они отъединены от него и не способны внять его видениям, пережить вместе с ним эту высшую радость творческого волнения. В этом драма одиночества, отчуждения и причина страдания поэта-пророка. Колридж и в жизни (план Пантисократии, поэтического братства в Стоуэе), и в творчестве (идея Органического Единства) стремился к объединению, со-мыслию и со-чувствию. Как правило, в самом глубоком смысле, такие люди оказываются одиноки, но, как бы ни был типичен для характеристики романтиков тезис об индивидуализме, в отношении Колриджа он будет несправедлив. Поэзия Колриджа содержит в себе черты как раннего, так и позднего романтизма (градация, чаще применяемая к немецкому романтизму), но идейно-нравственный смысл мотива страдания как способа лирического переживания в его стихотворениях указывает на то, что Колридж противостоит тем тенденциям в романтической поэзии, которые легли в основу поэзии «мировой скорби» и крайнего индивидуализма. Колридж утверждает творчество, а не протест, исповедует «благоговение перед жизнью», а не отрицание мира, несправедливо устроенного.

С особой силой мотив страдания выражен в поэме «Кристабель», где средствами сказочного повествования показана трагедия насильственной трансформации человеческого сознания, подмена сущности с помощью ложной яви. Колриджу удалось превратить средневековую балладу в романтическую сказку, в которой строго определенные образы – положительные и отрицательные, персонифицированные понятия добра и зла превратились в образы подвижные, текущие, а зло и добро, порок и добродетель, загадочно слившись, рассеяны в самой атмосфере поэмы и в самих героях, поддающихся превращениям под действием друг друга. Если обычно в сказках превращения приводят к счастливому концу, то в «Кристабели» они приобретают зловещий оттенок, а поэма заканчивается на тревожной ноте без традиционного финала. «Причина, по которой я не окончил «Кристабель», не в том, что я не знал, как это сделать... Задача, поставленная в «Кристабели», – самая сложная для исполнения в поэме – дьявольщина при свете дня...»¹. Кристабель, идеальная героиня, прекрасная обликом и душой, выходя из леса вместе с Джеральдиной и входя в замок, выходит из мира средневековой сказки и попадает в мир превращений, обольщений, подмены смысла, в атмосферу лжи и предательства. Этот переход, подобно Стиксу, символизируют тревожные и загадочные знаки (вой собаки, потухшая свеча), возникающие при переходе порога замка. Дух зла в личине добра поражает устоявшееся мирозерцание в старом замке. Проникновение иррациональной злой силы в само подсознание героини и ее сопротивление этому воздействию воплощено в отношениях между Кристабелью и Джеральдиной. Момент, когда Кристабель ощущает на себе пристальный взгляд змеиного глаза Джеральдины и невольно подражает ему, потрясает художественной силой. Такая трагедия раздвоения и разрушения личности безысходна, поскольку невидима постороннему взору, даже отца, неосознанно предающего родную дочь. Внутренний мир человека и его духовная сущность оказываются беззащитными перед властью иррационального зла. Тема подмены истины, обмана, выраженная в сказочной форме, имела актуальное звучание в атмосфере жизни постреволюционной Европы. В поэме Колриджа именно Кристабель – главная героиня (у Китса – Ламия-оборотень), поскольку только она страдает от уродливого прикосновения лжи, ощущает враждебность воздействия Джеральдины на себе, в отличие от всех в замке. Как сложится ее судьба – неизвестно, но осознание героиней своего страдательного состояния оставляет хрупкую надежду на благополучный исход, хотя весь смысл идеи поэмы в этой тревожной неопределенности.

Поэмы Колриджа трагичны, но страдание героев, стремящихся обрести гармонию жизни и остающихся в мучительном одиночестве, имеет высокий смысл: переносясь из обыденного мира привычных видимостей в трансцендентный мир скрытых сущностей, они становятся ясновидцами и сотворцами, осознающими мир как единое целое.

Можно утверждать, что Колридж открыл в поэзии новые горизонты познания мира как становящейся субстанции. В «Золовой Арфе» оно разрешается радостью всеобщей гармонии жизни, в оде «Уныние» – беспредельным одиночеством и болью. Эти два крайних состояния души нашли свое предельное выражение в двух направлениях романтической поэзии – поэзии «мировой скорби» (в английском романтизме она олицетворена именем Байрона) и поэзии, которую можно назвать, следуя определению Бетховена, лирикой «движения к радости через страдание» (к ней можно отнести Колриджа, Вордсворта, Шелли). У Колриджа находят отражение обе тенденции романтизма, но предпочтение отдается второй. Радость имела для Колриджа «евангелический» смысл, и раскрыть его необходимо даже ценой «эскапизма»: «Надежда силу даст // Боль побороть, и жизнь он не предаст»⁸.

¹ См.: Coleridge S. T. Collection of Critical Essays. London, 1967. P. 11.

² См.: Muirhead J. H. Coleridge as Philosopher. London, 1930.

³ См.: Coleridge S. T. Table Talk and Omniana. Oxford, 1917. P. 69, 94.

⁴ Ibid. P. 177, 243.

⁵ См.: Coleridge S. T. Collection of Critical Essays. London, 1967. P. 78.

⁶ См.: Толкин Д. Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 277.

⁷ Coleridge S. T. Table Talk and Omniana. Oxford, 1917. P. 72.

⁸ The Complete Poetical Works of S. T. Coleridge. Oxford, 1912. V. 1. (пер. наш—Н. С.)

І. Л. БУРАК

ГРАМАТЫЧНЫЯ КАНКРЭТЫЗАТАРЫ ПАРАТАКСІЧНЫХ ЗЛУЧНІКАЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Паратаксічныя (злучальныя) злучнікі адыгрываюць вялікую ролю ў структурнай арганізацыі звязнага тэксту. Яны ўжываюцца ў якасці сродкаў сувязі для аб'яднання непрэдыкатыўных, паўпрэдыкатыўных, прэдыкатыўных і камунікатыўных адзінак і выражаюць разнастайныя семантыка-граматычныя адносіны паміж імі. Найбольш тыповымі і шырока ўжывальнымі сярод паратаксічных злучнікаў з'яўляюцца *і, а, але, ды*. Яны невытворныя, сінсемантычныя або семантычныя, могуць быць аднамясцовымі і неаднамясцовымі (за выключэннем *але* і *ды* ў значэнні *але*), вылучаюцца высокай ступенню адцягненасці свайго зместу. Трэба адзначыць, што гэтыя злучнікі маюць як агульнае, так і прыватныя значэнні. Агульнае значэнне ўласціва злучніку як прадстаўніку службовай часціны мовы, у той час як прыватныя значэнні звычайна рэалізуюцца толькі ў кантэксце. Агульным для злучнікаў *і, а, але, ды* з'яўляецца злучальнае значэнне. Прыватныя значэнні ўнікаюць з уласцівай ім семантыкі падабенства і адрознення або супрацьпастаўлення і істотна адмяжоўваюць адзін злучнік ад другога. Так, злучнік *і* аб'ядноўвае адзінкі (або іх кампаненты) тоесныя, аналагічныя, аднафункцыянальныя; злучнік *а* – розныя, непадобныя або супрацьлеглыя; злучнік *але* – супрацьлеглыя; злучнік *ды* – тоесныя або супрацьлеглыя. Злучніку *і* ўласцівы спалучальнае, прычынна-выніковае, умоўна-выніковае, супраціўнае, далучальнае і пачынальнае значэнні; злучніку *а* – супастаўляльнае, неадпаведнасці, супраціўнае, далучальнае, пачынальнае значэнні; злучніку *але* – супраціўнае, неадпаведнасці і далучальнае значэнні; злучніку *ды* – спалучальнае, супраціўнае, неадпаведнасці, далучальнае і пачынальнае значэнні. Некаторыя значэнні, у прыватнасці супраціўнае і далучальнае, уласцівы ўсім чатыром названым вышэй злучнікам, але яны маюць розны характар, адрозніваюцца наяўнасцю дадатковых адценняў і сродкамі іх выражэння. Шырыня значэнняў і шматграннасць адценняў у паратаксічных канструкцыях са злучнікамі *і, а, але, ды* дае магчымасць выразіць усю складанасць сувязей паміж з'явамі аб'ектыўнай рэчаіснасці, адлюстравачь іх комплексны характар і ўзаемную абумоўленасць. Разам з тым прасочваецца «імкненне ўдакладніць адценне значэння, звузіць шырыню выражальных паратаксічным злучнікам значэнняў, зрабіць выражэнне адносін больш накіраваным, больш аднабаковым, адналінейным – і тым самым некалькі наблізіць да характару выражэння адносін падпарадкаваннем»¹. Усё гэта ў пэўнай меры дасягаецца шляхам падключэння да злучнікаў *і, але, а, ды* адпаведных канкрэтызатараў, якія маюць граматычны, інтанацыйны і семантычны характар. Найбольш ужывальныя ў сучаснай беларускай мове граматычныя канкрэтызатары, да якіх адносяцца трывальна-часавыя суадносіны выказнікаў, формы ладу дзеясловаў-выказнікаў і парадак слоў.

Так, асноўная роля ў выражэнні адносін адначасовасці або паслядоўнасці пры спалучальным значэнні злучнікаў *і, ды* належыць трывальна-часавым суадносінам выказнікаў, якія ўваходзяць у склад аб'яднаных адзінак і паказваюць час і характар адначасовага або паслядоўнага існавання розных з'яў і падзей. Пры адносінах адначасовасці выказнікі ўжываюцца ў адным

і тым жа часавым плане, а іменна: цяперашні час: *Шчабечуць і ціўкаюць птушкі* (Я. Брыль); *Ляжыць зямля ў адзенні белым, і дрэвы ў шэрані стаяць* (Я. Колас); *Віхор арэ ды барануе* (Я. Купала); *Спявае палоззе ды сэрцы гавораць* (М. Калачынскі); *прошлы час: Мы граблі сена і спявалі на увесь луг* (А. Якімовіч); *Свяцла сонца, і павяваў лагодны ветрык* (К. Чорны); *Навокал гніла куп'істая дрыгва ды моклі панурыя лясы* (І. Мележ); *будучы час: Я буду адпачываць і слухаць музыку* (К. Чорны); *Будуць нівы і будуць сады* (П. Броўка); *Лес застогне ўначы, ды ваўкі завуюць* (Я. Колас).

Трывальныя суадносіны дзеясловаў паказваюць ступень супадзення з'яў і падзей у часе: пры аднолькавых трываннях супадзенне поўнае, пры неаднолькавых – частковае: *Па вуліцах Мінска спяшае трамвай і голасна, звонка няе* (М. Хведаровіч); *Трапяталі матылькі і гулі мошкі* (Ц. Гартны); *У чарацным гушчары шчабеча ды шастае нейкая птушыная дробязь* (Я. Брыль) – трыванне аднолькавае (незакончанае), супадзенне поўнае. *Ля рэчкі на лузе дубок прытаўся і рос* (Зм. Бядуля); *Шумелі дрэвы, і пачуліся галасы* (К. Чорны) – трыванні дзеясловаў-выказнікаў розныя, супадзенне частковае; у адзін з момантаў працяглага дзеяння ўзнікла новае, непрацяглае дзеянне; супадалі яны толькі ў пэўны прамежак часу, а затым адно закончылася, а другое працягвала існаваць. Для аб'яднання сінтаксічных адзінак з адносінамі адначасовасці, у якіх дзеясловы-выказнікі маюць розныя трыванні, злучнік *ды*, як правіла, не выкарыстоўваецца.

Пры адносінах паслядоўнасці выказнікі часцей за ўсё маюць розныя часавыя планы, дзякуючы чаму характар гэтых адносін праяўляецца найбольш выразна. Трыванні дзеясловаў-выказнікаў у такім выпадку не адыгрываюць асабліва вялікай ролі, а таму яны могуць быць як аднолькавыя, так і розныя: *Распасцёрлі крыллі рыштаванні і ўзнімаюць фабрык карпусы* (М. Хведаровіч); *Прыпынілі жанкі гоман ды з сахой ідуць на Нёман* (Я. Колас) – *прошлы і цяперашні час, закончанае і незакончанае трыванні*. *Цвітуць сады і хутка ў лузе кветкі зашумяць* (П. Глебка) – *цяперашні і будучы час, незакончанае і закончанае трыванні*. *Ужо прыляцелі жаўранкі, і ў хуткім часе прылятуць шпакі* (Звязда) – *закончанае трыванне, прошлы і будучы час*.

У тых выпадках, калі выказнікі ўжываюцца ў адным і тым жа часавым плане, адносіны паслядоўнасці праяўляюцца менш выразна. Пры гэтым асноўная роля ў выражэнні названых адносін звычайна належыць трыванням дзеясловаў-выказнікаў, якія маюць розную форму і размяшчаюцца ў строгай лінейнай заканамернасці, напрыклад: *Закінуўшы за спіну вінтоўку, ён выламаў дубчык і пасцёбваў ім у доле, паглядаючы ў бок буданоў, адкуль павінен быў паявіцца Маслакоў* (В. Быкаў); *Схавалася сонца, ды стала цямнець* (П. Галавач) – *прошлы час, закончанае і незакончанае трыванні*. *Прыедзе другі пісар, і будзеце з ім работу рабіць* (Я. Колас); *Зачыняй куфар, ды будзем палуднаваць* (К. Крапіва) – *будучы час, закончанае і незакончанае трыванні*. Калі ж трыванні дзеясловаў-выказнікаў таксама супадаюць (г. зн. маюць аднолькавую форму), адносіны паслядоўнасці вызначаюцца лексічным значэннем гэтых выказнікаў і іх парадкам у тэксце. Такім спосабам адносіны паслядоўнасці выражаюцца асабліва часта: *Ападзе барвяніцай рабіна на дол і застыне ў чаканні спатканняў вясновых* (К. Кірэнка); *А праз тыздзень зубчатае сонца грабянцам і зямельку ачысціць, і на полі шырокім бясконца пойдзе трактар сталёвы ўрачыста* (П. Глебка); *Сабраліся ўсе ды пайшлі* (Я. Купала); *Прайшоў невялікі дождж, ды зноў стала суха* (Зм. Бядуля).

Формай ладу дзеясловаў-выказнікаў і парадкам слоў дакладна размяжоўваюцца прычынна-выніковае і ўмоўна-выніковае значэнні злучніка *і*. Немалаважную ролю ў гэтым размежаванні адыгрывае лексічнае значэнне слоў, якія ўваходзяць у склад аб'яднаных кампанентаў і звычайна выконваюць ролю выказнікаў, а таксама інтанацыя. Напрыклад: *Галіны дрэў цёрліся адна аб другую і скрыпелі* (К. Чорны); *На дварэ стала холадна, і ён апрануў кажух* (І. Шамякін) – прычынна-выніковыя адносіны, інтанацыя прычыннага абгрунтавання аднаго кампанента і выніку другога кампанента. *Зірнуў тады дзед на злоўленага ментуза – і ледзь не самлеў* (М. Лынькоў); *А з'ясі ты з бульбай скварку – і работа пойдзе шпарка* (А. Русак) – ўмоўна-выніковыя адносіны, адваротны парадок слоў, інтанацыя абумоўленай матывіроўкі аднаго кампанента і выніку другога кампанента.

Прыведзеныя прыклады паказваюць, што перад злучнікамі і вытрымліваецца адпаведная паўза (меншая – пры непрэдыкатывных адзінках і большая – пры прэдыкатывных адзінках), а сам злучнік нясе на сабе дадатковы націск. Такая інтанацыя – яркае сведчанне таго, што пасля паведамлення ў першым кампаненце чакаецца такое новае паведамленне, якое было б увасоблена ў другім кампаненце і поўнасьцю раскрыла б сутнасць і прызначэнне папярэдняга паведамлення². Нездарма А. М. Пяшкоўскі падкрэсліваў, што функцыя інтанацыі ў такіх канструкцыях (асабліва калі аб'яднаных кампаненты маюць прэдыкатывны характар) некалькі набліжаецца да функцыі, якую выконваюць падпарадкавальныя злучнікі ў складаназалежных сказах з даданымі прычыны і даданымі ўмовы³.

Формы ладу дзеясловаў-выказнікаў (авесны – для прычынна-выніковых і ўмоўны або загадны – для ўмоўна-выніковых адносін) найбольш выразна рэалізуюцца пры аб'яднанні прэдыкатывных частак у межах складанага сказа, напрыклад: *Жонка ціха так міргае, і Лукаш адразу звяў* (Я. Колас); *Хлопчыку захацелася есці, і ён заплакаў* (М. Лынькоў); *Давайце прагуляемся па святочнай вуліцы, і адразу налешчыцца настрой* (К. Чорны); *Схадзіў бы ты да доктара – і рука твая ўжо даўно б зажыла* (М. Зарэцкі).

Ад парадку слоў у пэўнай меры залежыць супастаўляльнае значэнне злучніка *а* і супраціўнае значэнне злучнікаў *а, але*. Пры супастаўляльным значэнні злучніка *а* аб'ядноўваюцца галоўным чынам прэдыкатывныя адзінкі, паміж якімі выражаюцца ўласна супастаўляльныя адносіны. У аснове гэтых адносін звычайна знаходзяцца працэсуальныя адзінкі, якія афармляюцца выказнікамі аб'яднаных кампанентаў і даюць магчымасць перадаваць асноўнае адрозненне паміж абазначанымі імі з'явамі аб'ектыўнай рэчаіснасці. Суадносныя выказнікі ў такім выпадку выражаюцца словамі рознага (не аднолькавага) лексічнага значэння і памячаюцца лагічным націскам. Супастаўленне працэсуальных адзнак звычайна суправаджаецца адначасовым супастаўленнем носьбітаў гэтых адзнак, звязаных з імі аб'ектаў, розных сітуацый, якія абазначаюцца дзейнікамі, дапаўненнямі або акалічнасцямі ў складзе суадносных кампанентаў. Значная роля «у выражэнні супастаўляльных адносін належыць і «унутранай структуры», у прыватнасці, прынцыпу паралельнага размяшчэння кампанентаў канструкцыі»⁴. Пры аналагічным парадку слоў у аб'яднаных кампанентах уласна супастаўляльныя адносіны праяўляюцца асабліва выразна: *Дзед гаварыў, а Міколка слухаў* (М. Лынькоў); *У лузе весела цвіркалі скакунцы, а з балота даносіўся дружны жабін хор* (Ц. Гартны); *Я табе буду пісаць, а ты мне будзеш адказваць* (К. Чорны); *Над дарогамі вісеў пыл, а над поплавам трымцелі хвалі мроева* (І. Шамякін). Калі ж на першы план выносіцца супастаўленне не саміх працэсуальных адзнак, а іх носьбітаў або звязаных з імі аб'ектаў, то парадак слоў змяняецца, і ў другім кампаненце за злучнікамі *а* размяшчаецца словаформа, якая абазначае суб'ект або аб'ект дзеяння і суправаджаецца лагічным націскам: *Каровы матка падоіць, а бацька коні напоіць* (К. Крапіва); *Белыя і ўтульныя сталі гаі, а поле здавалася чыстым і сінім* (Б. Мікуліч); *Расце мята ў агародзе, а на градах цвіце мак* (П. Трус); *Пчолак гудуць пад вішняю, а пад яблынькаю Хвёдар Руцкі храпе на ўсе застайкі* (К. Чорны). Сімптаматычна, што суадносныя выказнікі звычайна характарызуюцца трывальна-часовай аднапланавасцю.

Тое ж самае назіраецца і пры афармленні супраціўнага значэння злучнікаў *а, але*. У аснове супраціўных адносін знаходзіцца процілеглая семантыка суадносных кампанентаў, якія ўваходзяць у склад аб'яднаных адзінак, звычайна абазначаюць працэсуальныя адзнакі і займаюць пазіцыю выказнікаў прэдыкатывных частак складаназлучанага сказа (з выказнікамі ў даным выпадку заўсёды звязаны іншыя члены сказа, якія суправаджаюць і удакладняюць агульны працэс супрацьпастаўлення). Напрыклад: *Пану ціваю варон страляць, а нам спіны гнуць* (Зм. Бядуля); *Знік вясёлы настрой. Пераходы былі цяжкія, а адпачынкі кароткія* (М. Машара); *Пісаніны многа, але толку мала* (І. Шамякін); *Раніцай ішоў дождж, але цяпер свеціць сонца* (К. Чорны). Як відаць з прыкладаў, дзякуючы паралельнай будове аб'яднаных частак супраціўныя адносіны праяўляюцца асабліва рэльефна.

Існуе думка, што паратаксічным злучнікам прыпісваюцца значэнні аб'яднаных імі простых сказаў, а таксама значэнні, якія выражаюцца інтанацыяй або формамі выказнікаў, а самі злучнікі ўжываюцца ў якасці

«чыстай скрэпы» і не ўплываюць на семантычныя ўласцівасці ўтворанай з іх удзелаў сінтаксічнай адзінкі⁵. Аднак такое сцвярджэнне наўрад ці пераканаўчае, таму што канкрэтныя значэнні любога злучніка заўсёды вызначаюцца ў кантэксце. Акрамя таго, варта толькі замяніць у складзе сінтаксічнай адзінкі адзін з паказчыкаў сувязі на другі, як адразу праяўляецца ненейтральнасць сродкаў сувязі, іх асобая семантычная і сінтаксічная рэlevantнасць. З гэтага вынікае, што наяўнасць пэўнага значэння, адцення значэння нават у самых адцягнутых па семантыцы злучнікаў уяўляе сабой іх рэгулярную ўласцівасць, якая вызначае іх катэгарыяльнае значэнне. Граматычныя канкрэтызатары (трывальна-часавыя суадносіны выказнікаў, формы ладу дзеясловаў-выказнікаў, парадак слоў) якраз і дапамагаюць максімальна дыферэнцыравана выразіць розныя значэнні паратаксічных злучнікаў. Пры іх наяўнасці дадатковыя сродкі ўдакладнення, як правіла, не патрабуюцца.

¹ П о п о в а И. А. // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 395.

² Гл.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1. С. 373 і далей.

³ Гл.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 470 і далей.

⁴ Булахов М. Г., Рабчинская И. А. // Русско-белорусские языковые связи: Сб. науч. трудов. Мн., 1976. С. 9.

⁵ Гл.: Пешковский А. М. // Избранные труды. М., 1959. С. 141—142.

Т. В. КАПЯЙКО

ДА ПЫТАННЯ АБ ЛЕКСІКА – СЕМАНТЫЧНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ Ў СФЕРЫ ТЭРМІНАЛОГІІ

Ніякая лінгвістычная тэорыя, асабліва калі яна імкнецца адлюстравачь сучасны стан лексіка-семантычнай сістэмы, не можа не разглядаць кола праблем і пытанняў, звязаных з вывучэннем тэрміналогіі.

Уласны лексічны фонд беларускай нацыянальнай мовы заўсёды з'яўляўся і з'яўляецца асноўнай крыніцай стварэння новых тэрмінаў. Пры гэтым вельмі важнае значэнне набывае семантычная дэрывацыя, сутнасць якой заключаецца ў стварэнні тэрмінаў з існуючых у літаратурнай мове слоў шляхам надання ім асаблівага тэрміналагічнага значэння. Не выпадкова акадэмік В. У. Вінаградаў у свой час адзначаў: «Паміж слоўнікаў навукі і слоўнікаў быту цесная сувязь. Усякая навука пачынае з вынікаў, здабытых мысленнем і мовай народа, і ў далейшым сваім развіцці не адрываецца ад народнай мовы. Нават так званыя дакладныя навукі да гэтай пары ўтрымліваюць у сваіх слоўніках тэрміны, узятых з агульнанароднай мовы»¹.

Пастаянная неабходнасць у назвах здзяйсняецца рознымі словаўтваральнымі спосабамі, сярод якіх асобае месца належыць такому віду семантычнай дэрывацыі, як метафарызацыя. Пераасэнсаванне ўжо існуючых у мове лексічных адзінак для абазначэння новых паняццяў і рэалій з'яўляецца традыцыйным для беларускай мовы і даволі актыўным працэсам яе развіцця. Метафарызацыя служыць крыніцай якаснага ўзбагачэння мовы, а дзякуючы гэтаму адбываецца эканомія моўных сродкаў. Адным з вынікаў метафарызацыі з'яўляецца развіццё тэрміналагічнай лексікі, калі тэрміны ўзнікаюць на аснове пераносу назваў па падабенству – часам нават нечаканаму – паміж двума і больш прадметамі. Напрыклад: аксамітка – 'стужка з аксаміту' і аксамітка (звычайна мн.: аксаміткі) – 'травяністая расліна сямейства складанакветных з жоўтымі або карычневат-пурпурнымі кветкамі'; багамол – 'набожны чалавек, які многа моліцца, ходзіць на багомолле' і багомолы – 'атрад драпежных насякомых паўднёвых краін'.

Многія вучоныя, пачынаючы з Арыстоцеля, звярталіся ў сваіх

навуковых працах да метафары. Тайна метафары і сёння прыцягвае да сябе лінгвістаў, філосафаў, псіхолагаў, логікаў. Такая цікавасць да метафары садзейнічала ідэйнай кансалідацыі розных напрамкаў навуковай думкі, у выніку чаго з'явілася кагнітыўная навука, якая даследуе розныя бакі чалавечай свядомасці². В. В. Пятроў заўважае: «У яе аснове – меркаванне аб тым, што чалавечыя кагнітыўныя структуры (успрыманне, мова, мысленне, памяць, дзеянне) непарыўна звязаны паміж сабою ў рамках адной агульнай задачы – здзяйснення працэсаў засваення, перапрацоўкі і трансфармацыі ведаў, якія, уласна, і вызначаюць сутнасць чалавечага розуму»³.

Працэс метафарызацыі выклікаецца звычайным для носьбітаў мовы ўменнем вылучаць характэрныя якасці прадметаў ці з'яў у час назірання за навакольнай рэчаіснасцю, уменнем бачыць адны прадметы праз другія, а новыя з'явы параўноўваць са старымі, ужо вядомымі. Адзіства прымет у новых і раней вядомых паняццях з'яўляецца той падставай, дзякуючы якой і адбываецца перанос. Працэс выяўлення агульных прымет або ўласцівасцей адбываецца шляхам супастаўлення, у выніку чаго вылучаюцца з агульных прымет найбольш інфарматыўныя. Пасля гэтага ідзе далейшае фарміраванне паняцця аб'екта даследавання пад уплывам значэння агульнаўжывальнага слова, што дазваляе заўважыць нейкія дадатковыя агульныя рысы супастаўляльных паняццяў і выявіць адрозненні ў гэтых паняццях. У выніку адбываецца замацаванне выбранай адзінкі намінацыі за новым паняццем. Гэтае замацаванне суправаджаецца аддаленнем новага паняцця ад значэння агульнаўжывальнага слова.

Пераноснае значэнне моўнай метафары з цягам часу пачынае ўспрымацца як прамое. Характэрнай асаблівасцю метафары ў мове навукі з'яўляецца тое, што яна выступае ў якасці першаснай назвы абазначаемага паняцця, таму што іншай назвы ў яго няма. Такім чынам, у навуковай метафары ў адрозненне ад паэтычнай выключаецца магчымасць раўнапраўнага існавання дзвюх назваў – прамой і пераноснай.

«Метафарызаваныя словы цесна звязаны асацыятыўнымі сувязямі са словамі-дамінантамі. У выпадках, калі асацыятыўныя сувязі аслабляюцца або зусім знікаюць, словы становяцца амонімамі»⁴. Але да гэтай пары канчаткова яшчэ не акрэслена разуменне семантычнага амоніма, не ўдакладнена, калі можна гаварыць пра ўтварэнне амоніма, а калі – пра новае значэнне раней існуючага слова. Звычайна пад семантычным амонімам разумеюць слова, якое атрымала новае значэнне для назвы новага паняцця, з'явы ці прадмета рэчаіснасці, калі пры гэтым яно значна разышлося па сваёй семантыцы з папярэднім яго значэннем.

Параўнаем два прыклады:

І. Абдзірала – 1. Разм. Той (тая), хто вымагае непамерную цану, плату; хабарнік, махляр, круцель. 2. Абдзірала – від матыля, які аб'ядае лісце і пупышкі плодовых дрэў.

ІІ. Аўсянка¹ – Аўсяныя крупы. // Каша з такіх круп. // Мука з аўса. Аўсянка² – Пеўчая птушка з атрада вераб'іных, якая корміцца пераважна насеннем раслін.

Нельга не заўважыць, што ў першым прыкладзе тэрмін не страціў сувязі са словам-дамінантай. Другі ж прыклад сведчыць аб тым, што новае значэнне разышлося па сваёй семантыцы з папярэднім. Мы можам толькі здагадацца, што ў свой час паслужыла асновай для назвы птушкі (аўсянка), але такой цеснай асацыятыўнай сувязі, як у першым прыкладзе (абдзірала), тут ужо няма.

Тэрміналогія прыродазнаўчых навук, у якой вялікая колькасць слоў утворана шляхам метафарызацыі, ярка адлюстроўвае своеасаблівасць асацыятыўных сувязей. Прычым мы сустракаем тэрміны з выразна выяўленай матывацыяй (вадалюб – 1. Вадзяны жук атрада цвёрдакрылых. 2. Пра расліну, якая спажывае многа вады, любіць расці ў вільготных мясцінах) і тэрміны, у якіх асацыятыўныя сувязі выявіць цяжка (баксёр – 1. Спартсмен, які займаецца боксам... – 2. Парода службовых сабак, якія маюць круглую галаву, кароткую морду, жоўтую поўсць).

Перанос па асацыяцыі – адзін з відаў метафарычнага пераносу. Д. М. Шмялёў адзначае: «Прыметы, якія аб'ядноўваюць адпаведныя значэнні, не з'яўляюцца ні дыферэнцыяльнымі, семантычнымі прыметамі даных слоў, ні

ўвогуле канструктыўнымі элементамі значэнняў. У пэўным сэнсе гэта не элементы ўласна значэння слова, а ўстойлівыя асацыяцыі, звязаныя з уяўленнем аб з'яве, якую абазначае слова. Але разам з тым гэта і не поўнацэннае пазамовнае асацыяцыі»⁵.

Пры метафарычным пераносе па асацыяцыі асноўную ролю адыгрываюць эмацыянальныя ўражанні чалавека, таму што прыметы, якія б рэальна існавалі, аб'ектыўна ўспрымаліся, тут адсутнічаюць. У якасці прыкладаў можна прывесці наступныя тэрміны: аксамітка – 'травяністая расліна сямейства складанакветных з жоўтымі або карычневата-пурпурнымі кветкамі'; атлант – 'першы шыйны пазванок у вышэйшых пазванковых'; бамбардзір – 'жук сямейства жужалыў, які пры самаабароне мае здольнасць выкідваць з свайго цела едку вадкасць'; гарлачык – 'вадзяная расліна сямейства гарлачыкавых з вялікімі лістамі і белымі або жоўтымі кветкамі; вадзяная лілія'.

Калі разглядаць спосабы папаўнення тэрміналогіі прыродазнаўчых навук шляхам семантычнага словаўтварэння, цікава звярнуць увагу і на іншыя сэнсавыя сувязі паміж агульнаўжывальным словам і тэрмінам, а таксама высветліць прыметы, якія былі асноўнымі пры пераходзе агульнаўжывальнага слова ў тэрмін.

Вялікую групу складаюць тэрміны, утвораныя ў выніку падабенства абазначаемых прадметаў па форме, знешняму выглядзе. Напрыклад: багамолы – назва драпежным насякомым паўднёвых краін дадзена па знешняму выглядзе, які нагадвае позу чалавека ў час малення. Сюды ж мэтазгодна аднесці і тэрміны, утвораныя ў выніку падабенства ў размяшчэнні абазначаемых частак прадметаў у адносінах да цэлага прадмета, напрыклад: акуляры – 'кружок больш светлай або цёмнай афарбоўкі вакол вачэй у жывёл'; барадач – 'вялікая драпежная птушка сямейства ястрабіных з пучком пер'я пад дзюбай'; вусікі – 'членістыя прыдаткі на галаве ў членістых жывёл'. Як бачым, асновай для пераносу назвы ў даных выпадках паслужыла прымета падабенства знешняга выгляду ў момант намінацыі, калі новы прадмет (жывая істота) чым-небудзь нагадвае другі, раней вядомы.

У прыродазнаўчых навук існуюць тэрміны, утвораныя ў выніку метафарычных пераносаў на аснове падабенства абазначаемых прадметаў па функцыі, напрыклад: абгортка – 'дробныя верхавінкавыя лісцікі, якія шчыльным покрывам акружаюць суквецце, а потым і плод у некаторых раслін'; па характару праяўлення жыццядзейных уласцівасцей ці прымет, напрыклад: бугай – 'начная балотная птушка сямейства чапляў, празваная так за тое, што вясной самец яе, апусціўшы дзюбу ў ваду, утварае вельмі гучныя гукі, падобныя да рову бугая'; амфібія – 'земнаводная жывёліна (лягушкі, трытоны і інш.), лічынкі якой дыхаюць жабрамі, а дарослыя асобіны – лёгкімі; таксама расліна, якая жыве ў вадзе, але можа жыць і на сушы'. Аднак не заўсёды можна адназначна вылучыць тую ці іншую прымету падабенства, таму што, як справядліва заўважаюць некаторыя даследчыкі, «у мове часта адбываецца перанос адначасова па шэрагу прымет, магчыма, нават часцей, чым перанос па адной прымеце»⁶.

Стварэнне тэрмінаў шляхам метафарычнага пераносу назваў агульналітаратурнай мовы з'яўляецца пастаянным спосабам тэрмінаўтварэння, але выкарыстоўваецца ў розныя часы з рознай інтэнсіўнасцю. Метафарычны перанос у тэрмінаўтварэнні перш за ўсё характэрны для слоў канкрэтнай лексікі, якія абазначаюць прадметы і жывыя істоты. Заўсёды метафарычны перанос назваў найбольш інтэнсіўна закранаюць тыя групы лексікі, якія звязаны з больш надзённымі з'явамі ў даны перыяд жыцця грамадства. В. П. Даніленка выказвае думку, што метафарычны спосаб тэрмінаўтварэння быў самым актыўным ля вытокаў стварэння навук, рамёстваў і іх тэрміналагічных сістэм, калі галоўным фактарам, які вызначае тэрмінатворчасць, з'яўляліся некаторыя аналогіі⁷.

Семантычны спосаб тэрмінаўтварэння даволі прадуктыўны ў наш час, але зараз гэтым спосабам утвараюцца не толькі тэрміны-назвы канкрэтных прадметаў, як на пачатку фарміравання тэрміналогіі, а і тэрміны адцягнутага характару, якія абазначаюць розныя з'явы і паняцці.

- ¹ Виноградов В. В. // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 6.
- ² Гл.: Арутюнова Н. Д. // Теория метафоры. М., 1990. С. 5—6.
- ³ Петров В. В. // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 41.
- ⁴ Краковецька Г. О. // Мовознавство. 1976. № 6. С. 53.
- ⁵ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 193.
- ⁶ Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: Лекции по спецкурсу. М., 1980. С. 16.
- ⁷ Гл.: Даниленко В. П. // Русская речь. 1967. № 2. С. 59.

І. С. РОЎДА

СЕМАНТЫКА—СЛОВАЎТВАРАЛЬНАЕ ПОЛЕ «ІНТЭНСІЎНАЕ ПРАЯЎЛЕННЕ ПРЫМЕТЫ» У БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

Функцыянальна-семантычны падыход да вывучэння мовы прадугледжвае апісанне лінгвістычных з'яў у напрамку ад зместу да формы. Пры гэтым не адмаўляецца і адваротны напрамак (ад формы да зместу)¹. Функцыянальна-семантычны даследаванні, асабліва распаўсюджаныя ў апошнія дзесяцігоддзе, закранаюць у асноўным граматыку. Аднак не менш эфектыўнымі могуць быць апісанні і лексіка-словаўтваральных сістэм з апорай на тэорыю поля, прычым пры супастаўленні дзвюх моў.

Семантыка-словаўтваральнае макраполе «інтэнсіўнае праяўленне прыметы» уключае ў сябе некалькі палёў з канкрэтным словаўтваральным значэннем, кожнае з якіх аб'ядноўвае моўныя адзінкі аднаго словаўтваральнага тыпу. У артыкуле прыведзены толькі тыя тыпы, рускім словам якіх (хоць бы часткова) у беларускай мове адпавядаюць лексічныя лакуны, запоўненыя аналітычнымі намінантамі. Прымета разумеецца не толькі як прымета прадмета, але і працэсуальная прымета і прымета прыметы.

Такім чынам, у кожным з разгледжаных ніжэй семантыка-словаўтваральных палёў фармант адпавядае некалькім (часцей за ўсё) сінанімічным рознаўзроўневым сродкам выражэння словаўтваральнага значэння ў беларускай мове. Падобны падыход да супастаўлення, які не абавязкова аналізуе сродкі выражэння менавіта словаўтваральнай ці лексічнай семантыкі, у некаторых лінгвістаў, якія размяжоўваюць прыкладны і тэарэтычны бакі ў кантрастыўных (супастаўляльных) апісаннях², характарызуецца як напрамак даследавання з ярка выражаным практычным значэннем. Адна мова ў такіх апісаннях з'яўляецца зыходнай, а іменная тая, у якой за аснову бярэцца пэўны апорны сродак, што можа мець некалькі сінанімічных сродкаў у іншай мове. Гэты падыход, у першую чаргу, звязаны з праблемамі білінгвізму, перакладу, інтэрферэнцыі, складання спецыяльных даведнікаў, слоўнікаў і да т. п.

У параўнанні з разгледжаным тэарэтычным падыход да супастаўляльных даследаванняў мае на мэце апісанне падабенстваў і адрозненняў у сітуацыі, калі выяўляюцца ўсе наяўныя сродкі выражэння агульнай семантыкі ў абедзвюх мовах. Іншымі словамі, аналізуюцца сродкі выражэння агульнай семантыкі не ў напрамку ад адной мовы да другой, а ў напрамку да дзвюх моў адначасова. На наш погляд, наўрад ці можна правесці выразную мяжу паміж гэтымі падыходамі як тэарэтычным і практычным, паколькі яны маюць шмат пунктаў сутыкнення, хоць іх наяўнасць, якая абумоўлівае адрозненні ў выніках даследавання, не бярэцца пад сумненне. Заўважым, што прыкладны падыход можа перарасці ў тэарэтычны, калі вырашыць пытанне з выяўленнем астатніх сродкаў выражэння аналізуемага значэння (пры іх наяўнасці) у зыходнай мове. Аналіз у такім выпадку можа быць праведзены па схеме «семантыка → мова А → мова Б → мова А». Такім чынам, два падыходы супастаўляльных апісанняў не выключаюць адзін аднаго, а ўзаемна дапаўняюць.

Разгледзім словаўтваральныя тыпы, фарманты якіх уваходзяць у семантыка-словаўтваральнае поле «інтэнсіўнае праяўленне прыметы».

1. Словаўтваральны тып дзеясловаў з фармантам *раз-* / *рас-*, якія маюць значэнне 'дзеянне, названае матывавальным дзеясловам, выканаць з вялікай інтэнсіўнасцю'.

Словам гэтага тыпу могуць адпавядаць лексічныя лакуны, запоўненыя аналітычнымі намінатыўнымі сродкамі: рус. *разобидеть* – бел. *моцна пакрыўдзіць*, рус. *разобидеться* – бел. *моцна пакрыўдзіцца*, рус. *раздушить* –

ся – бел. *моцна надушыцца*, рус. *растомить* – бел. *вельмі стаміць*. Словаўтваральнае значэнне ў беларускай мове выражаецца дэрывацыйным словам³ *моцна (вельмі)*, якое выконвае тую ж функцыю, што і словаўтваральны фармант *раз-/рас-*. Натуральна, што гэта заўважаецца з дапамогай супастаўлення ў напрамку ад рускай мовы да беларускай. Праціццелы напрамак супастаўлення (ад беларускай мовы да рускай) дае магчымасць звярнуць увагу і на тое, што фармант *раз-/рас-* у сваю чаргу выконвае фактычна тую ж функцыю, што і слова *моцна (вельмі)*, – намінацыйную. Падмацоўвае гэтую функцыю і сінонім марфемы – слова *очень (раз- + обидеть = очень + обидеть)*. Розніца, праўда, заключаецца ў тым, што рэалізаваць указаную функцыю фармант можа толькі ў складзе слова, а не самастойна, г. зн. у адрозненне ад паўназначнага слова гэтая функцыя фарманта звязаная. Заўважым, аднак, такая розніца можа ў значнай меры нівеліравацца, калі мы ўлічым, што перад намі не інварыянтныя лінгвістычныя адзінкі (афікс і слова), а варыянтныя, прадстаўленыя як элементы больш складаных намінацыйных адзінак (слова і словазлучэння). Фармант рэалізуе сваю намінацыйную функцыю ў складзе слова (*разобидеть*), а прыслоўе – у складзе словазлучэння (*моцна пакрыўдзіць*), дзе канкрэтызуе намінацыйнае значэнне дзеяслова, у адрозненне ад якога прыслоўе валодае больш абагульненым характарам значэння. І толькі ў спалучэнні з іншымі словамі гэтая абагульненасць практычна «раствараецца».

Рускія словы аналізуемага словаўтваральнага тыпу ў большасці выпадкаў маюць беларускі эквівалент з тым жа фармантам: рус. *разбаловать* – бел. *разбалаваць*, рус. *разволноваться* – бел. *расхвалявацца*, рус. *разрумянить* – бел. *разрумяніць*, рус. *раскормить* – бел. *раскарміць*, рус. *раскрыть* – бел. *раскрытыкаваць*.

У рэдкіх выпадках аналізуемае словаўтваральнае значэнне ў беларускай мове перадаецца іншым прэфіксам, які больш ці менш адэкватны рускаму прэфіксу (рус. *разбранить* – бел. *вылаяць*, *насварыцца*, рус. *разругать* – бел. *вылаяць*, *аблаяць*) ці не адпавядае яму (рус. *рассорить* – бел. *пасварыць*). І, нарэшце, беларускае слова можа адпавядаць не матываванаму рускаму слову данага тыпу, а яго матывавальнаму. У такім выпадку значэнне рускага прэфікса *раз-* у беларускім слове застаецца нявыражаным: рус. *разогорчить* – бел. *засмуціць*.

2. Прыметнікі з фармантам *раз-/рас-*, якія маюць значэнне вышэйшай ступені праяўлення прыметы, названай матывавальным словам.

У колькасных адносінах гэты тып уступае папярэдняму. Словаўтваральнае значэнне тыпу ў беларускай мове можа выражацца дэрывацыйным словам як састаўной часткай запаўняльніка лексічнай лакуны: рус. *рас-прекрасный* – бел. *вельмі прыгожы*, рус. *разудалый* – бел. *вельмі удалы*.

Рускаму словаўтваральнаму фарманту часам адпавядае такі ж беларускі фармант: рус. *разнесчастный* – бел. *разняшчасны*, рус. *разухабистый* – бел. *разухабісты*.

Сярод міжмоўных лексічных адпаведнасцей, у якіх рускаму фарманту *раз-* у беларускіх словах няма эквіваленту, у адной пары словаўтваральнае значэнне фарманта ўключаецца ў лексічнае значэнне беларускага слова (рус. *разудалый* – бел. *хвацкі*), што пацвярджаюць і даныя беларуска-рускага слоўніка (тут указана другое адценне значэння слова *разудалый*). У пары рус. *расчудесный* – бел. *чудоўны* слова *чудоўны* і без прэфікса перадае вышэйшую ступень якасці, аднак у яго ёсць дакладны эквівалент – *чудесный*. У лексічнай адпаведнасці рус. *распроклятый* – бел. *пракляты* слова *пракляты* дакладна адпавядае рускаму *проклятый*.

Да ўказанага тыпу далучаюцца і асобныя прыслоўі з тым жа словаўтваральным значэннем: рус. *распрекрасно* – бел. *вельмі прыгожа*.

3. Прыметнікі з фармантам *пре-*, якія маюць значэнне вышэйшай ступені якасці, названай матывавальным словам.

У большасці выпадкаў прыметнікам гэтага тыпу ў беларускай мове адпавядаюць лексічныя лакуны: рус. *пребогатый* – бел. *вельмі багаты*, рус. *пребольшой* – бел. *вельмі вялікі*, рус. *преважный* – бел. *вельмі важны*, рус. *превесёлый* – бел. *вельмі вясёлы*, рус. *превкусный* – бел. *вельмі смачны*. Словаўтваральнае значэнне, якое выражаецца прэфіксам *пре-*, не заўсёды можа быць фармалізавана ў беларускай мове дэрывацыйным словам *вельмі*. Прычына таму – лексічнае значэнне слова, з якім спалучаецца дэрывацыйнае слова. Так, прыметніку *предостаточный* у беларускай мове адпавядае

аналітычны намінант *зусім дастатковы*, паколькі лексічнае значэнне слова *дастатковы* прадвызначае спалучальнасць яго з прыслоўем *зусім*, а не *вельмі*.

Прэфіксальны спосаб выражэння аналізуемага словаўтваральнага значэння для беларускай мовы не характэрны. Выключэнне складае слова *прасвяты*, якое адносіцца да рэлігійна-абрадавай лексікі (рус. *пресвятой*), і слова *прамудры* (рус. *премудрый*).

Некаторыя словы перадаюць словаўтваральнае значэнне з дапамогай суфікса (рус. *преглубокий* – бел. *глыбозны*). Пры гэтым у якасці сіноніма яны могуць мець і аналітычны намінант: рус. *преблагородный* – бел. *высакароднейшы*, *вельмі высакародны*, рус. *превысокий* – бел. *вельмі высокі*, *высачэзны*, *высачэнны*, рус. *пречистый* – бел. *вельмі чысты*, *чысцюткі*. У наступным выпадку беларускія моналексемны і полілексемны намінанты адрозніваюцца адцэннямі значэнняў: рус. *предлинный* – бел. *даўжэзны*, *даўжэразны*, *даўжэнны*; *вельмі доўгі*.

Прыклады, калі словаўтваральнае значэнне рускага слова ў беларускай лексічнай адзінцы не перадаецца, – выключэнне: рус. *превозвышенный* – бел. *узвышаны*.

Не выражана аналізуемае словаўтваральнае значэнне і наступнымі беларускімі словамі, аднак яны набліжаюцца па гэтым значэнні да рускіх слоў за кошт іншых магчымасцей «павялічыць» інтэнсіўнасць праяўлення прыметы ў параўнанні са сваімі матывавальнымі: рус. *пребольшущий* – бел. *велізарны*, *вялізарны*, рус. *превеликоленный* – бел. *цудоўны*, рус. *прехорошенький* – бел. *прыгожанькі*. Няма сумнення ў тым, што дакладнымі адпаведнасцямі з’яўляюцца рус. *большущий* – бел. *велізарны*, *вялізарны*, рус. *великоленный* – бел. *цудоўны*, рус. *хорошенький* – бел. *прыгожанькі*. Прэфікс *пре-* ставіць рускія словы на больш высокую ступень інтэнсіўнасці праяўлення прыметы. Аднак гэта ўсведамляецца ў сувязі з наяўнасцю прэфікса, а не ў сувязі з заўважальнай семантычнай дабаўкай, якую ён уносіць у слова і адрознівае тым самым рускія прэфіксальныя словы ад сваіх беларускіх эквівалентаў. Калі ў велізарную кучу пяску дабавіць яшчэ тону, то заўважыць гэта, мабыць, і можна, але куча па-ранейшаму застаецца велізарнай. Бясспрэчным жа з’яўляецца той факт, што беларуская мова ў даных выпадках не валодае тымі ж словаўтваральнымі магчымасцямі, што і руская.

Значэнне прэфікса *пре-* можа быць перададзена ў беларускай мове і дзвюма марфемамі, якія выступаюць як адзіны словаўтваральны сродак: рус. *превеликий* – бел. *найвялікшы*. Аднак у якасці сінанімічнага прапануецца і спалучэнне *вельмі вялікі*.

4. Прэфіксальныя прыслоўі з тым жа словаўтваральным значэннем, што і апісаныя вышэй прыметнікі, перадаюць гэтае значэнне ў асноўным з дапамогай дэрывацыйных слоў, якія адрозніваюцца большай разнастайнасцю, чым тыя, якія спалучаюцца з прыметнікамі: рус. *прегостеприимно* – бел. *вельмі гасцінна*, рус. *предорого* – бел. *вельмі дорага*, рус. *прелюбопытно* – бел. *вельмі цікава*, рус. *превыше* – бел. *шмат вышэй*, рус. *преспокойно* – бел. *зусім (вельмі) спакойна*. У выпадку рус. *предостаточно* – бел. *хопіць*, *дастаткова*, *аж занадта* аналітычны намінант найбольш дакладна адпавядае рускаму слову.

Зрэдку словаўтваральнае значэнне рускага фарманта перадаецца афіксам: рус. *пречисто* – бел. *вельмі чыста*, *чысцютка*.

5. Нямногія дзеясловы з фармантам *пре-* абазначаюць інтэнсіўнасць, паўнату (часам празмерную) дзеяння, названага матывавальным словам.

Дзеясловам гэтага тыпу ў беларускай мове могуць адпавядаць лексічныя лакуны: рус. *превознести* – бел. *вельмі (залішне) узнесці*, *вельмі (залішне) расхваляць*, рус. *преуспеть* – бел. *дасягнуць вялікага поспеху (вялікіх поспехаў)*. У другім выпадку матывавальным да слова *преуспеть* з’яўляецца *успеть*, якое перакладаецца спалучэннем *дасягнуць поспеху*. Значэнне фарманта перадаецца дэрывацыйным словам *вялікі*. У першым прыкладзе дэрывацыйнае слова – *вельмі*.

Сярод аднаслоўных беларускіх адпаведнасцей рускім намінантам найбольш дакладнымі з’яўляюцца прэфіксальна-суфіксальныя ўтварэнні: рус. *преувеличить* – бел. *перабольшыць*, *пэравялічыць*, рус. *приуменьшить* – бел. *прыменшыць*, *пераменшыць*.

Як і іншыя тыпы, гэты таксама мае лексічныя адзінкі, словаўтваральнае

значэнне якіх не выражана ў беларускай мове: рус. *превозвышать* – бел. *узвышаць*.

6. Блізкі да разгледжаных словаўтваральных тыпаў і тып дзеясловаў з фармантам *-ива-/-ыва-*, якія маюць значэнне 'шматразова выконваць дзеянне, названае матывавальным словам', бо паняцце «шматразова» падразумявае і паняцце «інтэнсіўна».

Указанае словаўтваральнае значэнне ў беларускай мове ў асноўным выражаецца дэрывацыйнымі словамі: рус. *говаривать* – бел. *часта (не раз) гаварыць*, рус. *едать* – бел. *часта (не раз) есці*, рус. *лавливать* – бел. *лавіць шмат разоў*, рус. *сидеть* – бел. *часцяком сядзець*. Наяўнасць розных дэрывацыйных слоў у даных прыкладах тлумачыцца не асаблівасцямі іх валентнасці, а, хутчэй за ўсё, суб'ектыўным фактарам. Усе яны ўзаемазамяняльныя (з улікам нязначных стылістычных адрозненняў).

Такі ж, як і ў рускай мове, сродак выражэння словаўтваральнага значэння ў беларускай мове выяўляецца ў адзінкавых выпадках: рус. *страивать* – бел. *стройваць*.

Аналізуемае словаўтваральнае значэнне характэрна для бяспрэфіксных дзеясловаў. Дабаўленне прэфікса мяняе гэта значэнне, што не заўсёды заўважаецца носьбітамі мовы. Відаць, таму і з'яўляюцца такія міжмоўныя лексічныя пары, як рус. *стаивать* – бел. *пастойваць*, рус. *паивать* – бел. *папойваць*, рус. *гуливать* – бел. *пагульваць*. Справа ў тым, што беларускія словы ўтварыліся суфіксальна-прэфіксальным спосабам. Гэта абумоўлівае наяўнасць састаўнога фарманта, які мае значэнне 'час ад часу і з невялікай інтэнсіўнасцю выконваць дзеянне, названае матывавальным дзеясловам'. На вост ступені інтэнсіўнасці праяўлення прыметы данае значэнне знаходзіцца фактычна на процілеглым полюсе ў адносінах да словаўтваральнага значэння, якое фармалізавана рускімі бяспрэфікснымі дзеясловамі (*стаивать, паивать, гуливать*), таму наўрад ці ўказаныя міжмоўныя лексічныя пары можна лічыць эквівалентнымі і прапаноўваць беларускія словы з такіх пар у якасці сінонімаў да аналітычных намінантаў, як гэта робіцца ў Руска-беларускім слоўніку, напрыклад, рус. *гуливать* – бел. *часта (не раз) гуляць, пагульваць*. Беларускі дзеяслоў дакладна адпавядае рускаму прэфіксальна-суфіксальнаму ўтварэнню (рус. *погуливать* – бел. *пагульваць*), дзе абодва словы выражаюць тоеснае словаўтваральнае значэнне.

Як бачым, у прааналізаваным макраполі асноўным сродкам выражэння словаўтваральнага значэння з'яўляецца дэрывацыйнае слова. У трэцім, чацвёртым і шостым тыпах яно з'яўляецца цэнтральным. У другім і пятым займае прыблізна роўнае становішча з астатнімі сродкамі. І толькі ў першым уступае такому ж, як і ў рускай мове, сродку выражэння словаўтваральнага значэння – прэфіксальнаму.

Сістэмны і прагматычны бакі даследавання моўных з'яў з апорай на тэорыю поля прадугледжваюць не толькі апісанне ўсіх канстытуентаў поля, але і выяўленне магчымасці іх узаемазамены. У разгледжаных выпадках дэрывацыйныя словы часта могуць замяняць афіксальныя сродкі, прычым як у беларускай, так і ў рускай мовах. Напрыклад, рус. *преглубокий* і *очень глубокий* – бел. *глыбозны* і *вельмі глыбокі*, рус. *разрумянить* і *очень румянить* – бел. *разрумяніць* і *вельмі румяніць*. У такіх выпадках у межах кожнай з моў магчыма ўзаемазамена, а ў міжмоўнай сітуацыі магчымы выбар. У выпадках жа, калі матываванаму рускаму слову ў беларускай мове адпавядае толькі аналітычны намінант, замена апошняга аднаслоўным намінантам з тым жа словаўтваральным значэннем не дапускаецца. Праўда, на ўзроўні маўлення забароны, якія ўстанаўлівае моўная сістэма, могуць парушацца. Выявіць найбольш слабыя месцы ў гэтых адносінах і магчымыя прычыны памылак дазволіць псіхалінгвістычны эксперымент і назіранні над маўленнем носьбітаў беларускай і рускай моў.

¹ Гл.: Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

² Гл.: Тарасова Е. В. Языковое поле как единица дидактической типологии. Киев, 1991. С. 6–8.

³ Гл.: Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Мн., 1985. С. 57. Аўтар разглядае падобныя выпадкі як вынік словаўтваральнай недастатковасці рускай мовы. Як бачым, аналагічная з'ява назіраецца і пры супастаўленні дзвюх моў.

Р. Н. КЛЮСАЎ ЯК МОВАЗНАВЕЦ

Рыгор Нічыпаравіч Ключаў нарадзіўся 21 студзеня 1916 г. у вёсцы Перавалочнае Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці ў сям'і настаўніка пачатковай школы. Пад уплывам бацькі з дзяцінства марыў стаць таксама настаўнікам і, скончыўшы Мілаславіцкую сямігодку, паступіў у Магілёўскі педтэхнікум. Праўда, па прычыне матэрыяльнай незабяспечанасці вучобу праз год прыйшлося кінуць і працаваць падсобным рабочым на сілікатным заводзе ў Клімавічах. Там ён не губляў дарэмна часу і настойліва займаўся на вярхоўных падрыхтоўчых курсах. Гэта і дало яму магчымасць ужо ў 1932 г. паступіць на літаратурна-лінгвістычнае аддзяленне Магілёўскага педагагічнага інстытута. Скончыў інстытут праз чатыры гады і працаваў на Барысаўшчыне выкладчыкам рускай мовы і літаратуры і адначасова загадчыкам навучальнай часткі Вяліцкай, затым Лошніцкай сярэдніх школ. З 1939 г. служыў у арміі, прымаў удзел у баях з нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Дэмабілізаваўшыся ў 1945 г., вярнуўся на месца сваёй ранейшай працы. З 1950 па 1954 г. вучыўся ў аспірантуры па спецыяльнасці «беларуская мова» пры Мінскім педагагічным інстытуце імя М. Горкага. Пасля аспірантуры загадваў мовазнаўчымі кафедрамі ў Полацкім (1954–1959) і ў Брэсцкім (1959–1962) педагагічных інстытутах. Кандыдацкую дысертацию аб словаўтварэнні тэрміналагічнай лексікі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове абараніў у 1961 г. З верасня 1963 г. і да выхаду на пенсію ў 1976 г. працаваў у Магілёўскім педагагічным інстытуце загадчыкам кафедры беларускай мовы, затым прарэктарам. Памёр 27 красавіка 1990 г.

Навуковая спадчына Р. Н. Ключава па аб'ёму не такая і багатая: дзве асобныя кнігі, 24 артыкулы, 12 рэцэнзій, некалькі тэзісаў дакладаў на лінгвістычных канферэнцыях. Аднак кола праблем, якімі вельмі глыбока і прафесіянальна займаўся вучоны, даволі шырокае. Гэта пытанні лексікалогіі і лексікаграфіі, беларускай тэрміналогіі, марфалогіі і сінтаксісу, арфаграфіі і пунктуацыі, стылістыкі, этымалогіі, параўнальнай граматыкі і некаторыя іншыя. Пра што б ні пісаў Р. Н. Ключаў, яго працы вызначаліся заўсёды грунтоўнасцю і глыбокай эрудыцыяй, дасціпнасцю і вострай думкай.

Найбольш вядомы сярод нашых мовазнаўцаў і настаўнікаў-філолагаў вучэбны дапаможнік «Сучасная беларуская пунктуацыя» (1966), створаны Р. Н. Ключавым у сааўтарстве з яго калегам па працы ў Магілёўскім педагагічным інстытуце А. Л. Юрэвічам. Р. Н. Ключаў быў ініцыятарам і асноўным выканаўцам у рабоце над гэтай кнігай, яму належаць усе граматычныя матэрыялы і каментарыі. Гэта – самая грунтоўная, на вельмі высокім навуковым узроўні падрыхтаваная праца па беларускай пунктуацыі. Яна змяшчае «Уводзіны», дзе даюцца звесткі з гісторыі знакаў прыпынку і выкладзены тэарэтычныя асновы пунктуацыйнай сістэмы, пададзены кароткі нарыс «Сказ і яго сінтаксічная будова», у якім асноўная ўвага ўдзелена аналізу відаў сінтаксічнай сувязі. Апісанне пунктуацыйнай сістэмы робіцца не «па знаках» (што было б прымальна для даведніка), а ў сінтаксічным плане, г. зн. «у той паслядоўнасці, у якой традыцыйна будуюцца сінтаксічны курс: разам з агульным паняццем аб сказе апісваць знакі прыпынку ў простым сказе, потым у складаных сказах і г. д.» (с. 14–15). Да кнігі прыкладзены «Паказальнік некаторых тэрмінаў і азначэнняў», які ў свой час адыграў сваю станоўчую ролю ў нармалізацыі беларускай лінгвістычнай тэрміналогіі.

Другім выданнем, выпраўленым і дапоўненым, «Сучасная беларуская пунктуацыя» выйшла ў 1972 г. Аўтарамі было падрыхтавана і трэцяе выданне гэтага вучэбнага дапаможніка са значным узбагачэннем тэарэтычнай часткі, аднак яно не ўбачыла свету. Асноўнай прычынай гэтага было, відаць, тое, што Р. Н. Ключаў, будучы чалавекам вельмі прынцыповым і вострым на слова, ніколі і нікому не лясціў, не ішоў ні на якія кампрамісы, што не падабалася тагачасным чыноўнікам з Міністэрства вышэйшай адукацыі, і яны пры зацвярджэнні выдавецкіх планаў памянелі вучэбны дапаможнік заўсёды выкрэслівалі.

Энцыклапедызм эрудыцыі Р. Н. Ключава яскрава правяўся ў працах па лексікалогіі і лексікаграфіі. Вяршыняй у гэтай галіне можна лічыць яго

артыкул «Двуязычный переводной словарь: замечания и размышления», прысвечаны двухтомнаму перакладнаму «Руска-беларускаму слоўніку» (2-е выд., Мн., 1982) – трэцяму па ліку акадэмічнаму слоўніку ў гісторыі беларускай лексікаграфіі. Відаць, такога дэтальнага і кваліфікаванага аналізу ўсіх шматлікіх аспектаў перакладнага слоўніка ў славянскім мовазнаўстве яшчэ не было. Усе крытычныя заўвагі аўтарам так пераканальна і навукова абгрунтаваны, што з імі нельга не згадзіцца. На вялікі жаль, нашы лексікаграфы і сёння працягваюць «свавольніцца», аб чым сведчыць хаця б упартае імкненне ўвесці ў лексікон слова-калеку *святлафор*, у якім ніякімі правіламі нельга растлумачыць ні напісанне літары *я*, ні ўжыванне суфіксальнага *л*.

Вялікую ўвагу Р. Н. Ключаў удзяляў культуры мовы, перш за ўсё – сучаснай беларускай літаратурнай, праблемам яе ўнармавання, яе стылістыцы, словаўжыванню. Гэтым пытанням прысвяціў серыю артыкулаў, у прыватнасці: «К вопросу о месте причастий в грамматической системе современного белорусского литературного языка», «Да пытання аб ужыванні форм дзеепрыметнікаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове», «Што напісана прам...», «... Ад ранняй да вячэрняе зары», «Нататкі па граматычнай стылістыцы» і інш. Асноўны матыў гэтых артыкулаў: нельга штучна абмяжоўваць літаратурную мову, падпарадкоўваючы толькі прыхамаці аднаго чалавека (хоць ён і з'яўляецца на сёння самым высокім чыноўнікам па ведамству мовы ў рэспубліцы) ці адной якой-небудзь групы людзей, што імкнуцца навязаць мове свой асабісты густ. Мова – здабытак народа, і народ яе шліфуе і ўдасканальвае.

Пільна цікавіўся Р. Н. Ключаў і складанымі, нявырашанымі праблемамі граматыкі, у першую чаргу – сінтаксісу. Як вядома, сучасная сінтаксічная навука развіваецца па трох асноўных напрамках: традыцыйным (статычным), камунікатыўным і семантычным. Р. Н. Ключаў быў прыхільнікам першага напрамку, аднак ён ужо адчуваў неабходнасць сінтэзу гэтых напрамкаў. Граматычныя даследаванні вучонага выкладзены ў артыкулах «Складаназалежныя сказы з комплексным падпарадкаваннем», «Общая типология придаточных определительных предложений в русском языке», «Об асимметричных конструкциях условных предложений», «Сэнсава-граматычныя асаблівасці дадзеных азначальных сказаў», «О разновидностях приложений», «О личных значениях существительных», «Нумеративные прилагательные типа *энный* в русском языке» і інш. Нават просты пералік загаловаў сведчыць, што аўтар смела ўзімаў самыя нераспрацаваныя тэмы, часта ішоў «па цаліку».

Работа над кандыдацкай дысртацыяй, прысвечанай словаўтварэнню беларускай тэрміналагічнай лексікі, абвастрыла цікаўнасць даследчыка да дэрываталогіі. Ён публікуе артыкулы «Да пытання аб нармалізацыі некаторых спосабаў словаўтварэння ў сучаснай беларускай літаратурнай мове», «Словаўтварэнне дзясловаў ад іменных асноў у беларускай тэрміналагічнай лексіцы» і інш.

Р. Н. Ключаў уважліва сачыў за лінгвістычным жыццём рэспублікі, актыўна ўключыўся ў спрэчкі, прымаў удзел у абмеркаванні навуковых прац. Далёка не поўнае, але хоць частковае ўяўленне аб гэтым могуць даць яго апублікаваныя рэцэнзіі: «Кніга аб ключах да іншых кніг» (на кн.: Марчанка М. Ц. Методыка навучання грамаце), «Школа чакала большага» (на кн.: Жакова З. И. Работа над стилистическими ошибками), «Кніга для чытання і дарадчык на штодзень» (на кн.: Беларуско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы), «Навуковы ўклад у беларускае мовазнаўства» (на кн.: Гурскі М. І. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. Фанетыка і марфалогія), «З прыхільнасцю і задавальненнем» (на кн.: Наркевіч А. І. Сістэма словазлучэнняў у сучаснай беларускай мове), «Недапушчальныя парушэнні» (на падручнікі Яўневіча М. С. і Андрэенкі У. К. па беларускай мове для васьмігадовай і сярэдняй школ), «Даведнік патрабуе ўдакладненняў і дапрацовак» (на кн.: Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі) і інш.

Не ўсё напісанае Р. Н. Ключавым было апублікавана. Так, у аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа Акадэміі навук Беларусі разам з іншымі паперамі аўтара захоўваюцца грунтоўныя рэцэнзіі на такія лінгвістычныя выданні, як «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Марфалогія» (1957), пяцітомны «Тлума-

чальны слоўнік беларускай мовы» (1977–84), акадэмічная «Беларуская граматыка» (1985), а таксама водзвыы на рукапісы дысэртацый: доктарскіх Ю. Ф. Мацкевіч «Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове» (1961), М. Г. Булахава «Гісторыя адэктыўнага формаўтварэння і формаўжывання ў беларускай мове» (1965), А. М. Булыкі «Арфаграфічная сістэма старажытнай беларускай пісьменнасці» (1966) і кандыдацкіх А. І. Яновіч «Пытанні суфіксальнага дзеясловаўтварэння ў гісторыі беларускай мовы» (1960), А. І. Кісялёўскага «Беларуская батанічная тэрміналогія» (1962), В. Т. Гняўко «Складаныя прыметнікі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове» (1963), Р. П. Паўтарака «Гісторыя інфінітыва ў беларускай мове» (1964), Я. М. Камароўскага «Беларускі правапіс: Да пытання аб узаемаадносінах паміж фанетычным і марфалагічным прынцыпамі ў беларускім правапісе» (1965), Г. М. Навумовіч «Канструкцыі з прыназоўнікам *по* ва ўсходнеславянскіх мовах» (1966).

Р. Н. Клюсаў прымаў самы актыўны ўдзел у падрыхтоўцы лінгвістычных кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Ён неаднаразова выступаў у якасці афіцыйнага апанента пры абароне кандыдацкіх дысэртацый, пад яго кіраўніцтвам напісалі і паспяхова абаранілі кандыдацкія дысэртацыі цяпер ужо прафесар Магілёўскага педагогічнага інстытута М. А. Аўласевіч і дацэнты С. Я. Кечык і Л. І. Шапавалава.

Гаворачы пра навуковую спадчыну Р. Н. Клюсава, нельга абмінуць і яго пісьмы калегам-мовазнаўцам. Яны змяшчаюць у сабе так многа цікавых меркаванняў аб розных лінгвістычных праблемах і навуковым жыцці рэспублікі і такія цікавыя па форме, што іх варта было б сабраць і апублікаваць.

Спіс публікацый Р. Н. Клюсава

1. Да пытання аб нармалізацыі некаторых спосабаў словаўтварэння ў сучаснай беларускай літаратурнай мове // Уч. зап. Полоцк. гос. пед. ін-та. Мн., 1958. Вып. 1. 2. Да пытання аб ужыванні форм дзееспрыметнікаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Уч. зап. Полоцк. гос. пед. ін-та. Мн., 1958. Вып. 2. 3. Словаўтварэнне дзеясловаў ад імённых асноў у беларускай тэрміналагічнай лексіцы // Весні АН БССР. Сер. грамад. навук. 1960. № 3. 4. Особенности словообразования терминологической лексики современного белорусского литературного языка: По материалам «Русско-белорусского словаря»: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Мн., 1961. 5. Великий ученый и просветитель: К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова // Заря. 1961. 19 ноября. 6. Даведнік патрабуе ўдакладненняў і дапрацовак // Нар. асвета. 1961. № 2. 7. Кніга аб ключах да іншых кніг // Нар. асвета. 1962. № 6. 8. Адзін від прастай мовы з неўпарадкаванай пунктуацыяй // Нар. асвета. 1962. № 9. 9. *Кадук* і яго родзічы // Нар. асвета. 1962. № 9. 10. К дыскусіі о реформе русского правописания // Рус. яз. в школе. 1963. № 6. 11. Новыя працы па беларускай стылістыцы і культуры мовы // Полымя. 1963. № 2. 12. Школа чачала большага // Нар. асвета. 1963. № 5. 13. Навуковы ўклад у беларускае мовазнаўства // Настаўніцкая газета. 1963. 5 чэрв. 14. Кніга для чытання і дарадчык на штодзень // Полымя. 1963. № 9. 15. Увага—дзееспрыслоўе! Граматыка-стылістычныя нататкі // Полымя. 1964. № 9. 16. Кваліфікавана, змястоўна // Нар. асвета. 1965. № 2. 17. Тым, хто вучыцца і вучыць // Нар. асвета. 1965. № 8. 18. Сучасная беларуская пунктуацыя: Вуч. дапаможнік для філал. кат. пед. ін-таў і ун-та // Пад рэд. М. С. Яўневіча. Мн., 1966. Выд. 2-е, выпр. і дапр. Мн., 1972 (у сааўтарстве з А. Л. Юрэвічам). 19. О происхождении глагола *вздымать* // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. 5. 20. Што напісана пяром... // Полымя. 1968. 21. Некаторыя заўвагі // Нар. асвета. 1967. № 1. 22. Зборнік дыктантаў павышанай цяжкасці. Для філал. фак. выш. навуч. устаноў БССР. Мн., 1970 (у сааўтарстве з Л. І. Аляксеенка). 23. Складаназалежныя сказы з комплексным падпарадкаваннем // Беларуская мова і літаратура ў ВНУ: Тэз. дакл. навукова-метадычнай канферэнцыі. Брэст, 1971. 24. Знакі прыпынку // БелСЭ. Мн., 1971. Т. 4. С. 588–589 (у сааўтарстве з А. Л. Юрэвіч). 25. З прыхільнасцю і задавальненнем // Звязда. 1972. 16 жніўня. 26. К вопросу о месте причастий в грамматической системе современного белорусского литературного языка // Типалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур: Тэз. дакл. навуковай канферэнцыі. Мн., 1973. 27. Сэнсава-граматычныя асаблівасці дадзеных азначальных сказаў // Вывучэнне беларускай мовы ў ВНУ. Мн., 1973. 28. З назіранняў над семантыкай прыназоўніка ў беларускай мове // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. 1974. № 2. 29. Недапушчальныя парушэнні // Настаўніцкая газета. 1974. 21 верасня. 30. «... Ад ранняй да вячэрняй зары»: Нататкі па граматычнай стылістыцы // Полымя. 1975. № 6. 31. Нумеративныя прыназоўнікі ад зінных у руском языке // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. 1976. № 3. 32. О личных значениях существительных // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. 1981. № 1. 33. О разработке проблематики обращения // Рус. яз. Мн., 1981. Вып. 1. 34. Над старонкамі Якуба Коласа: Эпізод з гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. 1982. № 1. 35. Белорусско-русские параллели в передаче личных имен // Рус. яз. Мн., 1982. Вып. 2. 36. О разновидности приложений // Рус. яз. Мн., 1984. Вып. 3. 37. Общая типология придаточных определительных предложений в русском языке // Рус. яз. Мн., 1984. Вып. 4. 38. О предикативных связках *есть* и *это* // Рус. яз. Мн., 1985. Вып. 5. 39. Двухязычный переводный словарь: замечания и размышления // Рус. яз. Мн., 1986. Вып. 6. 40. Об асимметричных конструкциях условных предложений // Рус. яз. Мн., 1988. Вып. 8. 41. О личных значениях существительных // Рус. яз. Мн., 1989. Вып. 9.

СЕМАНТИКО – ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСЛОЖНЕНИЯ

Осложнение, как явление грамматическое, возникает тогда, когда между названиями различных ситуаций, событий, фактов складываются отношения дополнительной предикативности, которые имеют свои формально-синтаксические средства выражения. Обратимся к одной из групп осложненных предложений: (1) Они (облака) торжественно покоились в небе, будя воображение, маня в свою недостижимую высь, создавая особенное настроение (В. Солоухин). (2) Я, почти парализованный страхом, заметил нашу старую пегую кошку, пристроившуюся у ног матери (П. Проскурин). (3) Через две минуты злая вьюга, сухая и колючая, хлестнула меня по щекам (М. Булгаков). (4) И Леонов, как патриот, как сын своей многотрудной земли, не находит возможности молчать (П. Проскурин).

Перед нами предложения, традиционно квалифицируемые как осложненные конструкции с обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами (1); обособленными определениями, выраженными причастными оборотами, одиночными прилагательными (3); с обособленным приложением (4). Почему в подобных случаях смысловое осложнение (подчеркнуты непредикативные номинации ситуаций) ощутимо отразилось на формальной структуре предложений, о чем свидетельствуют обособленные конструкции?

Ответ следует искать в характере взаимодействия ситуаций, отраженных в одном предложении. Проанализируем предложение (1). В нем содержатся номинации четырех событий: *Облака покоились в небе; Они будили воображение; Они манили в свою высь; Они создавали особенное настроение.* В представленном перечне все события равноценны, и мы передали их в форме четырех предложений. Для автора, В. Солоухина, одно событие «предмет и его состояние» (*Облака торжественно покоились в небе*) является основным, а три других – дополнительными; поэтому они названы не предложениями, а сочетаниями слов с главным словом глагольной семантики – деепричастием. Но у всех событий, объединенных в рассматриваемом предложении, есть общее: носитель состояния (*покоились*) и производитель действия (*будили, манили, создавали настроение*) – один и тот же предмет (*облака*).

Непредикативно отраженные ситуации сохраняют относительную самостоятельность и не поглощаются ситуацией, предикативно выраженной, так как не являются ее элементами, а имеют с ней только общую смысловую область.

Благодаря дополнительным ситуациям, которые привлечены для описания ситуации основной, общая картина получается более полной и рельефной. Однако их присутствие совсем не обязательно: фрагмент действительности (*Облака торжественно покоились в небе*) может быть отражен и без номинаций дополнительных ситуаций, что приведет к смысловым потерям, но не разрушит предложение как синтаксическую единицу, переводя его в разряд элементарных, несложных, предложений.

В предложении (2) объединяются три такие ситуации: *Я почти парализован страхом; Я заметил нашу старую пегую кошку; Кошка пристроилась у ног матери.* Из них автор делает основной ситуацией *Я заметил нашу старую пегую кошку*, две другие становятся дополнительными. Их номинации автор использует для того, чтобы полнее охарактеризовать участников основной ситуации; отсюда выбор способов номинации дополнительных ситуаций – причастный оборот. Занимая в структуре предложения позицию после определяемого слова, он обозначает дополнительное сказуемое, участвуя в реализации полупредикативных отношений, которые поддерживаются синтаксически: порядком слов, интонацией обособления, логическим ударением.

В предложениях (3), (4) отражаются по три ситуации:

(3): *Через минуту злая вьюга хлестнула меня по щекам. Вьюга сухая. Вьюга колючая.*

(4): Леонов не находит возможности молчать. Леонов – патриот. Леонов – сын своей многотрудной земли.

Характер взаимодействия ситуаций отличается только тем, что здесь непредикативные номинации характеризуют один и тот же предмет.

Разные способы номинации ситуаций – мощный инструмент в руках создающего высказывание. С помощью такого инструмента крупным планом подается основная ситуация, название которой осуществляется предикативной единицей, остальные ситуации отодвигаются на второй план. В зависимости от того, какие элементы основной ситуации детализируются, избирается тот или иной непредикативный способ номинации дополнительной ситуации: деепричастие, одиночное или с зависимыми словами (при дополнительной характеристике основного действия предмета речи); причастие, прилагательное, существительное с качественно-характеризующим значением, одиночные или с зависимыми словами (при дополнительной характеристике участников основной ситуации).

Все предложения рассмотренной группы объединяет дополнительная предикативность. Различают прямую и косвенную дополнительную предикативность. «Прямая – дана в грамматических формах и вербализована: в предложении есть словоформа – носитель функции дополнительной предикативности (ее можно назвать дополнительным сказуемым). Косвенная – не заключена в словоформе, а обнаруживается в косвенных показателях...». Средством реализации прямой дополнительной предикативности является полупредикативность. Полупредикативность – это «синтаксическое отношение между интонационно обособленным именем и его определяемым – субстантивным членом предложения»¹, например: *Человек необыкновенно гордый и строгий. Бунин до конца своих дней тяжело страдал по России...* (К. Паустовский). *Сказка – пока еще туманная – родилась* (К. Паустовский). *Весь дом, охваченный непогодой, словно тонул в безбрежной метели* (П. Проскурин).

С точки зрения значения, полупредикативность – это субъектно-предикатное отношение, когда предмет характеризуется со стороны его качеств, свойств, принадлежности к тому или иному роду и т. д. Полупредикативное отношение объединяет в себе два типа отношений – атрибутивное и предикативное, но не может быть сведено ни к тому, ни к другому. Во-первых, полупредикативное отношение не выражается предикативной единицей, что препятствует отождествлению полупредикативных и предикативных отношений. Во-вторых, связь между предметом и его признаком при выражении полупредикативного отношения устанавливается говорящим в акте коммуникации, в то время как при выражении атрибутивных отношений она принимается говорящим как данное. Поэтому атрибутивное отношение реализуется в словосочетании, в котором происходит объединение предмета и его признака, благодаря чему образуется сложная номинация предмета; при реализации полупредикативного отношения такого объединения не происходит. Иными словами, «...атрибут выступает как часть целостной номинации, а полупредикативный член обладает свойством отдельности, отчлененности от своего определяемого»². Данное свойство – то общее, что сближает полупредикативное отношение с предикативным: признак приписывается предмету в акте речи, не образуя сложной номинации, а характеризует предмет в тот или иной промежуток времени.

Полупредикативность реализуется в полупредикативном члене, который называют дополнительным сказуемым (а традиционно – обособленным приложением, обособленным определением). В доказательство специфичности полупредикативного члена приводят тот факт, что в состав его могут входить слова и словоформы с временным значением (или условным), которые не являются присловными распространителями, так как не образуют словосочетания с прилагательным, а называют время и/или условие проявления полупредикативного признака: *Время, в детстве бесконечное, неисчерпаемое, теперь мчалось все быстрее* (П. Проскурин). *Молнии полыхали за рекой, уже обессиленные и тихие* (К. Паустовский). Кроме того, полупредикативный член может занимать любую позицию по отношению к определяемому слову, сочетаться как с нарицательными существительными, так и с собственными и даже с местоимениями, подключаться к субстантивному члену независимо от степени его распространенности, иметь любой состав, т. е. быть нераспространенным и распространенным.

Можно ли деепричастный оборот квалифицировать как полупредикативный член предложения? Деепричастием (чаще не одиночным, а с зависимыми словами) дается дополнительная процессуальная характеристика субъекта: *Всякий раз, разворачивая тетрадь с началом рассказа, я долгое время не мог написать ни строчки* (П. Проскурин).

Субъект, являющийся предметом речи в данном предложении, совершает два действия: одно основное (не мог написать) и одно добавочное (разворачивая). Аранжировка действий зависит от говорящего: *Я вскочил, поспешно оделся и вышел на крыльцо* (К. Паустовский). – *Я, вскочив, поспешно оделся и вышел на крыльцо и Я, вскочив и поспешно одевшись, вышел на крыльцо.*

Деепричастие, одиночное или с зависимыми словами, является аналогом глагольного сказуемого, причем, в отличие от полупредикативного члена, не может занять данной позиции, не претерпев соответствующих морфологических изменений. Ср.: *Протока, под вечер солнечная, успокаивала* (П. Проскурин) – *Протока под вечер солнечная. Она успокаивала*; и *Ведь истина убеждает уже фактом своего явления, не требуя никаких украшений* (П. Проскурин) – *Ведь истина убеждает уже фактом своего явления. Она не требует никаких украшений*.

И все-таки у полупредикативного члена, который более свободно включается в предложение (может называть полупредикативный признак слова с предметным значением, занимающего любую синтаксическую позицию), чем дееспричастный оборот (называет процессуальный признак подлежащего или во всяком случае субъекта), и все-таки у полупредикативного члена и дееспричастного оборота есть общая функция. Они выступают в качестве добавочного сказуемого. Данная функция и позволяет многим исследователям дееспричастие (одиночное или в составе оборота) квалифицировать как полупредикативный член, что особенно целесообразно в учебных целях.

Итак, что мы будем понимать под полупредикативным членом? *Полупредикативный*—это второстепенный член предложения, который обозначает дополнительную по отношению к сказуемому характеристику предмета речи.

Полупредикативный член предложения отвечает на вопросы определения или обстоятельства:

какая?

1. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лице, вдруг пропала (Г.).

как?

2. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату (Л. Т.).

Многие полупредикативные члены предложения совмещают определительное и обстоятельственное значения:

какой?

почему?

Легкий сумрак эрмитажных залов, тронутый темной позолотой, казался мне священным (К. Паустовский).

Полупредикативный член предложения выражается деепричастием, причастием, прилагательным, существительным, одиночными или в составе оборота: 1. *За окнами дрожали, погасая, редкие и жалкие огни деревень* (К. Пауст.). 2. *Тучи, низко затягивающие небо, раздвинулись* (П. Прокурин). 3. *Диск луны, огромный, кроваво-красный, поднимался за деревьями парка* (М. Г.). 4. *Чем не блещит эта улица—красавица нашей столицы!* (Г.)

Полупредикативный член предложения содержит дополнительное сообщение о предмете мысли, которое произносится с интонацией обособления и собственным логическим ударением (в устной речи) и выделяется знаками препинания (запятые, реже – скобками и тире в письменной). Сравните предложения: 1. *Лестница воздушная.* 2. *Воздушная лестница ... неслась вверх (Г.).* 3. *Лестница, воздушная, неслась вверх.*

В 1-м предложении сообщается о реальном признаке предмета, проявляющемся в настоящем. Перед нами предикативные отношения, которые выражаются словоформами в роли главных членов предложения. В нем одно сообщение: *Лѣстница* | *воздушная*.

Во 2-м предложении между словоформами в словосочетании *воздушная лестница* определительные отношения: определение более точно называет предмет, ограничивая его от других предметов того же класса. Определение

и определяемое произносятся без паузы, называя одно понятие. В предложении одно сообщение: *Воздушная лестница | неслась вверх*.

В 3-м предложении между словоформами *лестница* и *воздушная* полупредикативные отношения: реальный признак *воздушная* приписывается предмету мысли наряду с основным признаком (*неслась*) и совпадает с ним по времени проявления. В предложении сообщается о двух признаках предмета мысли, приписываемых ему в речи: основном (*неслась*) и дополнительном (*воздушная*). Дополнительный признак необходимо выделить, чтобы не затруднялось восприятие основного признака предмета мысли, что и осуществляется интонационными средствами в устной речи и графическими – в письменной: *Лестница, | воздушная, | неслась вверх*.

В таком предложении два сообщения (*Лестница неслась вверх. Она была воздушная*), следовательно, два логических ударения.

Назначение полупредикативного члена – более полно характеризовать предмет мысли, что увеличивает объем информации, заключенной в простом по структуре предложении.

¹ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 21.

² Там же. С. 22.

С. М. ПРОХОРОВА

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Концепция лингвистической непрерывности имеет длительную историю, ее истоки восходят к концу 50-х годов XIX столетия и связываются с именем швейцарского ученого А. Пикте (1799 – 1875). Наиболее глубокое выражение эта концепция получила в теории волн (Г. Шухардт, И. Шмидт). Вышедшая в 1872 г. в Веймаре работа И. Шмидта «Взаимоотношения родства индоевропейских языков» оказала огромное влияние на развитие лингвистики. И. Шмидт сделал открытие о том, что каждый отдельный индоевропейский язык можно рассматривать по отношению друг к другу как переходный язык и что все индоевропейские языки связаны между собой сетью переходных явлений. Он сделал вывод, что географически ближе расположенные друг к другу языки больше имеют между собой сходства, чем языки, более далеко отстоящие, что существует постепенный переход от индийских языков через иранские к славянским и от последних к литовским (балтийским). И. Шмидт выделил славяно-латышский язык, который, как он полагал, не мог оторваться ни от немецкого, ни от арийского, а представляет органическое переходное звено от одного к другому.

А. И. Соболевский утверждал, что теорию волн можно применить к белорусским говорам. По мнению А. И. Соболевского, белорусские говоры своеобразны и поэтому представляют огромный интерес для лингвиста. Сравнивая говоры московский, вяземский, смоленский и оршанский, Соболевский писал: «Границы – в обыкновенном смысле – нет; между наиболее западным вполне великорусским говором и наиболее восточным говором, вполне белорусским, переливается из одного в другой длинный ряд промежуточных говоров, которые нельзя назвать ни великорусскими, так как в них есть белорусские особенности, ни белорусскими, так как они не свободны от великорусских особенностей»¹. Это уже наметки теории переходных говоров в русской лингвистике.

Теория переходных говоров обоснована составителями первой диалектологической карты (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым), но в общих чертах она разрабатывалась А. А. Шахматовым, А. И. Соболевским и другими учеными. Составители первой диалектологической карты считали, что «переходный говор представляет собою третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, из которых он образовался»². Исследователи четко разграничивали смешанные и переходные говоры.

В конце XIX в., во время зарождения лингвистической географии, обнаружили факты несовпадения границы отдельных языковых явлений, что привело к тому, что Г. Шухардт, П. Мейер, Г. Парис, Ж. Жильерон и др. представители романской диалектологической школы отрицали суще-

ствование диалектов, признавая только границы отдельных диалектных явлений. В то же время немецкие и швейцарские диалектологи (Ф. Вреде, К. Хааг, Т. Фрингс и др.) доказали реальность диалектов, выявив ядро (центр) и периферию. Периферией считались пограничные зоны, или «зоны вибрации», где представлены пучки изоглосс. Начиная с 40-х годов XX в., когда был введен термин «пространственная (ареальная) лингвистика» (М. Дж. Бартоли и Дж. Видосси), языковой ландшафт интерпретируется как лингвистически непрерывное пространство генетически связанных диалектов, в котором можно выделить центр и периферию. Принято выделять три основные зоны диалектного континуума: центральную, маргинальную и переходную. Мнения ученых по поводу центральных и маргинальных зон не всегда совпадают. В частности, М. Бартоли считал балтийские языки маргинальными, так как маргинальные зоны более архаичны, а А. Мейе считал эти языки центральными. В то же время Дж. Девото утверждал, что маргинальных языков не существует, а существуют лишь маргинальные явления.

Переходные зоны, как правило, вибрационные, в них выделяются зоны диффузии. Диффузные зоны являются нечеткими, расплывчатыми. Переходные языковые зоны свидетельствуют о том, что четкие границы между генетически родственными языками отсутствуют, они характеризуются языковой аттракцией. В развитии теории переходных говоров большой вклад внесли славянские исследователи – З. Штибер, К. Дейна, Т. Зданцевич, М. Малецкий, И. Белич, Ф. Травничек, А. Лямпрехт и др.

Языковая зона, синтаксис которой мы изучали (Зап. Смоленщина), в современном языковом ландшафте является переходной русско-белорусской. Н. И. Толстой считает Смоленщину типичной переходной зоной³. Это зона периферийная, на отдельных участках вибрационная, или диффузная. Согласно теории волн, такие зоны не являются центрами инноваций, но, по нашим наблюдениям, своеобразные инновации возможны в диффузных зонах, примеры таких инноваций будут приведены в настоящей статье, хотя мы во многом согласны с Э. А. Макаевым, полагавшим, что исследователь, пытающийся решить вопрос о том, что является инновацией и что архаизмом в том или ином ареале, попадает в порочный круг⁴.

Синтаксические изоглоссы, по нашим наблюдениям, очень редко соотносятся с изоглоссами иных уровней. Термин *переходность*, с одной стороны, соотносится с термином *языковая непрерывность*. В этом смысле этот термин прилагается к переходным зонам в современном языковом ландшафте; наличие таких зон свидетельствует о невозможности проведения четких границ между языками.

С другой стороны, выявляется *собственно переходность*, которая понимается нами как поле одного языкового явления. Центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому явлению. Центр собственно переходности чаще всего расплывчатый, неконтактный. К примеру, в центре переходного поля употребления *как/як* в синтаксических конструкциях неосознанный русско-белорусский билингвизм выявляется на компактной территории вокруг Смоленска, а также этим характеризуются островки к югу, северу и западу от Смоленска⁵. Эти территории, где отмечается параллельное неосознанное употребление русских и белорусских синтаксических конструкций, и являются центром собственно переходного поля употребления *как/як*. На периферии представлено либо только *как* (севернее Смоленска), что включает говоры в русский ареал, либо только *як* (южнее Смоленска), что включает говоры в белорусский ареал. Вместе с центром и периферией исследованная языковая зона представляет поле переходности, т. е. языковой непрерывности. «Поле, – утверждал А. Ф. Лосев, – всегда континуум», а континуум – «диалектическое слияние раздельной системы со сплошными и непрерывными переходами одного ее момента в другой»⁶.

Являясь, с синхронной точки зрения, переходной русско-белорусской зоной, Зап. Смоленщина на синтаксическом уровне – зона не замкнутая. Тщательный анализ синтаксиса этой языковой зоны на широком славянском и балтийском фоне свидетельствует о том, что многие синтаксические черты, отмеченные в этой зоне, находят продолжение не только на восточнославянской, но и на других славянских территориях, в частности польской, словацкой и др. Много соответствий в говорах Полесья и Карпат. Н. И.

Толстой считает, что Карпаты и Полесье занимают особое положение в Славии. До конца IX в. Карпаты были южно-западно-восточнославянским пограничьем⁷. Есть соответствия и в русских говорах, удаленных от Смоленщины, в частности в воронежских и нижегородских. В результате исследования мы пришли к выводу о территориальной открытости, незамкнутости языковых зон Славии на синтаксическом уровне.

Н. И. Толстой пишет, что «современная Славия может быть представлена как некий прямоугольник или ромб с крупными островными включениями венгерской и румынской иноязычной среды». И далее: «Славянский языковой мир делится на три значительные части... при этом центр не противопоставлен периферии, а противопоставлены друг другу в различных комбинациях отдельные большие массивы»⁸.

Переходные говоры Зап. Смоленщины характеризуются и западнославянскими чертами, что коррелирует с выводами тех ученых, которые считают искусственными и нестрогими границы между западно-, южно- и восточнославянскими языками. Говоры Зап. Смоленщины по некоторым синтаксическим явлениям представляют собою переходное восточно-западнославянское поле, имеющее центр и периферию. К северу, западу и югу от Смоленска находятся островные ареалы центра переходного поля конструкций *пойти к соседу / пойти до соседа*, отмечены также центры переходных полей *пасты кони / коней, подоить коровы / коров*. На периферии последних полей отмечены островки только западных конструкций *подоить коровы и пасты кони*, причем ареал распространения последней конструкции шире по сравнению с первым⁹. В Шумячском районе (бассейн р. Сож) есть пункт, в котором отмечены только конструкции *подоить коровы и пасты кони*, параллельные восточнославянские конструкции в этом пункте отсутствуют.

Исторически на территории Зап. Смоленщины выявляется центр балтославянской переходности, который находится в бассейне р. Днепр. Здесь параллельно со славянскими употребляются синтаксические конструкции, типологически сходные с балтийскими. Как считают исследователи, славяне и балты «в области Верхнего Поднепровья веками жили друг с другом, нередко чересполосно; процесс ассимиляции балтов славянами занял несколько столетий»¹⁰. Вопрос о балтских следах в гидронимии Верхнего Поднепровья имеет солидную историю. Еще А. Л. Погодин, А. И. Соболевский, К. Буга, Е. Ф. Карский выявили по всему Верхнему Поднепровью плотный слой балтийских наименований рек и озер. Эти выводы подтверждены также исследованиями М. Фасмера, Т. Лер-Сплавинского, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева.

В Верхнем Поднепровье «наряду с местностями, где культура балтов сохраняла свою специфику, имелись и такие местности, где культура имела смешанный «балто-славянский» характер (речь идет о первом тысячелетии н. э. – С. П.). Древности такого типа имеются на Днепре несколько ниже Смоленска»¹¹. В бассейне Днепра нами выявлено сгущение балтских черт на синтаксическом уровне, но, как правило, они выступают только параллельно со славянскими, прежде всего восточнославянскими, или русскими. Анализ синтаксических особенностей показывает большую устойчивость конструкций, типологически совпадающих с балтийскими, влияние литературного русского языка на синтаксическом уровне незначительно. Можно предполагать, что тенденция к переходности проецируется на очень древнее состояние, если учесть, что, по предположению Х. Моэра, П. Н. Третьякова и др. исследователей, локализация балтов, их прародина как раз и находилась в области Среднего Поднепровья, откуда на рубеже III – II тыс. до н. э. началось быстрое расселение балтийских племен.

По нашим наблюдениям, в бассейне р. Днепр можно отметить центр переходного балто-славянского поля конструкций *благодарить кому / кого; переходного славяно-латышского поля ехать на каню / ехать с канём; переходного славяно-латгальского поля говорить кому / на кого*.

На периферии поля в бассейне р. Сож и ее притока р. Вихра отмечены островные ареалы, в которых отсутствуют славянские синтаксические конструкции, а представлены соответствующие балтийским -- *благодарить кому, либо только литовским – идти воды, моя голова болит*. В одном из пунктов Монастырщинского района отмечена соответствующая литовской конструкция *учиться учительницей*. Археологи, в частности П. Н. Треть-

яков, В. В. Седов и др., предполагали, что «на Соже, очевидно, славянский элемент появился позже, как и на Березине и Друти»¹².

В бассейне Зап. Двины выявляются островные ареалы явлений, типологически совпадающих с латышскими, преимущественно латгальскими. Только здесь отмечен небольшой ареал распространения конструкции *смеяться про кого*. Но спорадически латышские или латгальские синтаксические конструкции параллельно со славянскими употребляются на всей обследованной территории.

Большинство выявленных нами конструкций типа *сильней за брата, благодарить кому* и др. имеют достаточно широкий ареал распространения на славянской и балтийской территориях. Как правило, эти конструкции соответствуют как литовскому, так и латышскому, и латгальскому языкам. Сюда же можно отнести конструкцию типа *сильней как брат*, имеющую относительно узкий ареал распространения.

Часть конструкций соответствует только литовским – *смеяться с кого, идти воды, идти в грибы, моя голова болит*, другая часть – только латышским или латгальским – *смеяться про кого, говорить на кого* (в значении «говорить кому»), распространение предлога *с* при творительном падеже.

Преимущественно балтизмы характеризуют правую валентность и преобладают в синтаксическом поле объекта простого предложения. Отмечены балто-славянские инновации в поле предиката и на периферии поля субъекта. В сложном предложении на обследованной территории балтизмы отсутствуют.

Следует обратить внимание на присутствие описанных балтизмов в славянских литературных языках стран, входивших ранее в ВКЛ и Речь Посполитую, – польском, белорусском, украинском, а также в отдельных языках западного и южного славянских ареалов, в то время как в русском литературном языке они отсутствуют.

Исходя из сказанного, переходность можно рассматривать с синхронной и диахронической точек зрения. С точки зрения синхронии, исследованные говоры Зап. Смоленщины на синтаксическом уровне являются переходными русско-белорусскими, о чем свидетельствует синтаксис не только простого предложения, но прежде всего синтаксис сложного предложения. В то же время эта зона является территориально незамкнутой. В простом предложении здесь фиксируется восточно-западнославянская переходность. С точки зрения диахронии, отмечен еще и третий слой переходности – балто-славянской. Последнее свидетельствует о древности исследуемых говоров. В пользу древности говорит и то, что на исследованной территории отмечены отдельные пункты, в которых одновременно функционируют по три, а в некоторых даже по четыре синонимические конструкции¹³.

В заключение необходимо остановиться на лингвистической диффузии. Принято считать, что вибрационным зонам не свойственны инновации: они являются лишь территориями, на которые последние могут распространяться. Мы берем на себя смелость утверждать, что диффузия способствует образованию инноваций на различных языковых уровнях. Примерами диффузии являются описанные диалектологами переходные от оканья к аканью либо яканью типы вокализма. На Зап. Смоленщине в результате диффузии появились *ч* и *р* полумягкие, формы им. п. мн. ч. типа *крыл':а, калос':а*, в которых сочетаются русские и белорусские черты – флексия – *а* и в то же время ассимиляция звука *ј* предшествующим мягким согласным. Что касается синтаксического уровня, то нами отмечен только один случай диффузии, который выявлен в вертикальном поле объекта, когда объект подвержен активному действию (так называемая эффективная переходность). Эффективная переходность в ряде исследованных пунктов способствовала семантическому стяжению конструкции *мазать хлеб маслом* → *маслить хлеб*¹⁴. В свою очередь, диффузия способствовала появлению тавтологической конструкции *маслить хлеб маслом*, ареал которой отмечен к западу от Смоленска, причем глагол *маслить* в отдельных микросистемах принимает значение «мазать не только маслом», в силу чего появляются диффузные конструкции *маслить хлеб сметаной, вареньем* и под. Диффузные конструкции отмечены прежде всего в Руднянском и Краснинском районах, где они образуют достаточно обширный ареал. Небольшие ареалы отмечены в Демидовском (к северу от Смоленска), Хиславичском и Шумячском районах

(к югу от Смоленска). Таким образом, диффузия как процесс взаимопроникновения способствует появлению новых явлений на разных языковых уровнях. Количество таких явлений невелико. Причем диффузия не всегда способствует появлению признаков переходности между языками. Это потенциальное свойство диффузных зон.

Таким образом, переходность – это не только отношения между языком А и Б на разных исторических срезах. Это явление значительно более сложное, многоаспектное и противоречивое. К примеру, часть описываемой нами зоны может входить в состав других зон. В частности, А. С. Герд реконструирует Днепровско-Двинскую диалектную зону, куда включает как северную Смоленщину, так и северную Беларусь¹⁵. А. Б. Брейдак считает, что можно объединить в одну зону говоры восточной Латвии, юго-восточной Литвы, северо-восточной Польши, северной Беларуси и Псковской области России. В Латгалии он фиксирует дву- и даже трехязычие. Следовательно, границы славянских языковых зон могут перекрещиваться многократно.

¹ Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности. СПб., 1904. С. 7.

² Труды МДК. М., 1917. Вып. 1. С. 12–13.

³ Толстой Н. И. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

С. 39.

⁴ См.: Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.; Л., 1964.

⁵ См.: Прохорова С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: Ареально-типологическое исследование. Мн., 1991. С. 130. Карта 22.

⁶ Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 23.

⁷ См.: Толстой Н. И. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии.

С. 39.

⁸ Там же. С. 39, 42.

⁹ Прохорова С. М. Указ. соч. С. 128; Карта 20; С. 112. Карта 4; С. 113. Карта

5.

¹⁰ Третьяков П. Н. // Acta Baltico-Slavica. VI. Białystok, 1969. S. 121.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Там же.

¹³ Интересным нам представляется предположение В. К. Журавлева о том, что большая вариативность свидетельствует о большей древности языка (См.: Журавлев В. К. // VI Международный съезд балтистов: Тез. докл. Вильнюс, 1991).

¹⁴ См.: Прохорова С. М. Указ. соч. С. 123. Карта 15.

¹⁵ См.: Герд А. С. // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.

И. Ф. УХВАНОВА-ШМЫГОВА

В ПОИСКАХ РЕАЛИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЯДРА ТЕКСТА

Моделирование плана содержания текста в рамках причинно-генетической теории позволяет осуществить синтез двух исследовательских традиций. Наглядно это можно изобразить в виде схемы, на которой представлено восемь основных, порождающих план содержания текста факторов*. Четыре из них (Социальная практика, Познавательная деятельность, Язык и Речь), являющиеся посылками семиотического и в дальнейшем деятельностного подхода к исследованию плана содержания полноценных, самостоятельно функционирующих лингвистических знаков, носят процессуальный характер. И в силу специфики протекающих процессов эти факторы формируют абстрактный, сущностный тип содержания, своеобразный идеальный конструкт человеческого сознания (отражение процессов деятельности через идеи). Последний воплощается в содержательно-организационных формах – ИЕРАРХИИ, СТРУКТУРЕ, СИСТЕМЕ, ЛИНИИ (идеи, реализованные в иерархическом, структурном, системном, линейном порядке). Взаимопроникновение этих форм естественно, ибо оно является продолжением взаимопроникновения порождающих их факторов. Но в данном случае мы идем в аналитическом направлении видения нашего объекта исследования и, значит, по пути расчленения исходных факторов, форм и, естественно, их наполнений, каковыми являются прагматический, гносеологический, парадигматический и синтагматический виды содержания.

* Об общих принципах построения такой схемы (семантической модели слова) см.: Вестн. БГУ. 1982. Сер. 4. № 3. С. 41 и далее. Данная же статья представляет собой её уточнение и развитие.

Выделение четырех других факторов – Практическая деятельность, Речевое поведение, Функционирование языка и Языковой опыт, – а также порожденных ими компонентов (видов содержания) может быть соотносено с сугубо лингвистической традицией. Здесь мы имеем дело, по существу, с феноменальным содержательным типом, т. е. с пониманием плана содержания языковой единицы как отражения реалий (явлений, феноменов) объективного мира, как их образ. В данном случае, если и можно оттолкнуться от понимания исходных факторов как деятельности, то только как деятельности, направленной на результат, т. е. свернутой, определенной временными рамками. Иначе говоря, феноменальный тип есть преходящий, ситуативно-ограниченный тип содержания. Стремление увидеть различные стороны такого содержания неизбежно выводит нас на денотативные, коннотативные, сигнификативные и десигнативные оттенки единого целого, что соотносимо (для текста) с тематическим, стилистическим, знаково-тематическим и типологическим видами содержания. Но это опять-таки непосредственное наполнение форм, порождаемых исходными факторами. Однако можно ли и здесь обозначить сами содержательно-организационные формы? Бесспорно. Непосредственным фокусируемым объектом текста как результата практической деятельности является РЕФЕРЕНТ, в то время как фокусированный объект текста как результата поведенческой деятельности, а точнее, речевого поведения – КОРТЕЖ. Точно так же в качестве фокусированного объекта функционирования языка выступает ЗНАКОВЫЙ РЕФЕРЕНТ, а языкового опыта – ЗНАКОВЫЙ КОРТЕЖ. Мы здесь предлагаем свой термин в связи с тем, что данная понятийная лакуна еще терминологически не обозначена. Надо сказать, что содержательная аналогия знакового кортежа со знаковым референтом здесь достаточно прозрачна, однако всякий новый термин требует своего определения, что и будет сделано несколько ниже. Соответственно, эти четыре позиции мы вправе считать организационно-содержательными формами феноменального типа плана содержания текста.

Все упомянутые факторы сводятся в едином объекте – тексте. Однако при всей своей отвлеченности они также едины. И это единство обеспечивается их тотальным взаимодействием. Так, с одной стороны, можно говорить об определенном единстве факторов, образующих каждый из типов содержания, их связка осуществляется через факторы, формирующие противоположный тип содержания. Как, например, речевое поведение есть реализация непосредственной связи между социальным и речевым процессами; в познавательном процессе, в свою очередь, воедино сливаются практическая деятельность и языковой опыт и т. д. Таким образом, существует некий внешний круг, образующий рамки содержания, выход за который, по существу, есть потеря содержания. С другой стороны, можно говорить об определенной симметричности распределения факторов на модели, свидетельствующей факт развития каждого из элементов пары друг в друге. Так, не может функционировать и развиваться система вне иерархической регуляции, а линейное распределение элементов внутри языкового знака (текста) связано не иначе как структурно. Точно так же можно говорить о содержательно значимостной симметрии референта и знакового референта, кортежа и знакового кортежа, получающих свое развитие друг в друге.

Итак, наша модель являет собой синтез двух взаимодополняющих и взаимораскрывающих исследовательских подходов и тем самым констатирует существование двух глобальных типов содержания коммуникативной языковой единицы: сущностного и феноменального, которые в самом общем смысле слова могут быть соотносимы с тем, что в англоязычной лингвистической литературе могло бы быть представлено терминами *idea-making content* и *image-making content*. И, далее, помещая два глобальных типа содержания на модели – содержание, сформированное на идее, и содержание, сформированное на образе, – мы подчеркиваем отсутствие какой-либо случайности в их расположении. Высокая степень информативности их позиций проявляется, с одной стороны, в том, что на модели представлены пограничные области каждого процесса (т. е. те явления, отношения между которыми формируют сущность), а с другой стороны, перед нами предстают основные сущностные коды каждого из обозначенных явлений. Причем в обоих случаях предполагается учет также и симметричных по отношению к соответствующим позициям элементов,

открывающих направленность их развития. Такое видение взаимодействия исходных элементов модели позволяет иллюстративно представить факт манифестации единства сущности и явления, глубинных и поверхностных уровней языковой материи, дихотомического развития основных ее элементов. Так, как мы видим, причинно-генетический подход оказывается оптимальным, во-первых, для выявления основных содержательных дихотомий феноменального типа плана содержания текста, а именно: «РЕФЕРЕНТ – ЗНАКОВЫЙ РЕФЕРЕНТ», «КОРТЕЖ – ЗНАКОВЫЙ КОРТЕЖ». Он, во-вторых, открывает возможность подобного восприятия сущностного типа плана содержания текста, определения позиций «ИЕРАРХИЯ – СИСТЕМА» и «СТРУКТУРА – ЛИНИЯ» как диалектически единых и тем самым динамически оппозиционных пар. (Мы можем обозначить основные дихотомии каждого из типов содержания и через вторую группу терминов. Так, «тема – знаковая тема», «стиль – тип» являются основными дихотомиями феноменального типа содержания текста; а «прагматическое – парадигматическое содержание», «гносеологическое – синтагматическое содержание» представляют собой дихотомии сущностного типа.)

Таким образом, причинно-генетический подход позволяет углубить наше понимание функционирования плана содержания текста, ввести идею существования семантического ядра текста, в основе развития которого заложены своеобразные диалектические единства или, что по существу одно и то же, динамические оппозиции. Отсюда логичным является признание того факта, что хотя данный этап исследования является структурным, т. е. статическим по существу, наш объект не перестает быть подвижным, саморазвивающимся организмом, достаточно уникальным и лишь относительно предсказуемым – такова семантика любого текста.

Названные оппозиции могут быть представлены так же, как глубинные дихотомии семантического ядра текста. Всестороннее изучение данных глубинных дихотомий в функциональном плане (особенностей притяжения и отталкивания, воплощения друг в друге и их отрицания, их перехода в новое качество в процессе взаимодействия) является необходимым для познания феномена «план содержания текста». А сам факт их выявления в едином семантическом ядре открывает новые горизонты для исследователя. Так, непосредственно определенными становятся объекты сущностного и смыслового содержания текста. Причем происходит своего рода перераспределение акцентов, поиск новых взаимодействующих содержательных пар (как это имеет место в сущностном типе), равно как и поиск основы возможного субъектно-предметного равновесия (феноменальный тип). В результате таких исканий и обнаруживает себя ранее никем не обозначенная дихотомия «кортеж – знаковый кортеж». Это обстоятельство требует от нас терминологической ясности и, соответственно, определения причин разведения этих двух смысловых позиций плана содержания текста уже на самых ранних ступенях исследования.

Систематизируя подходы к возможному изучению данной дихотомии, мы можем обнаружить по крайней мере пять причин, указывающих на необходимость разводить понятия «кортеж» и «знаковый кортеж».

Первая из них связана непосредственно с определением понятий, т. е. здесь мы разводим понятия и явления как бы по самому факту их существования. Понятие «кортеж» введено в лингвистический оборот А. Е. Супруном и означает реальную группу коммуникантов, так или иначе вовлеченных в речевой акт. В контексте нашего подхода мы как бы раздвигаем рамки данного определения и представляем кортеж не только и не столько как группу коммуникантов, вовлеченных во фрейм речевого акта, но в большей степени как отражение ее адресантом и/или адресатом. И это принципиально важно, ибо только в данном случае мы вправе вести речь о возможности фиксации в языковом знаке информации кортежного плана, ее непосредственном кодировании и декодировании, ее актуализации. Кодами такой фиксации будут, исходя из вышесказанного, структурное, линейное, иерархическое и системное измерения знака.

В отличие от кортежа, знаковый кортеж – это его типовое решение, ибо это – исторически значимостная кодовая репрезентация содержания, а именно: исторически зафиксированная в языковой системе и подчиненная определенным законам структурирования содержательная форма (для текста это – жанрово-композиционный содержательный тип), функциони-

рующая в речевой практике (т. е. линейно выраженная) и, следовательно, обладающая своей значимостью для коммуникантов (местом в иерархии их социальной деятельности). Доказательством различия данных понятий и, соответственно, явлений может служить и тот факт, что выбор кортежа и выбор знака кортежа не идентичны, так же как совершенно независимыми друг от друга могут быть внутрикортежные и внутризнаково-кортежные содержательные процессы. Так, говоря о знаке кортежа (типе) в его отношении к отражению реального кортежа (стилю) можно выделить три возможные позиции. Выбор для коммуникантов знакового кортежа может быть относительным, т. е. как бы пробным, предварительным. Тогда реальный кортеж в этой информативной дихотомии будет доминировать и в случае конфликта с информацией знакового кортежа неизбежно менять последний согласно ситуации. Знак кортежа может быть и определяющим, иначе говоря, жестким. В этом случае информация реального кортежа практически уходит из значения, проступая лишь где-то на его периферии и то не обязательно. Но возможно и гармоничное общение, предполагающее баланс между информацией кортежа и знакового кортежа. Тенденция к гармонизации общения в процессе длительного контакта людей, т. е. поиск оптимального соотношения знаковой и кортежной информации, является, в определенном смысле слова, закономерной. Отсутствие такового означает либо намеренное стремление к сохранению формального общения между коммуникантами (крен в сторону знакового кортежа, типовые приоритеты социума – модель тоталитарного поведения), либо тенденцию к многообразию форм общения внутри одного и того же кортежа (случайную, либо преднамеренную, что может отражать как поиск, так и стабилизацию внутрикортежных отношений, – модель демократического поведения). Как видим, здесь противопоставление кортежа и знакового кортежа есть противопоставление индивидуального и социального, единичного или отдельного и общего, противопоставление, необходимое с точки зрения осознания себя, своего факта существования: через группу, тип, знак познать, что есть ты, а через себя – группу, т. е. найти и себя, и свой знак. (В этой ситуации значимость и кортежа, и его знака равны).

Вторая причина – разведение кортежа и знакового кортежа по смыслу. Здесь имеет место тенденция к разведению самих реалий, стоящих за этими понятиями, осознание самоценности каждой, возвеличивание опыта, реальности. В противном случае, когда нет осознания такой самоценности, знак, являющийся естественной потребностью человека, начинает гипертрофировать свои функции, поглощать реальность, подчинять ее себе. Знак человеку удобен, с ним он чувствует себя комфортно. Выход за его пределы – всегда преодоление, будь то преодоление знаний, традиций, языковых наслоений, отказ от своего исторического наследия или что-либо еще. Однако это может быть и новой ступенью знаний, новой традицией, новым языковым фактом, если такой выход принимается и поддерживается группой, преломляется в ее поведении, становится и ее опытом, пусть видоизмененным, усредненным. И такие изменения закономерны. Новое – это всегда отказ от чего-то, пересмотр каких-то старых отношений, изменение по всем параметрам, кодам языка: в иерархии, линии, структуре и системе. (В этой ситуации значимость кортежа неизбежно выше значимости знака, ибо здесь она первична).

Третья причина – разведение кортежа и знакового кортежа по сущности. (Диапазон понятия «сущность» мы рассматриваем здесь исходя из противопоставления «сущности» «смыслу», но не «явлению», как было ранее). Сущностная тенденция взаимоотношений означает перенос акцента на познание явлений, их отражение, их знаковое воплощение, поклонение знаку, принятие реального кортежа только тогда, когда он отражен в знаке. В этом случае поиск реального кортежа – всегда поиск его знака. Если не подходит по своим сущностным проявлениям один знак, в процессе коммуникации происходит смена его на другой, вплоть до отказа от общения, если подходящий знак для него не находится в данной языковой системе. (Ситуация заданности знака кортежа в качестве первично значимостного по отношению к собственно кортежу. Здесь можно провести аналогию с примерами видения референтов только через их знаки, которые были зафиксированы и изучены основателями и последователями теории лингвистической относительности. Видимо, есть все основания считать, что с

обнаружением дихотомии «кортеж – знаковый кортеж» внутри семантического ядра языкового знака теория лингвистической относительности может быть дополнена материалами сугубо социологической направленности.)

Четвертая причина – разведение кортежа и знакового кортежа по признаку деятельности. Как мы видим, в них неизбежно прочитываются разные виды деятельности, а именно: реальная, или практическая, и знаковая, типовая. Так, если реальный кортеж – это, в определенном смысле, и н т и м н о с т ь и, значит, возможность затруднительного положения, а в лингвистическом смысле – это всегда поиск своего слова, стремление выразить достаточно полно свою роль, себя через слово, то знаковый кортеж – это ситуация, когда роли расписаны, и поэтому в ее рамках деятельность легко превращается в игру, маску, позу. Психологически в маске человек свободен, в ней для него почти нет затруднительных положений. Вот почему общение, и речевое в том числе, легче проходит, когда акцентированным оказывается знаковый, но не реальный кортеж. Реальный кортеж, далее, – это всегда оригинальная деятельность, в то время как знаковый кортеж характеризуется заданностью знаковой деятельности. У знака всегда есть рамки, границы функционирования, у реальности их значительно меньше или вообще нет, кроме как границ бытия и небытия. И последнее в данной связи, реальный кортеж – это каждый раз н о в а я с и т у а ц и я, в то время как знаковый кортеж – это типичная ситуация, которой можно обучиться и воспроизвести ее. Вот почему, играя, задавая ученикам роли, ситуации и, тем самым, вид деятельности, их легче научить речевой деятельности, ибо во многом это – обучение штампам: знаковому кортежу и знаковому референту. Деятельностный подход к противопоставлению исследуемых понятий (и, соответственно, понятий, стоящих за ними) открывает факт кодирования текстами не только самой деятельности, но и отношения субъектов коммуникации к ней (активность/пассивность и т. д.).

И наконец, может быть отмечена пятая причина разведения кортежа и знакового кортежа – по признаку волеизъявления. Так, если кортеж – сама реальность, т. е. это стиль жизни как сама жизнь, то знаковый кортеж – это типаж, стилизация. И здесь, кодируя текст, мы кодируем свой менталитет, свою систему ценностей, свою способность или неспособность к творчеству.

Все это, как нам кажется, не может не убеждать в реальности существования дихотомии «кортеж – знаковый кортеж», в необходимости включения ее в качестве одной из двух равноправных дихотомий семантического ядра текста, требующей самого пристального внимания исследователей дискурса.

СОБОЛЕВА Л. И.

ЛЕКСИКА СИТУАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Сопоставительный анализ одной подсистемы сенсорной лексики русского и белорусского языков позволил определить особенности семиотической организации глаголов звучания, полностью обусловленные прагматическим аспектом плана содержания знака.

1.1. Глаголы шума являются прагматически незначимой частью лексикона, поэтому их денотатами стали не конкретные звуковые эффекты, а целостная ситуация, включающая представление о предмете – источнике звука, и сам звук. Следовательно, глаголы шума – это не понятийная лексика, а лексика ситуативных представлений. Лексика ситуативных представлений имеет двойственное семиотическое членение: звукоподражательные глаголы являются знаками-индексами, а звуковые признаки предмета – планом содержания этих знаков. Звуковой признак, в свою очередь, является знаком-индексом предмета, порождающего звук.

В звукоподражательных словах означающее и означаемое объединены по сходству, поэтому метафоризация стала основным способом переноса значения в этой лексической подсистеме. Причем происходит метафоризация не денотатов звуков, а денотатов источников звуков. В целом же коннотация ономатопеической лексики в большей мере, чем у других слов, определяется составляющими денотативной ситуации.

1.2. Глаголы шума не относятся к понятийной лексике, поэтому у них нет общего инвариантного значения. Образная природа денотативной ситуации обуславливает варьирование денотата у каждого из носителей языка (варьируется представление об источнике звука и о самом звуке), поэтому в тексте семантика глаголов шума реализуется не на уровне значений, а на уровне индивидуальных смыслов. В отличие от прагматически значимой лексики, где первые два элемента семантической цепочки «лексическое значение – вариант значения – смысл – оттенок значения» создают основу частичного взаимопонимания говорящего и слушающего, понимание глаголов шума из-за их малой прагматической значимости связано с восприятием третьего элемента, с осознанием общего «гиперонимического» смысла: неважно, бряцаешь, брякаешь или звенишь – важен общий смысл – шумишь.

2.1. Денотативной ситуацией для глаголов речи является речевой акт, поэтому их семантическая структура в сфере передачи информации является двойственной: с одной стороны – собственно понятийная информация, отражающая характер сообщения и его средства (значимость информации, ее достоверность, последовательность изложения, продолжительность речи, т. е. все логические и акустические особенности повествования), с другой стороны, семантические компоненты глаголов речи (таких, например, как: *говорить, кричать, шептать, подсказывать, молиться, декламировать*) включают информацию обо всей денотативной ситуации, обо всей ситуации общения: о субъекте и адресате речи, об их числе и эмоциональном состоянии, о характере отношений между ними.

Например, глагол «позвать» имеет сему «цель речи», которая характеризует и собственно речь и предполагает адресата речи, а он является элементом денотативной ситуации. Более отчетливо это свойство демонстрирует древнерусский глагол ЗЛОСОВѢТОВАТИ «совещаться, сговариваться с целью причинить зло кому либо», в котором элементы денотативной ситуации отражены в семе «сумма субъектов речи». Кроме того, здесь конкретизируется сема «цель речи» и ей дается этическая оценка.

Все сказанное позволяет оценивать глаголы речи как индексивные знаки по отношению к денотативной ситуации и субъекту речи. Это сближает прагматически значимые глаголы с лексикой ситуативных представлений.

2.2. Двойственная семиотическая природа глаголов речи (понятийность и образность, закодированные в их семантической структуре) позволяет легко их антонимизировать (известный пример: «что ты на меня кричишь» – о злом шепоте): в этом случае игнорируются семы собственно речевого феномена (акустические признаки звука) и гипертрофируется представление о составляющих денотативной ситуации (например, об эмоциональном состоянии субъекта или адресата речи).

2.3. Легкость создания метафоры в результате изменения иерархии «понятийных» и «бытийных» (ситуативных сем), создавая лаконичность текста, размывает границы кодовой структуры. Последнее проявляется как в организации семантической структуры отдельного слова (многие глаголы речи осознаются говорящими не только как лексика речи, но и как, скажем, лексика этической оценки или как эмоциональная лексика: ЗЛОСОВѢТОВАТИ, ЗЛОСОВѢЩАТИ, НАТРУНИТИ, НАПЛАКАТИСЯ – следовательно, тематическая открытость связана не с денотативной ориентацией, а с взаимодействием элементов семантической структуры слова), так и в организации отдельных подсистем глаголов речи, т. е. в существовании семиотико-синкретических глаголов, в значении которых сочетаются семы «речь», «действие», «интеллект», «эмоция».

Перечислим основные структурные типы синкретических значений: I. цель речи + действие, действие + недостоверность речевой информации, действие + морально-этическое содержание речи, действие + этикетная цель речи, действие + речевая информация, противоположная первоначально переданной, действие + результат речи, действие + степень владения речью, действие + номинативная функция, действие + метаязыковая функция, действие + цель речи + морально-этическое содержание речи, действие + морально-этическое содержание речи + передача информации (57 глаголов). II. Действие + несколько разных сем с общим значением речи, содержащихся в разных значениях многозначного слова (11 слов). III. Действие + речь + эмоция (5 слов). IV. Действие + эмоция + речь + запах (1 слово). V. Речь + эмоция (5 слов). VI. Звук человека + эмоция

(1 слово). VII. Зрение + речь + эмоция (1 слово). VIII. Речь + интеллект (16 слов). IX. Слуховое восприятие + интеллект (3 слова). X. Речь + действие + интеллект (3 слова), а также еще 9 слов, где названные семы подчинены семе «магическая функция речи». XI. Речь + звук + интеллект (1 слово). XII. Звук + действие + речь (1 слово). XIII. Речь + звук (6 слов). XIV. Речь + шум (2 слова). XV. Шум + звук + речь (2 слова).

2.4. В несинкретических глаголах уровень абстракции при перекодировании сем ниже, поэтому элементы денотативной ситуации осознаются говорящим (НАПЛАКАТИСЯ – это и звук человека, и выражение эмоционального состояния субъекта). В синкретических глаголах уровень абстракции при перекодировании сем выше, поэтому в аспекте индексивности семы «речь», «действие», «интеллект», «эмоция» выступают как элементы одного порядка. Денотативная ситуация не осознается говорящим, а «метонимия» следствий создает синкретизм лексической единицы. Но в обоих случаях условием «семантической игры» оказывается денотативная ситуация.

3.1. Структурная близость глаголов речи с лексикой ситуативных представлений, зависимость их семантики от целостной денотативной ситуации осмыслена в метаязыке в понятиях перформативов («чистых» глаголов говорения, которые служат для описания того, что делает говорящий) и перлокутивных глаголов (которые предполагают участие слушающего в ситуации речевого общения). Но в наибольшей степени с денотативной ситуацией, точнее, с субъектом речи связаны дескриптивные глаголы, например: *лгать, инсинуировать, высмеивать, льстить, ругать, хвататься, выболтать, подбивать, подстрекать, угрожать...* Эта связанность настолько велика, что субъект речи не может быть эксплицирован в форме первого лица: семантика таких глаголов содержит не собственно речевую информацию, а информацию об отношении субъекта речи к ее содержанию. Таким образом, элемент денотативной ситуации оказывается на «вершине» иерархической семной структуры таких глаголов, и поэтому они используются для передачи речевых актов других людей.

То, что Вендлер назвал «иллокутивным самоубийством», – следствие двойственности семантической структуры глаголов речи, которые передают и «собственно информацию», выходящую за пределы денотативной ситуации, и информацию о денотативной ситуации.

3.2. Априори семами глаголов речи, отражающими денотативную ситуацию, признаются семы, характеризующие субъекта и адресата речи: 1) субъект речи, 2) эмоциональное состояние субъекта, 3) адресат речи, 4) сумма субъектов речи, 5) эмоциональное воздействие на адресата речи, 6) сумма адресатов речи, 7) ограничено/не ограничено число адресатов речи, 8) характер отношений субъекта и адресата речи, 9) тождественность/не тождественность субъекта и объекта речи, 10) тождественность/не тождественность объекта и адресата речи, 11) морально-этическая оценка речи.

3.3. Из 261 однозначного и 61 двузначного глаголов речи древнерусского языка выделяются несколько десятков слов, в которых превалируют названные семы.

Сема «сумма субъектов речи» присутствует в глаголах: ВЪЩЕСТВОВАТИ (ВЪЩЕВАТИ, ВЪЩАВАТИ, ВЪЩАТИ) – разговаривать, беседовать, ВЪЩЕВАТИСЯ – обижаясь, обсуждать что-либо между собой, ВСПРАШАТИСЯ – спрашивать друг друга, ВОЗБЕСѢДОВАТИ – начать беседовать, говорить, ДОМОЛВИТИСЯ (ДОМОЛЫТИСЯ) – уговориться, ЕДИНЯТИСЯ – объединяться, договариваться о единстве действий, ЗЛОСОВѢТОВАТИСЯ, ЗЛОСОВѢЩАТИ (ЗЪЛОСОВѢЩАТИ) – совещаться, сговариваться с целью причинить зло кому-либо, ЗДОРОВАТИСЯ – поздравлять друг друга с чем-либо, НАГАДАТИСЯ – посоветоваться, НАГОВОРИТИСЯ – уговориться, сговориться о чем-либо, НАЗГОВОРИТИСЯ – договориться, пойти на сговор с кем-либо.

Сема «сумма адресатов речи» присутствует в глаголах: ДОПРАШАТИСЯ – узнать, найти, расспрашивая многих людей, НАСОЧИТИ – донести, объявить (энантиосемичный глагол), НАРОДОВѢЩАТИ – говорить перед народом.

3.4. Предполагается сема «адресат» и в глаголах, имеющих сему «цель речи этикетного характера»: ВИТАТИ – приветствовать, ВИТАТИСЯ – здороваться, ВОЗБЛАГОДАРИТИ – принести благодарность, ДОБРОДАРИСТВОВАТИ – благодарить, ДЯКОВАТИ – благодарить, ЗДОРОВАТИ – приносить поздравление кому-либо, поздравлять кого-либо с чем-либо.

3.5. Существует 10 древнерусских глаголов, значение которых ориентировано не на содержание речи, а на отношение к ней адресата: в них эксплицирована иллокутивная цель – вынудить адресата адекватно воспринимать речевую информацию. Это глаголы: ВРЕЧИСЯ (ВРЕКАТИСЯ) – дать обещание, обязаться, ВООБЩАТИСЯ – дать обещание, ЗАВЕЧАТИ – обещать, дать обет, ЗАВѢЧИВАТИ – обещать, давать обеты (относительно чего-либо, приносимого в дар церкви), ЗАРѢКАТИСЯ – давать зарок, обещать не делать чего-либо, ЗАРЕЧИСЯ (ЗАРЕЩИСЯ) – дать обещание, зарок, ЗАРЕКНОВАТИ – дать зарок, ЗАКЛИНАТИСЯ – дать клятву, обет, ЗАКЛЯТИСЯ – дать клятву, обет. В пресуппозиции сема «адресат» присутствует в глаголах НАУСТИТИ – убедить, побудить, подговорить, подстрекнуть, НАУМНЯТИ – научать, советовать.

3.6. Сема «ограничено число адресатов речи» сочетается с семами «морально-этическая оценка объекта речи» и «недоверие к речевой информации», иногда с семой «непоследовательность речевой информации»: ДОРИЦАТИ – обвинять, доносить, ДОГЛАГОЛИВАТИ (ДОГЛАГОЛАТИ) – донести, сделать донос, оклеветать, НАЯБЕДНИЧАТИ – запутаться в ябедах, кривотворстве, НАЧМУТИТИ – насплетничать, наябедничать. Морально-этическая оценка объекта речи относится к пресуппозиции, возникающей благодаря эксплицированию сем, называющих условия речевого акта. По той же причине в контексте денотативных условий речи эта оценка воспринимается как неадекватная.

4.1. Сема «эмоциональное состояние субъекта речи» имплицитно присутствует в глаголах звучания, передающих определенное эмоциональное состояние человека: смех (ВОССМѢЯТИСЯ, ВОСМѢЯТИСЯ, НАСМЕШИТИ, НАТРУНИТИ), плач (НАПЛАКАТИСЯ, ВОСПЛАКАТИ, ВОСПЛАКАТИСЯ, ЗАПЛАКАТИ, ЗАХЛИПАТИСЯ, ВСХЛИПНУТИ, ВОСХЛИПАТИ, ВСХЛИПАТИ, ВОЗРЫДАТИ, ВОЗРЫДАТИСЯ), стон (ВОССТОНАТИ, ВОСТОНАТИ, ВОСТОГНАТИ, ВОССТЕНАТИ, ВОСТЕНАТИ, ВЗДЛАТИ).

Глаголы, называющие акустические свойства речи (ВЕЛЕРѢЧЕСТВОВАТИ, ВЫКЛИКАТИ, ВОЗГЛАСОВАТИ, ВОЗГЛАШАТИ, ВОСКРИЧАТИ, ВЗВОПИТИ, ВПЕЩАТИ, ВОПЛЬСТВОВАТИ, ВОЗОПИТИ, ВОЗОПИЯТИ, ГРОМОГЛАСОВАТИ, ГЛАСОВАТИ, ГОЛЧАТИ, ГОРТАНИТИ, ГАРКАТИ, ГАРКНУТИ, ЗАКАРКАТИ, ЗАКРИЧАТИ, ЗАВОПИТИ, ЗАВОПѢТИ, ВСКРИЧАТИ – издать громкий звук, крик, крикнуть что-либо // начать громко плакать, жаловаться), имеют сложную импликационную структуру. Интенсивность речи – не только следствие эмоционального состояния субъекта, но и наиболее эффективный, с точки зрения говорящего, способ передачи информации реципиенту.

Поэтому глаголы, указывающие на акустические аномалии речи, имеют и сему «недоступность речевой информации». Из шести глаголов, характеризующих акустические аномалии, два обозначают неясную для слушающего речь (ГУГНАТИ – говорить неясно, бормотать, ГНУСАТИ – говорить в нос, гнусить, гнусавить), один – специфическую, недоступную автоматизированному восприятию речь (ЗАИКИВАТЬСЯ), три – неспособность владеть речью или нежелание материализовать ее (НѢМОВАТИ – лепетать, произносить нечленораздельные звуки, НѢМОТОВАТИ – не владеть речью, лепетать, изъясняться нечленораздельными звуками, НѢМСТВОВАТИ – пребывать немым или безмолвным).

4.2. В семиотико-синкретических глаголах речи семы «эмоция» и «речь» противопоставляются и относятся к разным сторонам знака: если означающее создает установку на восприятие семы «эмоция», то означаемое содержит информацию о речевом феномене (ВЫПЕЧАЛОВАТИ – выпросить, исходатайствовать для кого-либо освобождение) и наоборот (ВЫСТОНАТИ – выстрадать, ЗАРЫДАТИСЯ – начать стыдиться).

В семантике таких глаголов подчеркивается реактивность эмоционального состояния адресата (ДОКУЧАТИ – неотступно просить, надоедать, ГРУБИТИ – причинять вред, наносить ущерб, обиду, ЗАСРАМИТИ – устыдить, ЗАГРУБИТИ – восстановить против себя, раздражать. Более того, среди несинкретических собственно глаголов речи нет слов, выражающих только эмоциональное состояние субъекта речи, в них эмоции субъекта речи – мотив эмоций, которые должны появиться у адресата (ЖАЛОБИТИ, ЖАЛОБИТИСЯ – обращаться с жалобой на кого-либо, что-либо, ЖАЛОВА-

ТИСЯ – жаловаться). Бытовым сознанием речь понимается как стимул поведенческой, интеллектуальной, эмоциональной реакции адресата (ЗАМОЛЫТИ – замолвить слово, попросить о прощении).

Следовательно, сема «эмоциональное состояние субъекта речи» не встречается изолированно в собственно глаголах речи: она имплицитно присутствует в глаголах, называющих неречевые звуки человека, менее частотна и специфично выражена в семиотико-синкретических глаголах, в глаголах речи она связана с проекцией состояния субъекта на адресата речи.

4.3. Сема «характер отношений субъекта и адресата речи» закономерно существует только в перформативах (ЗАПРАШИВАТИ, ЗАПРОШАТИ, ЗАПРАШАТИ – попросить, потребовать, ВОЗВЕЛѢТИ – повелеть, приказать, ВОСТРЕБОВАТИ – потребовать, ЗАПОРУЧИТИ – поручить, сделать распоряжение, ЗАКАЗОВАТИ – приказать, наказать), ведь иллюкутивная цель может эксплицироваться только благодаря специфическим отношениям (заданным отношениям неравенства) субъекта и адресата речи, хотя пресуппозитивно она присутствует и в дескриптивных глаголах: ВЗГОВАРИТИ – подговаривать, подговорить, НАВАЖАТИ – подстрекать, подучить, НАКЛИКИВАТИ – звать, призывать кого-либо с какой-либо целью, НАМОЛВЛИВАТИ, НАМАЛВЛИВАТИ – подговаривать, уговорами склонять к чему-либо, НАУЧИВАТИ – натравливать на кого-либо, подговаривать, подстрекать к чему-либо, НЮКНУТИ – крикнуть, подзадоривая, побуждая, НУКНУТИ – крикнуть, побуждая, понукая.

Чем больше конкретизируется сема «цель речи», тем более актуализируется денотативная ситуация, тем более эксплицировано указание на субъекта и адресата речи (примером являются глаголы: ВЫЗВАТИ, ВЗЫВАТИ, ЗАЗЫВАТИ, ЗАВЫВАТИ, ЗАЗВАТИ – зазвать, ГЛАСНУТИ – позвать, призвать, ГОЛОСИТИ – громко звать).

4.4. Динамика отношений, взаимозаменяемость функций субъекта и адресата речи при изменении цели речи в речевом акте выражена в семантике глаголов: НАПРАШИВАТИСЯ, НАПРОШАТИСЯ, НАПРОСИТИСЯ – напроситься, где целью речи является сначала речь адресата, а затем – неречевое действие первоначального субъекта речи, ставшего адресатом два: $C_1 - РАД_1 = C_2 - ЯАД_2 = C_1$, где C – субъект речи, $АД$ – адресат речи, R – речевая реакция, $Я$ – неречевая реакция.

4.5. Строго говоря, в последних 18 глаголах подчеркивается не столько характер отношений субъекта и адресата речи, сколько их соприсутствие в речевом акте благодаря актуализации семы «цель речи». Иерархичность же отношений субъекта и адресата речи прямо выражается в семантике двух глаголов: семиотико-синкретического ДЕРЗОВАТИ – осмеливаться свободно и непочтительно говорить, делать что-либо, а также ДОКЛАДЫВАТИСЯ – сообщать о своих намерениях, спрашивать разрешения.

В отличие от перформативов (см. 7 глаголов группы ЗАПРАШАТИ) в двух последних глаголах статус субъекта речи ниже статуса адресата речи.

4.6. Характер отношений субъекта и объекта речи, объекта и адресата речи определяет ее морально-этическое содержание. Так, например, в глаголах: ВСПОКАЯТИСЯ, ВОСПОКАЯТИСЯ – покаяться, ВОСХВАЛЯТИСЯ – хвалиться, похваляться, где субъект речи тождествен объекту речи, содержание не соответствует сообщению и морально-этическая оценка, выраженная в речи, противоположна морально-этической оценке самой речи.

Двойная энантиосемия глаголов: ВЕЛЕРѢКОВАТИ, ВЕЛЕРѢЧИВАТИ, ВЕЛЕРѢЧЕСТВОВАТИ – 1) клеветать, наговаривать; 2) много говорить о себе, хвастать, похваляться – основана на том, что отрицательная морально-этическая оценка в содержании речи не предполагает тождества ее субъекта и объекта, но сама эта закономерность стала причиной того, что морально-этическая оценка содержания речи в любом случае оказывается отрицательной.

В глаголах речи сема «морально-этическая оценка» связана, скорее, с эмотивной функцией и не предполагает тождества объекта и адресата речи (исключением является слово НАРУГАТИСЯ). Но уже то, что в таких словах, как ВОПѢТИ, ВОССЛАВИТИ, ВОСПѢВАТИ, ВОСПѢТИ, ГОУДИТИ, ВОЗГЛАГОЛАТИ, ВОСХВАЛИТИСЯ, ВЫГОВАРИВАТИСЯ, не конкретизируется объект или адресат речи, позволяет предположить, что основ-

ная информация, содержащаяся в них, – это информация не об объекте речи, а об отношении субъекта речи к ее объекту, следовательно, субъект речи как составляющая денотативной ситуации представлен в семантике этих глаголов.

В глаголах группы НАДСМЪВАТИСЯ – смеяться над кем-либо, высмеивать кого-либо (НАСМЪВАТИ, НАСМЪВАТИСЯ, НАСМИВАТИСЯ, НАСМЪХАТИСЯ, НАСМИХАТИСЯ, НАСМИСАТИСЯ) – положительная или отрицательная реакция адресата речи определяется тождественностью/не-тождественностью объекта и адресата речи, характером отношений субъекта и адресата речи, адресата и объекта речи, но совершенно очевидно, что в данном случае эти наиболее общие характеристики денотативной ситуации являются условиями необходимыми, но не достаточными для объяснения мобильности эмоциональной реакции на речь.

Семантическая структура глаголов речи образуется семами, соответствующими элементам денотативной ситуации, что сближает эти глаголы с лексикой ситуативных представлений и определяет их индексивную природу, поэтому можно предположить, что компонентная структура глаголов речи моделирует на уровне бытового значения осознание говорящими дихотомии прагматической ситуации и прагматической функции: денотативная ситуация глагола речи, употребленного в высказывании, моделирует прагматическую ситуацию, определяющую структуру и смысл высказывания.

Н. М. ГУРИНА

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧИ

Категория презентации речи находится в ряду таких функциональных категорий, как темпоральность, модальность, определенность/неопределенность, посессивность, интенсивность, и отвечает одной из актуальных тенденций в развитии современной лингвистики – стремлению создать функциональные описания различных уровней языка¹. В данной категории нашли отражение представления говорящих о процессах и средствах коммуникации на родном и других языках, обозначаемые понятием «языковое самосознание». Это самосознание может выражаться языковыми и речевыми средствами. Являясь по своей природе левополушарной, метаязыковая функция связана с логическим упорядочением мышления и созданием специальных языковых средств такого упорядочения. Переход от замысла к тексту осуществляется с участием механизма контроля языковой правильности высказывания, поэтому во внешней речи могут быть представлены результаты действия этого механизма в виде метаязыковых рамок и вводных единиц, включенных в высказывание.

Функциональная категория презентации речи оперирует совокупностью разноуровневых элементов языка (графических, морфолого-синтаксических, лексико-фразеологических), с помощью которых описываются различные аспекты человеческой коммуникации: 1) обозначения компонентов коммуникативного акта; 2) средства организации диалога «своей» и «чужой» речи в тексте; 3) средства комментирования текста говорящим/пишущим; 4) средства выражения эмоционально-экспрессивных оценок речи. Главным содержательным компонентом средств презентации речи является общенародная, неспециальная лексика (в отличие от метаязыка, ядром которого является именно специальная лексика – лингвистическая терминология). Систематизация языковых/речевых средств презентации речи может быть осуществлена в соответствии с их функциями. Поскольку средства презентации речи полифункциональны, то они могут быть представлены одновременно в двух или даже в трех классах. Так, в высказывании *Создавал алфавит, он начертал первую фразу...* глагол *начертал* выполняет функцию обозначения процесса общения и экспрессивной оценки речи.

1. В группе средств, обозначающих компоненты коммуникативного акта, центральное место занимают лексемы, связанные с приемом и передачей информации. Поскольку коммуникация по своей сути – это процесс, то в данной ЛСГ преобладают обозначения коммуникативных процессов. Это

«историческая родина» лексических средств презентации речи. В указанную ЛСГ входят как традиционные глаголы речи, так и новейшая лексика, отражающая некоторые тенденции в развитии сферы коммуникации: возрастающая интенсивность, напряженность, конфликтность процессов общения; влияние средств МК; увеличение лексики, характеризующей общение в сфере бюрократии, власти, политики. В группе средств, обозначающих участников общения, выделяются лексемы, указывающие их социальный статус (*журналист, перекладчик, informer*), и речевое амплуа (*анонимщик, запісны прамовца, talker*). Названия коммуникативных ситуаций становятся основой для метонимического переноса и образования названий текстов соответствующих жанров: *отчет, агляд, interview*. Выделяются также названия процессов общения в зависимости от вида речевого акта (*говорил, прасту, translate*), коммуникативной функции (*спрашивал, адказваў, argue*), взаимоотношений говорящих (*отчитывал, загадваў, explain away*), акустико-физиологических характеристик речи (*орал, мармытаў, lisp*). По данным словарей новой русской лексики (НСЗ-73 и НСЗ-84), увеличивается количество метафорических обозначений коммуникативных процессов, мотивированных глаголами физического действия: *выдать, заливать, капать, настучать, сечь, усекать*. Отмечается субъективное уничтожение процессов общения на фоне реально возрастающей интенсивности процессов общения (*базарить, катить бочку на кого-л., подзагнуть*), усиление экспрессивно-стилистической контрастности (*зарубить, втык, телега, тупта*). Данная ЛСГ активно пополняется за счет речевых средств обозначения коммуникативных процессов: *лапшу на уши вешать, забивать баки, компостировать мозги*. Наличие стилистически и прагматически маркированной лексики в группе лексем, связанных с приемом и передачей информации, свидетельствует о ее живом, актуальном характере и достаточно видном положении в лексической системе языка. В группе обозначений компонентов коммуникативного акта выделяются следующие подгруппы: обозначения участников общения (*говорящий, читач, writer*), коммуникативной ситуации (*беседа, справаздача, briefing*), процессов общения (*сказать, тлумачыць, to state*), речевых произведений (*проповедь, запытанне, text*), обозначения «кодов» и «каналов» общения и их элементов (*язык, гутарковая мова, slang*). Все перечисленные подгруппы являются обычными: такого рода лексика встречается в текстах различных языков на протяжении всего письменного периода их истории. (*Но никто же о глаголѣхъ сих да не зазрѣть ми,—но испытайте писания и обрящете мя от божиихъ вземлюща книг* — Кир. Тур., 304).

2. Функция организации диалога «своей» и «чужой» речи в тексте осуществляется лексико-синтаксическими средствами. Каждый текст можно рассматривать как полифоническое произведение, что в языковом плане воплощается в различных способах использования чужого слова в авторском контексте. Проблема диалогости/полилогости текста основательно разработана М. М. Бахтиным. По его концепции, текст представляет собой взаимодействие двух планов речи (авторской и не-авторской) как диалог «своего» и «чужого». Динамика взаимоотношений авторской и чужой речи имеет два основных направления: в первом подчеркивается автономность чужой речи, а во втором — ее ассимиляция с авторским контекстом². Эта динамика выражается в способах передачи чужой речи. Разнообразные языковые формы передачи чужой речи образуют градацию в зависимости от глубины проникновения чужого слова в авторский контекст. Между полюсами авторской и не-авторской речи можно выделить различные переходные типы, отличающиеся отношением к чужому слову: согласие-несогласие, ирония, благоговение. В зависимости от того, насколько близки точки зрения автора и героя, возможно полное согласие с чужим мнением или полное отмежевание от него. Совпадение точек зрения в древнерусской литературе выражается конструкциями с прямой речью, гибридными конструкциями с союзом *яко*. В конструкциях с прямой речью границы чужой речи сохраняются, подчеркивается ее целостность и независимость, вводящий компонент при этом выполняет метаязыковую функцию. В конструкциях с союзом *яко*, генетически связанных с прямой речью, соединяются признаки прямой речи и грамматический показатель косвенной: *И ставь у мертвого, и рече: «Глаголетъ ти Марько, яко мѣсто нѣсть ти уготовано, брате, но пожди еще до утриа»* (ПКП, 564). Не происходит

полной ассимиляции чужого слова и в такой разновидности косвенной речи, как художественная. Она характеризуется тем, что «в нее вводятся слова и обороты, дающие представление о языковой манере излагаемого высказывания...»³ (*Он думал о том, что, конечно, никогда они с мамой не станут чужими, многое образуется и вернется, но... – Битов, 271*). Конструкции с несобственно-прямой речью характеризуются взаимопроникновением авторского и чужого слова, совмещением точек зрения автора и героя на изображаемое. Как отмечает М. М. Бахтин, «с точки зрения строго грамматической – это речь автора, но по смыслу – речь героя. Но это «по смыслу» не представлено никаким особым лингвистическим знаком»⁴. (*А мама уже волнуется, все ли у меня в порядке на работе, ты, Витюша, не сердись, но мне показалось... ты понимаешь, нам с отцом хочется, чтобы у тебя наконец было все в порядке... – Битов, 94*). Противопоставление плана авторской речи плану чужой речи подчеркивается конструкциями с деловой косвенной речью, «которая ставит целью передавать только содержание, мысли чужого высказывания, не сохраняя речевых особенностей этого высказывания»⁵; конструкциями с модальными частицами *мол, де, дескать*. Модальные частицы вносят в конструкцию дополнительное указание на чужую речь, подчеркивают стремление говорящего передать ее точно (*И глагола: «Аще не дашь сыновъ своих ко мнѣ во двор, и яз-де на тебя с войной приду, и тебя мечем погублю, и села твои красные огнем пожгу» – Сказ. о ДС, 123*). Для того чтобы выразить значение засвидетельствованности, т. е. указать на источник сведений о сообщаемом факте⁶, используются лексические средства. В древнерусских текстах функцию атрибуции речи выполнял отсылочный оборот *писано/речено бо есть*, вводящий церковно-книжные цитаты. Указание на источник передаваемой информации осуществляется с помощью вставных синтагм с предлогом *по/согласно*: *по Трубецкому*; вводно-союзных конструкций с глаголами говорения: *как говорили древние*. Несогласие с передаваемой точкой зрения, указание на недостоверность сообщения выражается с помощью модальных частиц *якобы, будто*, ироническим пересказом чужой речи. (*Не верьте актерам, когда они говорят, будто в момент вдохновения они забывают все на свете и не знают, что делают... – М. Чехов, 324*). При полемическом, «несочувственном» пересказе чужой речи используются метаоператоры, выполняющие функцию отстранения, отмежевания от точки зрения, выраженной другим субъектом. Отталкиваемая чужая речь может выделяться графически. (*Во всяком случае, того, что в наших семьях называется «разбитной мальчишка», или «ах, этот возраст», или «что за непосредственность», или «сколько в них энергии, жизни», ничего такого я не слышал – Урм., 361*).

3. Комментирование текста говорящим (пишущим) осуществляется в плане экспликации логических связей текста и его фрагментов, в виде комментария к выбору речевых средств, модального (с опорой на такие модальные признаки, как реальность/нереальность, достоверность/недостоверность) и жанрово-стилистического комментирования. В случае одновременного развертывания речи и ее комментария переход от замысла к тексту проходит не автоматически, а осознанно, о чем свидетельствуют метаоператоры, указывающие на затруднения говорящего при выборе адекватной формы для данного внеязыкового содержания. В языковом плане включение авторского комментария в текст было исследовано А. Вежибцкой, которая установила, что в общем случае текст складывается из собственно текста, т. е. описания определенной ситуации, и высказываний о тексте, так называемого метатекста⁷. Такие метатекстовые «пометы на полях» в сочетании с текстом о «предмете» образуют двутекст, состоящий из высказывания о «предмете» и высказываний о высказывании. Сведения, характеризующие способ вербализации, включаются в метаязыковую рамку высказывания и занимают независимую синтаксическую позицию. Метаязыковая рамка квалифицирует способ оформления мысли (*во-первых, прежде всего, заметим в скобках*), распределяет композиционно-смысловые акценты в тексте (*вначале, как я уже говорил, далее*), аргументирует выбор речевых средств (*строго говоря, другими словами, лучше сказать, если можно так назвать*), выполняет резюмирующую функцию (*итак, короче, в заключение скажем*). Комментарий говорящего предваряет ввод «чужого» слова, оговаривает его маркированность, эксплицирует пути поиска точной номи-

нации (*В итоге получается то, что актеры называют «играть себя»*—М. Чехов, 326). Претендуя на истинность своих слов, говорящий подготавливает слушателя к оценке высказывания, показывает степень обоснованности своих суждений.

4. Эмоционально-экспрессивные оценки речи, связанные с такими ее чертами, как не-нейтральность, остранение, деавтоматизация, ассоциативно-образная номинация⁸, осуществляются лексическими средствами. Для данного вида оценок важным является коннотативное значение: *выступать*— 'говорить резким тоном, выражая несогласие с кем-л.', *срезать*— 'резкими словами, замечаниями оборвать чью-л. речь; травить— 'врать, рассказывать небылицы'. Говорящий оценивает языковые единицы в нормативном, стилистическом, эстетическом аспектах. (*Юный их питомец с жадностью пожирал первенцы плодов учения: лепетал по-французски, сбиваясь отчасти на гасконское произношение, и твердо, резким голосом выкрикивал слова на так называемом платдейч*— РРП, 187). Выражение отрицательной оценки представлено многообразнее, чем положительной: *пресловутый, так называемый, в кавычках, смешно сказать*. Говорящий может снизить категоричность оценки: *по сути дела, собственно, чтобы не сказать больше*.

Таким образом, функциональная категория презентации речи включает как языковые, так и речевые средства метаязыковой рефлексии. На основании вклада каждого средства в содержание категории выделяются четыре подкатегории, осуществляющие функцию презентации речи. Функциональная категория презентации речи характеризуется определенной близостью с метаязыковой функцией языка / речи, связанной с сознательным отношением к тексту, а также сходством с поэтической функцией, основанном на повышенном внимании к плану выражения языкового знака.

¹ См.: Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

² См.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 142.

³ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955. С. 455.

⁴ Волошинов В. Н. Указ. соч. С. 171.

⁵ Гвоздев А. Н. Указ. соч. С. 451.

⁶ См.: Якобсон Р. О. // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101.

⁷ См.: Вежицка А. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.

⁸ См.: Телия В. Н. // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 8.

Сокращения

Битов—Битов А. Собр. соч. в 3-х т. М., 1991. Т. 1; Кир. Тур.—Кирилл Туровский // ПЛДР, XII в. М., 1980; НСЗ-73—Новые слова и значения. М., 1973; НСЗ-84—Новые слова и значения. М., 1984; ПКП—Киево-печерский патерик // ПЛДР, XII в. М., 1980; РРП—Русская романтическая повесть. М., 1983; Сказ. о ДС—Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // ПЛДР, XVII в. М., 1989; УАрм.—Уроки Армении // Книга путешествий. М., 1986; М. Чехов—Чехов М. Литературное наследие в 2-х т. М., 1986.

И. В. КУРЬЯН

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *человек*

Слово *человек*—одна из загадок этимологии. Есть более двадцати этимологических версий, но ни праславянская форма этого слова, ни этимология окончательно не определены. Исследователи славянской лексики, однако, выдвинули два общих положения, которые должны являться отправными пунктами дальнейших попыток объяснить «происхождение человека»: во-первых, это слово исключительно славянское и не имеющее фонетического соответствия в других индо-европейских языках, и поэтому сравнения с греческим, балтийскими, другими индо-европейскими языками считаются устаревшими; во-вторых, это исключительно сложение основ **čelo* + *věkъ*, и тенденция рассматривать слово как односоставное суффиксальное образование считается старой и неперспективной.

Данное этимологическое исследование начиналось с подбора фонетического материала с полногласием и метатезой в русском, белорусском и польском языках. К группе слов с корневым сочетанием **tolt* можно отнести

и слово *человек*. Оно дает восточнославянское полногласие в белорусском языке: *чалавек*, в русском: *человек*, в украинском: *чоловік* и метатезу в польском языке: *człowiek*. Соответственно, восстанавливается общеславянская конструкция **kolvěkъ*, где слово возвращается к конструкции типа **tolt* и где корневой **k* – впоследствии палатализованный звук. Безусловно, знакам польского языка такая этимологическая форма напоминает современную, малоупотребляемую и малоисследованную форму *kolwiek*, которая является частицей неопределенных местоимений.

Надо сказать, что существует другая версия объяснения слова *человек* через слово *kolwiek*. Она была выдвинута еще в 1972 г. минским ученым В. В. Мартыновым и определена в словаре под редакцией О. Н. Трубачева (1977) и в примечании к статье русского издания словаря М. Фасмера (1987) как оригинальная, но очень спорная. Версия эта подробно излагается в сборнике «Русское и славянское языкознание: К 70-летию Р. И. Аванесова» (1972).

В. В. Мартынов приходит к парадоксальной, на первый взгляд, мысли о местоименном характере праславянского **čelověkъ*, обнаружив в других языках идентичное формальное воплощение значений *кто-то* и *человек*. Далее он членит слово на **čelo + věkъ*, где *o*, по аналогии с моделью сложных слов, появляется, как соединительный гласный из *i*.

Таким образом, В. В. Мартынов восстанавливает начальную форму **koli-věkъ*, что соответствует чешскому произношению этой частицы и варианту древнего польского произношения (А. Brückner. *Słownik etymologiczny języka polskiego*). Для первого компонента исследователь воспроизводит апофонические варианты основ: **keli*; **kole*; **koli*, сравнивая с лит. *keli* (*сколь, многие, некоторые*) и лат. *quālus* (*какой*). Второй компонент В. В. Мартынов возводит к известной версии А. А. Потебни, где **věkъ* обозначает *сила, возраст*.

В результате, смысловое соединение *какой, сколько, многие* и *возраст* совпадает со смысловым соединением компонентов неопределенно-личного местоимения в финском языке: *kuka ikenä* (*кто бы ни*), где *kuka* есть *кто*, *ikä* есть *возраст*.

В целом, В. В. Мартынов стремится объяснить исключительно русский фонетический вариант слова *человек*, обнаруживая соединительный гласный *o* и гласный переднего ряда после этимологического начального **k-*. Им не восстанавливается праславянская конструкция, которая могла бы дать метатезу в польском, и не учитывается то, что энклитика *kolwiek* не употребляется самостоятельно без **сью* и *кѣю* и никогда не была самостоятельной формой местоимения.

Наша этимологическая работа в основном базируется на материале языковой памяти. Она во многом является «сырой», интуитивной и не претендует на этимологически закрепленную версию. Прежде всего были поставлены в один ряд синонимичные формы неопределенно-личных местоимений: польск. *ktokolwiek*, *ktoś*, бел. *хтось*, рус. *кто-то, кто-либо, кто-нибудь*.

Далее этимологически были исследованы формы *либо,нибудь*. Первое слово по этимологическим статьям является наречным образованием от слов со значением *любить, любимый, любить, нравиться*. Второе слово – словосочетание частицы *ни* и императивной формы *будь*.

Теперь попытаемся представить, как были переосмыслены эти слова в частицы неопределенных местоимений. Нужно воссоздать такую предложную конструкцию, где слова находились бы в состоянии морфологической и синтаксической полисемии. Например, строка из известной детской песенки: «Каравай, каравай, кого любишь, выбирай» имеет другой вариант: «Каравай, каравай, кого люблю, выбирай». В этом примере создалась определенная альтернативная ситуация для слова *любю*. Здесь слово *любю* утрачивает синтаксическое значение обстоятельства с утратой глагола, к которому оно должно непосредственно примыкать, т. е. «кого люблю выбирать, выбирай», где *выбирать* исчезает. Утрата слова *выбирать* освобождает слово *любю* (*либо*) от конкретной отнесенности к одному из членов предложения, и оно переосмысливается уже в значение дополнения в составе неопределенно-личного местоимения. Так поменялось значение наречия и обстоятельства в значение частицы и дополнения.

Аналогичные альтернативные конструкции можно воссоздать для части-

цы *нибудь* или польского *bodź*: *кто ни был бы; кто бы там ни был; будь кто другой*. Эти синтаксические конструкции в совокупности своих компонентов несут одно значение: неопределенного лица.

Такой разбор был предпринят для слова *kolwiek*. Этимологический словарь А. Брюкнера (1970) приводит наряду с формой *kolwiek* форму *kolwie*. Тогда членение слова дает шанс первый компонент **kol-* соотнести с местоимением *коль, сколь*, наполненным отчасти значением количества, отчасти значением условности, и с формой глагола 3 л. ед. ч. наст. вр. *вѣ (wie) ведает, знает* соотнести второй компонент **vě*.

Попытка воссоздать предложную конструкцию, где слово приобретает морфологическую и синтаксическую полисемию, привела к следующему:

польск. *Czy może kto, kol wie (kolwie) nauczyć dziecko czytać?*

рус.: Может ли кто, коль ведает (если знает), научить ребенка читать?

польск.: *Może kto, kol wie (kolwie) pokaże drogę do miasta?*

рус.: Может кто, коль ведает (кто знает), покажет дорогу в город?

Пример из словаря Брюкнера: «*kto mi kolwie powie*» (с. 247). Здесь *kol wie* выполняет функцию вводного предложения, синонимичного современным конструкциям: *если знает; насколько знает; сколь известно; насколько известно*. Частично подобное значение несут конструкции типа: *сколь долго; сколь-либо; сколь-нибудь; калі б хто ведаў*. Приведенные примеры вполне могут быть переосмыслены, и вводное предложение *kol wie* преобразовано в словосложение *kolwie*, а в дальнейшем *kolwiek* в значении частицы неопределенного местоимения.

К числу предложных конструкций, которые синонимичны слову *кольвек* со значением *неизвестно кто, кто-то*, можно причислить конструкции, в составе которых есть глагол *знает, ведает* в форме 3 л. ед. ч. наст. вр.: *кто его знает; бог знает кто; хто яго ведае, хто; bóg wie; diabli wiedza*, и, возможно, некоторые другие.

Уже сформировавшаяся форма *ktokolwiek* приобретает другой ближайший алломорф *кто-то, хтось, ktoś*. В данных формах неопределенно-личных местоимений частицы *то* и *сь* — это древние указательные местоимения, которые употреблялись при замещении понятия *то*, что соответствует и понятию *человек*. Можно предположить, что осмысление формы *kolwiek* как указательного местоимения, а в дальнейшем как слова *человек* произошло примерно в такой синтаксической ситуации: интересно, что неопределенные местоимения *кто-то, что-то, что-либо, когда-либо, кто-нибудь* и т. п. имеют обратную конструкцию, но в составе сложно-подчиненного предложения. В нем опорным элементом является частица *то*, а местоимение выполняет роль союзного слова, т. е.: *лежит что-то = то, что лежит; кто-то знает = тот, кто знает; что-то знает = то, что знает; любо, когда звучит музыка = музыка звучит, когда-либо; ни будь его, кто бы пошел = пошел бы кто-нибудь*. Соответственно: *кто-кольвек приехал = кольвек, кто приехал = человек, кто приехал = человек, который приехал*.

На каком-то этапе эти конструкции были равнозначными. И именно в таких конструкциях начало снижаться значение неопределенности и стало увеличиваться значение определенного, конкретного лица.

Во всех славянских языках сохранились прямые (местоименные) и обратные (предложные) конструкции так называемых неопределенных местоимений. Несколько разошлись значения изначально тождественных форм. Но ни в одном языке не сохранилась обратная конструкция с частицей *kolwiek*, зато есть обратная конструкция со словом *человек* и она несет архаическое значение неопределенности и именно она дает альтернативу наполнения этого значения конкретностью. Например, в современном языке встречаем: «Человек, который любит свою работу, не просит, чтобы ему помогли», т. е. «кто-то, кто любит...» (в современной конструкции произошла замена на союзное слово с определительным значением). Архаическое значение неопределенного лица в слове *человек* фиксируют и толковые словари.

Возможно, история слова *человек* складывалась именно так, хотя здесь много вопросов, в т. ч. фонетического плана. Например, не совсем ясны те фонетические условия, в которых корневой **k→sz*. Или: загадочен тот факт, что в слове *kolwiek* — [л], а в слове *человек* — [л]. Такие нюансы вызывают сомнения в истинности наших доводов.

КВАНТИФИКАЦИЯ: РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Квантификация – логико-семантическая категория естественного языка, определяющая ту часть предметной области множественного актанта высказывания, относительно которой оно истинно или ложно. Из данного определения вытекает, что кванторы не обладают денотативным компонентом значения, а выступают лишь в качестве особого типа количественных актуализаторов множественных актантов, которые располагают собственными ресурсами для установления знаковых отношений с субстанциями мира: либо путем перечисления состава множества индивидов – при термовой квантификации, либо путем использования определенных и неопределенных дескрипций, т. е. указанием на общее характеристическое свойство элементов множества – при пропозициональной квантификации¹.

Референциальные признаки значения, которые хотя и носят для кванторов лишь дистрибутивный характер, весьма существенны для функционирования кванторных слов, о чем можно судить хотя бы по отдельным примерам: *Петя съел часть яблок* – *Петя съел некоторые яблоки*; *Ты должен съесть всю кашу* – *Ты должен съесть целую кашу* и т. п.

Следует отметить, что референциальные аспекты квантификации достаточно слабо разработаны и в лингвистике, и в логике.

Семантика логики предикатов, как указывает С. Осуга, включает три компонента, из которых нас будет интересовать первый: «установление соответствия между константами логики предикатов и сущностями этого мира»², т. е. референция множественного актанта, определяемого квантором. Если принять, что в пропозиции $P(x)$ позицию аргумента занимает переменная x и область переменной включает значения (или индивидные константы) a, b, c , то, к примеру, абсолютную квантификацию данной переменной можно отразить в формулах (1) – для термовой квантификации и (2) – для пропозициональной квантификации, при этом символ Q – интегральный дескриптор множества:

$$\forall x \quad P(x) \quad (1)$$

$$x \in M = \{a, b, c\},$$

$$\forall x \quad P(x) \quad (2)$$

$$Q(x).$$

Однако подобное указание на область связанной (зависимой от квантора) переменной в практике исчисления предикатов встречается исключительно редко³, а в подавляющем большинстве работ референциальный аспект квантификации попросту игнорируется. Так, формулы (1) и (2) обычно заменяются формулой (3), которую Х. Расёва обосновывает тем, что область переменной считается известной и потому указание на нее не обязательно⁴: $\forall x P(x)$.

Без учета предметной области квантифицируемого аргумента строится и один из наиболее простых вариантов исчисления предикатов:

$$\forall x P(x), \quad (3)$$

$$\exists x P(x), \quad (4)$$

$$\forall x \neg P(x), \quad (5)$$

$$\exists x \neg P(x), \quad (6)$$

$$\neg \forall x P(x) \text{ и т. д.} \quad (7)$$

Впрочем, более широкое распространение в логике предикатов получил другой подход, в соответствии с которым кванторы представляются как операторы, имеющие силу пропозициональных связок⁵. С нашей точки зрения, в этом случае синтаксис логики предикатов «поглощает» ее семантику, поскольку различия между областью рассуждения и областью пре-

дикации нейтрализуются, а пропозиции $Q(x)$ и $P(x)$ выводятся на один уровень:

$$\forall x Q(x) \supset P(x), \quad (8)$$

$$\exists x Q(x) \wedge P(x) \text{ и т. д.} \quad (9)$$

Если в определении кванторов подчеркивается их роль как особых атрибутов аргументов внутри пропозиции, то при таком подходе граница между логикой терминов и логикой высказываний практически исчезает, поскольку кванторы оказываются пропозиционально релевантными операторами, интерпретация которых может быть осуществлена с помощью пропозициональных связей, ср.:

$$\vdash \forall x Q(x) \supset P(x) \sim (Q(x) \supset P(x)) \supset (Q(x) \wedge P(x)), \quad (10)$$

$$\vdash \exists x Q(x) \wedge P(x) \sim (Q(x) \wedge P(x)) \vee \neg (Q(x) \equiv P(x)). \quad (11)$$

Нельзя не согласиться с С. Осугой в том, что «формулы логики предикатов строятся как символьные системы безотносительно к понятиям описываемого мира»⁶. По нашему мнению, эти формулы являются одной из разновидностей структурных моделей, построенных по принципу не морфологического (лого-грамматического) изоморфизма с высказыванием, а функциональной адекватности высказыванию, и прежде всего призваны регистрировать и порождать множество логических отношений в рамках категорий квантификации и отрицания, определяемых для совокупности высказываний естественного языка. Пользуясь известными терминами Ф. де Соссюра, можно было бы говорить, что логика предикатов концентрирует внимание не на значениях, а на значимости синтаксических структур.

Если синтаксис логики предикатов максимально редуцирует референциальный компонент общих имен, выступающих аргументами пропозиции, то в ее семантике референциальная характеристика кванторов весьма существенна.

Пропозиция, включающая свободные переменные, называется открытой, т. е. лишенной ситуативной локализации в том или ином возможном мире и не имеющей истинностного значения (ни истинной, ни ложной). Превращение открытой пропозиции в закрытую рассматривается как ее преобразование в высказывание с референциальными ориентирами, что достигается двумя путями: 1) подстановкой в пропозицию вместо переменной ее значений: $P(x) \rightarrow P(a)$ и т. д.; 2) введением кванторов, т. е. заменой свободных переменных связанными: $P(x) \rightarrow \forall/\exists x P(x)$. Считается, что пропозициональная структура, имеющая хотя бы одну свободную переменную, не является высказыванием, поскольку лишена истинностного значения.

Таким образом, кванторы принято трактовать как референциальные актуализаторы высказывания.

Подобное толкование квантификации обуславливает такую практику формализации естественного языка с помощью логики предикатов, когда абсолютное или относительное значение квантификации усматривается в любом случае, если в высказывании имеются общие (нарицательные) имена, независимо от того, определены они специальными кванторными словами или нет⁷. Так, предложения *Некоторые студенты прочли часть этих книг* и *Мальчики съели по дыне* в соответствии с описанным подходом будут иметь одинаковое формальное представление:

$$\exists x \exists y P(x) \wedge (Q(y) \wedge R(x, y)). \quad (12)$$

Объем множества, участвующего в обозначаемом высказыванием событии, фиксируется не только специально предназначенными для этого языковыми (чаще всего лексическими) формами, но и принадлежит к числу семантических криптотипов, выявление которых возможно при обращении к контексту, прагматическим и фактивным пресуппозициям. Подобный подход характерен для традиционной формальной логики, где объем суждения может быть и не выражен специальными словами *все, некоторые, ни один*⁸, ср. общее суждение *Фабрики в Советском Союзе являются последовательно социалистическими предприятиями* (пример Н. И. Кондакова).

Методика представления кванторных криптотипов с помощью формул исчисления предикатов весьма привлекательна, однако нуждается в серьезной доработке. Так, в ряде публикаций в качестве одной из аксиом принимается тождество:

$$P(x) = Cx P(x). \quad (13)$$

Однако, как указывает ряд исследователей, тождество (13) выполняется не всегда, поскольку допустима и частнокванторная интерпретация $P(x)$:

$$P(x) = Tx P(x). \quad (14)$$

Ср.: *Люди смертны* – выражение с абсолютной квантификацией, *Люди жадны* – выражение с относительной квантификацией.

Логика предикатов, несомненно, должна считаться и с тем фактом, в какой степени формальная экстраполяция кванторных криптотипов соответствует возможностям подстановки языковых кванторов в высказывание. Так, предложение *Слоны любят земляные орехи* может получить формальную экспликацию:

$$Cx Cy P(x) \text{ И } (Q(y) \text{ И } R(x, y)), \quad (15)$$

где x и y – аргументы с семантическими функциями субъекта и объекта, P – предикат *быть слоном*, Q – предикат *быть земляным орехом*, R – предикат *любить*. Однако если экстраполяция квантора *все* при субъекте выглядит с языковой точки зрения естественной, то корректность аналогичной операции при объекте вызывает сомнение, ср.: ? *Все слоны любят все земляные орехи*. Ср. другие примеры подобного типа: *Студенты получают стипендию* – *Некоторые студенты получают некоторую стипендию*; *Книги – моя страсть* – *Все книги – моя страсть*.

Сказанное не означает, что формула (15) не обладает языковой репрезентативностью, – ее, например, воплощает высказывание *Все эти слоны съели все земляные орехи*, но речь идет о том, что формулы функционального исчисления должны реагировать и на деривационные процессы, в которых участвует высказывание в языковой системе и в связанном тексте. Согласно этому требованию, высказывание *Слоны любят земляные орехи* должно получить интерпретацию, отличную от формулы (15).

Одной из ошибок, которая, с нашей точки зрения, допускается в практике формализации кванторных криптотипов, состоит в том, что квантификация регистрируется и в тех случаях, когда информация об актуализированном в высказывании объеме исходного множества индивидов отсутствует. Так, О. Дюкро усматривает относительную квантификацию множественного актанта *книги* в высказывании *Пьер купил книги*:

$$\text{Книги: } Tx \text{ Купить}(\text{Пьер}, x). \quad (16)$$

Совершенно очевидно, что количественная семантика, имеющаяся у словоформы *книги*, связана с грамматической морфемой мн. ч. и может быть интерпретирована как 'несколько, в количестве больше одного', что не соответствует ни одному значению квантификации: это типичная числовая семантика, которую с квантификацией связывает лишь общая идея количества.

Определенную провоцирующую роль в этом процессе играет квантор существования, сущность которого, по нашему убеждению, не соответствует содержанию квантификации. Во-первых, квантор существования (Tx – 'существует x ') в отличие от квантора всеобщности (Cx – 'для всех x '), а также в отличие от его языковых маркеров, например, местоимения *некоторые*, имеет статус предиката и способен образовывать пропозиции с зависимыми аргументами, поэтому его иногда квалифицируют и как экзистенциальный предикат, ср.: *Существуют сбалансированные языковые ситуации*. Кванторные слова *все*, *некоторые* и др. не способны к такому употреблению и обязательно (в своем прямом значении) требуют наличия пропозиционального предиката, ср.: *Все сбалансированные языковые ситуации характеризуются функциональным равновесием языков*.

Во-вторых, как указывают М. И. Откупщикова, О. Н. Селивестрова и другие исследователи, квантор существования находится вне количественного взаимодействия высказывания и множественного актанта⁹. Мы выделяем два типа конструкций с квантором существования: 1) *Существует x ,*

такой, что... и 2) Существуют *x*-ы, такие, что... В первом случае квантор существования не имеет отношения к количественной семантике и не является квантором в собственном смысле этого слова. По этой причине мы предпочитаем избегать термина «квантор существования», заменяя его терминами «частный» или «относительный» квантор.

В заключение отметим, что трактовка кванторов как референциальных актуализаторов высказывания представляется нам ошибочной. Нельзя согласиться с точкой зрения П. Сталла, согласно которой чешское высказывание *Mladý člověk došel včera do města* не имеет истинностного значения, а высказывание с тем же субъектом *Každý mladý člověk se musí učit u starších* обладает им в силу того, что в высказывании имеется кванторное слово *každý*¹⁰. Истинность высказывания с квантором неразрывно связана с компетентностью реципиента в индивидуальной области квантифицированной переменной, т. е., другими словами, с тем, насколько слушающий осведомлен о предмете сообщения. Определенность этой области в высказывании *Každý mladý člověk se musí učit u starších* обусловлена особым типом квантификации, который мы называем неограниченной квантификацией: имя существительное в позиции главного компонента атрибутивного сочетания с кванторным местоимением выступает как дескриптор области переменной: *každý mladý člověk* – ‘каждый такой, который является молодым человеком’, что в обобщенном виде можно представить в формуле:

$$\text{Quant} + S + VF \rightarrow \forall x \quad P(x). \quad (17)$$

$$Q(x)$$

При ограниченной квантификации объем квантифицируемого множества уже того, который задается опорным существительным. Так, если в выражении *Некоторые люди владеют собаками* подразумевается генерическое множество людей (люди как таковые), оно истинно; если же имеется в виду какая-то конкретная группа людей, например, *жители деревни Ч.* (ср. *Некоторые люди в деревне Ч. владеют собаками*), то данное высказывание ни истинно, ни ложно, пока эта группа людей (этот возможный мир) не будет конкретизирована. Ограниченная квантификация может быть обобщена в формуле:

$$\text{Quant} + S + VF \rightarrow \forall x \quad P(x). \quad (18)$$

$$Q(x) \wedge R(x)$$

В высказывании с неограниченной квантификацией *Все смурды являются гудлами* (с квазилексемами *смурды* и *гудлы*) нет истинностного значения, так как, несмотря на наличие квантора, лишены конкретизации и референциальная область множественного актанта, и квалитативная область предиката.

Таким образом, кванторы не влияют на референциальную наполненность высказывания, что подтверждает теоретико-игровая семантика Я. Хинтикки, а также родственные ей теории Л. Белнапа, Т. Стила и Г. З. Асанидзе¹¹. В системе Я. Хинтикки истинностное значение высказывания с квантором устанавливается в процессе диалога Субъекта с Природой. Задача Субъекта состоит в том, чтобы для выражения

$$\forall x \quad P(x) \quad (19)$$

$$x \in D$$

доказать истинность множества подстановочных примеров $P(a), P(b), P(c)$ и так далее из известной ему области переменной $D = \{a, b, c, \dots, n\}$. «Функция общего имени существительного, – подчеркивает Я. Хинтикка, – отчасти заключается в указании предполагаемой области исследования и объясняет необходимость его вхождения»¹².

¹ Различие термовой и пропозициональной квантификации см. в работе: К и к л е в и ч А. К. // Probleme der Textlinguistik. München, 1989. S. 6–7.

² О с у г а С. Обработка знаний. М., 1989. С. 96.

³ См. работы: Б е л н а п Л., С т и л Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981. С. 104–105; М а к К о л и Д ж. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 272.

⁴ R a s i o w a H. Wstęp do matematyki współczesnej. Warszawa, 1975. S. 212.

⁵ См.: D a h l O. // Logic and the formal Theory of natural Language. Hamburg, 1978. P. 95; H a l l P a r t e e B. Fundamentals of Mathematic for Linguistics. Dordrecht, 1978. P. 84; L y o n s J. Semantyka. 1. Warszawa, 1984. S. 152; S c h n e l l e H. Sprachphilosophie und Lingiustik. Reinbeck, 1973. S. 97; W a l l R. Logik und Mengenlehre. Kronberg Ts., 1973. S. 100.

⁶ О с у г а С. Указ. соч. С. 96.

⁷ Подобное представление можно найти в работах: М а к К о л и Д ж. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 182; О т к у п щ и к о в а М. И. // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Л., 1973. Вып. 1. С. 142; Ч а р н я к Ю. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. С. 178; D ö r p k e W. Kasus, Sachverhalte und Quantoren: Ein Beitrag zur formalen Semantik natürlicher Sprache. Tübingen, 1985. S. 126.

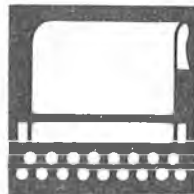
⁸ См.: А с м у с В. Ф. Логіка. Київ, 1947. С. 81; К о н д а к о в Н. И. Логика. М., 1954. С. 170.

⁹ См.: О т к у п щ и к о в а М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л., 1984. С. 6; С е л и в е с т р о в а О. Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988. С. 45 и далее.

¹⁰ См.: S g a l l P. a kolektiv. Uvod do syntaxe a semantiky. Praha, 1986. S. 74—75.

¹¹ См.: А с а н и д з е Г. З. // Логико-семантические исследования. Тбилиси, 1981. С. 37; Б е л н а п Л., С т и л Т. Указ. соч. С. 104—105; Х и н т и к к а Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С. 245 и далее.

¹² Х и н т и к к а Я. Указ. соч. С. 261.

Т. Г. ДАБРЫНЕЎСКАЯ

АБ СТАНЕ І НАПРАМКАХ ПЕРАЎТВАРЭННЯЎ ІНФАРМАЦЫЙНА-ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА ВЯШЧАННЯ БЕЛАРУСКАГА ТЭЛЕБАЧАННЯ

Нават той, хто пастаянна сочыць за перадачамі Беларускага тэлебачання, наўрад ці здольны адзначыць тут усе змены апошняга часу. Новыя цыклы, асабліва ў інфармацыйна-публіцыстычным вяшчанні, з'яўляюцца літаральна кожны месяц. Тым не менш асноўныя напрамкі пераналаджвання ўжо вызначыліся.

Працэс актыўных рэфармацый распачаўся не ўчора. Першы этап яго, і гэта натуральна, супаў з надыходам галоснасці, калі журналісты імкнуліся рэалізаваць свае творчыя задумы і аднавіць састарэлыя формы перадач. З гэтай нагоды ў 1985 – 1988 гг. з'явіліся цыклы «Я і мы», «Ліра», «Грамадская думка», «Крок» і яшчэ некалькі інфармацыйна-публіцыстычных праграм. Чарговы ўсплеск адбываецца зараз. Але ён мае ўжо зусім іншыя падставы. Адметная рыса – тое, што пошук у асноўным вядзецца ў цыклах, якія ўзніклі параўнальна нядаўна. Так, перадача «Я і мы» ператвараецца зараз у «Поспех». Народжаныя ўсяго год назад «100 мінут эканомікі» з цыкла «Аспекты» зараз трансфармаваліся ў праграму «Эх!» («Эканамічная хваля»). Некалькі новых перадач ствараецца на аснове «Крока». У межах новай «зоркі» інфармацыйнага вяшчання «Нікі» літаральна праз тры месяцы пасля яе заснавання вылучылася самастойная эканамічная праграма «Капітал». Не будзе больш выходзіць у звычайным выглядзе «Ліра». Пастаянныя змены адбываюцца ў «Тэлебізнесклубе». Такая празмерная нестабільнасць толькі падкрэслівае, што далёка не ўсе знешне абноўленыя цыклы адпавядаюць патрабаванням сённяшняга дня.

Паколькі прагназіраванне развіцця тэлевізійнага вяшчання ў рэспубліцы практычна адсутнічала, журналісты ўзяліся пракладаць гэтыя шляхі самастойна. У лепшым выпадку яны арыентуюцца на пажаданні аўдыторыі, хаця гэтыя спробы наўрад ці могуць быць паспяховымі. Бо глядач, як высвятлілі сацыёлагі, у асноўным узнаўляе алгарытм успрымання рэчаіснасці, які раней быў прапанаваны самімі журналістамі¹. Другі распаўсюджаны напрамак аднаўлення – змена знешняга «выгляду» старога цыкла. Часцей за ўсё гэта дасягаецца механічным перанясеннем творчых прыёмаў. Так, абавязковымі атрыбутамі праграм у апошні час сталі «рваны» рытм і рэкламныя ўкраплены.

У пэўнай ступені такія элементы маюць права на існаванне, але нельга не заўважыць, што ў сучасных умовах яны з'яўляюцца другаснымі. Пры пабудове новых тэлевізійных цыклаў нельга не ўлічваць, што зараз змяняецца спосаб уключэння чалавека ў грамадства. Пераход да «грамадзянскага грамадства», адным з асноўных прынцыпаў якога з'яўляецца асабістая свабода чалавека, патрабуе ад тэлебачання змены спосабу ўзаемадзеяння журналіста і гледача.

Ва ўмовах, калі чалавек мог ажыццяўляць сваю дзейнасць, скарыстоўваючы пэўную колькасць тыповых схем, прапанаваных яму тымі ці іншымі

грамадскімі інстытутамі, лагічна выглядала трансляцыя тэлебачаннем поўнага «джэнтльменскага набору» такіх схем. Журналісты імкнуліся навучыць чалавека, правільна скіраваць яго, прывесці яго свядомасць да нейкага эталоннага стану. Складаўся пэўны тып камунікацыйнага працэсу. Яго ператварэнне магчыма толькі ў выніку змянення журналісцкага погляду на тое, дзеся чаго робіцца праграма.

Менавіта журналіст зараз павінен стаць цэнтральнай фігурай – прасекціроўшчыкам тэлевізійнага кантакту. Адназначна важна мець методыку, прыдатную для вывучэння гэтага аспекту дзейнасці стваральнікаў перадач. Між тым журналіст як ініцыятар бок узаемадзеяння даследчыкамі практычна не разглядаўся. Айчынным тэарэтыкі тэлебачання традыцыйна больш увагі надавалі знешнім пракціроўшчыкам. Вывучалася эфектыўнасць прыўнясення ў свядомасць чалавека пэўных ідэй і ўздзеяння праз гэта на яго паводзіны. Сацыёлагі часцей даследвалі аўдыторыю. Пры гэтым пераважна ўжываліся колькасныя паказчыкі. Толькі некалькі буйных праектаў у сферы mass media апошняга часу вызначаюцца якасна іншым падыходам². Аднак і яны не даюць магчымасці вызначыць характар узаемадзеяння тэлекамунікатара і аўдыторыі.

Цікавая спроба вырашыць падобную задачу на тэарэтычным узроўні была зроблена ў свой час вядомым культурологам Абраамам Модем, які ўвёў паняцце аб дактрынах камунікацыі³. Вядомы тэарэтык камунікацыі Альфонс Зільберман таксама звяртаецца да гэтай праблемы, але ў больш вузкім кантэксце. Ён разглядае ролю тэлежурналіста ў стварэнні «маментальнага здымка культуры»⁴. Аднак аналіз канкрэтнай практыкі вяшчання і пры такіх падыходах застаецца абмежаваным. Між тым ва ўмовах актыўнага рэфармавання тэлебачання важна не толькі на ўзроўні тэорыі вызначыць асноўныя напрамкі руху, а непасрэдна суаднесці тэндэнцыі журналісцкай дзейнасці з пэўнымі відамі праграм, якія ў выніку нараджаюцца. Гэта ўзаемасувязь і пакладзена ў аснову методыкі комплекснага аналізу асноўных мадэляў інфармацыйна-публіцыстычнага вяшчання. Апрабацыя яе праведзена на перадачах Беларускага тэлебачання (БТ).

Сучаснае становішча БТ характарызуецца тым, што партыя і ідэалагічныя інстытуты страцілі свае былыя кіруючыя пазіцыі; камерцыйныя і рэлігійныя структуры, якія патэнцыйна маглі б выступіць у якасці знешніх пракціроўшчыкаў, пакуль не ў такой ступені ўздзейнічаюць на тэлевізійную палітыку. Спецыфіка пераходнага моманту, такім чынам, дазваляе журналістам самастойна вызначаць напрамкі сваёй дзейнасці, а значыць – і праектаваць узаемадзеянне з гледачом адпаведна асабістым уяўленням.

Ці змянілася ў выніку гэтага ў параўнанні з мінулымі часамі агульная карціна вяшчання? У якім напрамку адбываюцца зараз трансфармацыі? Адказ на гэтыя пытанні мы спрабавалі атрымаць праз даследаванне мадэляў інфармацыйна-публіцыстычных цыклаў сённяшняга БТ.

У адрозненне ад звычайнага ў такіх выпадках аналізу зместу, які ўсталёўвае пэўны парадак разгляду, дзе галоўным з'яўляецца пытанне: што перадаецца журналістам, мы ў якасці першапачатковых вызначылі зусім іншыя моманты – з якой мэтай перадаюцца паведамленні і як яны перадаюцца. Вывучэнне асабістых праграм-мэт, якія рэалізуюцца стваральнікамі цыклаў, і вызначэнне на гэтай аснове мадэляў перадач, дамінуючых на рэспубліканскім экране, стала адной з галоўных частак даследавання.

Апытанне аўтараў асноўных інфармацыйна-публіцыстычных цыклаў дазволіла акрэсліць некалькі найбольш распаўсюджаных мадэляў. Першая з іх – перадачы (дарэчы вельмі разнастайныя па форме), у якіх журналісты імкнуцца *зрабіць уплыў на адміністрацыйныя структуры*. Класічным прыкладам такой перадачы быў у свой час «Прожектор перестройки» Цэнтральнага тэлебачання.

Паказальна, што звычайна менавіта «пачатак перабудовы» расцэнчваецца тэарэтыкамі як найбольш спрыяльны для такога тыпу праграм, менавіта з галоснасцю звязваецца іх трыумф. Аднак аналіз існавання падобных мадэляў на Беларускім тэлебачанні пераконвае, што больш-менш плённай такая дзейнасць была якраз у «застойныя» гады. «Народны кантроль», «Служба вашага настрою» і іншыя падобныя праграмы былі адкрыта скіраваны на ўздзел у структуры сацыяльнага кіравання. Ва ўмовах стабільнага дзяржаўнага кіравання ланцужок журналіст – ведамства – адказная асоба, мабыць, і меў сэнс: у стваральнікаў такіх цыклаў было хаця б

ілюзорнае адчуванне сваёй карыснасці. Журналісты, што зараз працуюць па такой схеме, а менавіта на ёй заснавана большасць выпускаў «Крока», праграма «Грамадская думка», праблемныя сюжэты «Панарамы», заўважаюць адсутнасць плёну такой дзейнасці. У сучасных умовах формулы-мэты «дапамагчы канкрэтнаму чалавеку», «зрушыць справу з мёртвай кропкі», «паўплываць на дзеянні ўрада» і падобныя на іх ужо не працуюць. Прычыны такога становішча мы паспрабуем прааналізаваць, але спачатку апішам яшчэ адну мадэль інфармацыйна-публіцыстычных праграм, характэрную для Беларускага тэлебачання.

Доўгі час не менш папулярнай за папярэднюю схему была дзейнасць журналіста, скіраваная на стварэнне вобразу *добра адладжанай сацыялістычнай эканомікі і усёй сістэмы*. Найбольш уласціва яна была, у прыватнасці, штодзённым выпускам навін, эканамічным праграмам «Сейбіт», «Жывёлагадоўля – ударны фронт», палітычнаму цыклу «Трыбуна». Адметнымі знешнімі рысамі такіх праграм з’яўляюцца дакладная перадача рэзультатаў планавых паказчыкаў, вялікая колькасць лічбаў, прадстаўленне рэгіёнаў і г. д. У рамках гэтай мадэлі вылучаюцца перадачы і асобныя сюжэты, якія адыгрываюць ролю «Дошкі гонару».

З узнікненнем размоў пра тое, што тэлебачанне павінна быць дзяржаўным, адбылася адпаведная трансфармацыя гэтых цыклаў, з’явіліся таксама новыя праграмы, аўтары якіх малююць зараз *прываблівы вобраз функцыянавання дзяржаўнай сістэмы*. Менавіта на такія ўплыў разлічаны новаўвядзенні беларускага экрана: «Прамая лінія» і «Тыдзень беларускага ўрада».

Але найбольшую цікавасць для аналізу ўяўляе сабой самая апошняя мадыфікацыя дадзенай схемы – перадача *патэрналісцкага ўхілу*. У яе рамках журналісты ў якасці асноўнай мэты сваёй дзейнасці называюць «прапанаванне рэцэптаў выжывання ў сучасных умовах», «дэманстрацыю шляхоў выхаду з крызісу». Такія накірункі яўна дамінуюць у стваральніках праграмы «Эх!» («Эканамічная хваля»), «Шлях», дастаткова часта сустракаюцца ў «Кроку». Паказальна, што ў пераважнай большасці такіх праграм удзельнікі з дапамогай журналіста імкнуцца дамовіцца, вызначыць нейкія аптымальныя тыпы паводзін, пазбаўляючы глядача неабходнасці думаць самастойна.

У перадачах Беларускага тэлебачання знайшло адлюстраванне ўяўленне аб тым, што працу і жыццё людзей можна і абавязкова трэба арганізоўваць у маштабе дзяржавы. З гэтай нагоды запрашаюцца людзі, якія «ведаюць», як гэта зрабіць, і з іх дапамогай тэлебачанне спрабуе ўздзейнічаць на жыццё.

Пры значнай знешняй спецыфічнасці першая і другая мадэлі з усімі перайначваннямі журналісцкіх праграм, якія на розных этапах выдзяляліся ў яе рамках, падобныя паміж сабой. Іх аб’ядноўвае аналагічны *спосаб узаемадзеяння журналіста і тэлегледача*. Фактычна абедзве гэтыя мадэлі фарміруюць і падтрымліваюць пэўны тып спажываўца, якому зусім не патрэбна актывізаваць свае ўнутраныя рэсурсы. Дзякуючы тэлебачанню ён мае магчымасць пераканацца, што думаць і якія прымаць рашэнні: распрацоўваць далейшы шлях жыцця за яго ёсць каму.

Па сутнасці, адбываецца падаўленне свядомасці індывідуума, якое ўласціва *таталітарнаму тыпу камунікацыйнага працэсу*. І ад якога, дарэчы, на словах мы даўно адмовіліся.

Сапраўднае ж аднаўленне вярчання, як мы ўжо заўважалі, магчыма толькі са зменай характару ўзаемадзеяння тэлежурналіста і аўдыторыі. У якасці альтэрнатывы тут можа быць разгледжаны, напрыклад, ліберальны тып камунікацыйнага працэсу, якому ўласціва імкненне журналіста стварыць і паказаць на экране максімальна дакладную і поўную карціну свету. Сёння на Беларускім тэлебачанні робяцца толькі самыя першыя спробы рухацца ў гэтым напрамку. Імі вызначаецца праграма «Капітал», якая выходзіць у якасці спецыяльнага эканамічнага выпуску «Нікі», новая рубрыка «ТВ-нюс». Паказальна, што ствараюцца гэтыя перадачы на базе незалежных тэлевізійных структур, а ў выпадку з «Капіталам» – яшчэ і сіламі незалежнага інфармацыйнага агенцтва.

На жаль, нягледзячы на багаты патэнцыял, істотнага ўплыву на агульны стан вярчання названыя цыклы пакуль не робяць. Таму звернемся яшчэ да адной мадэлі інфармацыйна-публіцыстычнай праграмы, якая ва ўмовах «пераходнага перыяду» здаецца найбольш перспектыўнай з пункту гледжання кантакта журналіста з аўдыторыяй.

Абазначым яе як *уласна-камунікатыўную*. Яскравы прыклад такой перадачы – «Тэлебизнэсклуб», які, дарэчы, таксама літаральна з моманту свайго ўзнікнення адасобіўся ў аўтаномную структуру. Задуманы па тыпу «англійскага клуба» гэты цыкл пэўным чынам развівае ідэі вольных зносін, мыслення, адкрытых абмеркаванняў, якія садзейнічалі ў свой час папулярнасці «МТЦ» («Маладзёжнага тэлевізійнага цэнтра»), аўтар якога і стаў адным са стваральнікаў новай праграмы. Гэтыя якасці дапаўняюцца выкарыстаннем непасрэдных камунікатыўных магчымасцей, якія дае прамы эфір і наяўнасць тэлефоннай сувязі з гледачом. Прычым, у адрозненне ад «Тэлебёржы», «Прамой лініі», аўтарамі не проста выкарыстоўваюцца дадатковыя тэхнічныя сродкі перадачы інфармацыі, а ствараюцца з іх дапамогай спрыяльныя ўмовы далучэння тэлевізійнай аўдыторыі да абмеркаванняў, якія ідуць у студыі. Мэта абудзіць у гледача цікавасць да яго асабістага становішча, жаданне разважаць пра яго, аналізаваць і самастойна асэнсоўваць кожны свой крок – на сёння, бадай, самая злабадзённая. А спалучэнне гэтых рыс з непарадкаванасцю пазіцый, адсутнасцю першапачатковай заданнасці размовы, якія ўласцівы «Тэлебизнэсклубу», дазваляюць вызначаць уласна-камунікатыўную мадэль, якая ўвасоблена ў гэтай праграме, як вельмі перспектыўную на этапе адмаўлення ад таталітарнага тыпу камунікацыйнага працэсу і пошуку новых спосабаў узаемадзеяння з гледачом. Апроч таго, у ёй бачна развіццё традыцыі менавіта беларускага тэлебачання, адным з лідэраў якога доўгі час быў «МТЦ».

Мы прадэманстравалі толькі некалькі прыкладаў аналізу мадэляў вяшчання з пункту гледжання асабістых журналісцкіх праграм. Часткова адзначылі і сродкі, якія пры гэтым выкарыстоўваюцца. Прапанаваны метады дазваляе пранікнуць у механізм уплыву тэлебачання на асобу канкрэтнага чалавека, разгледзець, якім чынам журналіст спрабуе дасягнуць сваёй мэты. Такі падыход асабліва актуальны для прагназіравання напрамкаў развіцця тэлебачання і распацоўкі новых цыклаў.

¹ Гл.: М а н а е в О. Т. // Философская и социологическая мысль. 1990. № 2, 3.

² Гл.: Массовая коммуникация и развитие социалистического образа жизни: Материалы конф. Тарту, 26—27 окт. 1985 г. Тарту, 1986; Массовая коммуникация и общественное мнение: Материалы пятого советско-финского семинара. Москва, 18—22 мая 1987 г. М., 1987.

³ Гл.: М о л ь А. Социодинамика культуры. М., 1974.

⁴ S i l b e r m a n n А. // Revue international des sciences sociales. 1977. V. 29. № 2.

А. М. КУХАРЧУК, М. Ф. ПОСЛЕДОВИЧ, Э. М. ШПИЛЕВСКИЙ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ВУЗ

Уровень подготовки специалиста в вузе во многом зависит от того, кто из желающих поступить в него станет студентом, каковы его знания и профессиональная направленность, насколько соответствуют его интересы и склонности выбранному профилю обучения.

Объектом нашего исследования стали абитуриенты, подавшие заявления на физический факультет Белгосуниверситета, педагогический и производственный потоки (1989 г.). Среди них было выделено три группы: 1) медалисты, 2) поступившие по общему конкурсу, 3) не прошедшие его.

Изучалась мотивация выбора абитуриентами факультета и профиля обучения, их ценностные ориентации, целеустремленность, уверенность в правильности совершаемого профессионального выбора, его обоснованность.

Было выявлено, что подавляющее большинство абитуриентов (свыше 80%) руководствуются интересом к выбираемой профессии, который у них сформировался в процессе обучения в школе. По их мнению, при выборе профессии молодежь учитывает прежде всего интерес к ней (свыше 80% ответов), успеваемость в школе (до 60%), а также наличие способностей (до 40%).

Около половины всех опрошенных считают, что выбираемая профессия соответствует их способностям, и столько же уверены в том, что их способности раскроются наиболее полно именно в той области деятельности, которую они выбирают. Однако среди ценностей, относящихся к профессиональной деятельности, «работу, отвечающую способностям», называют только 1/5 опрошенных. В то же время к ценностям профессии респонденты относят «интересную работу» (свыше 80%) и «увлеченность любимым делом» (свыше 50%).

В выбираемой профессии многих абитуриентов (до 50%) привлекает творческий характер труда, возможность заниматься умственным трудом (до 40%), получить разносторонние знания (до 40%), ее общественная значимость (до 25%).

Большинство абитуриентов (до 80%) имели достаточно хорошее представление о выбираемой профессии. Профессиональные намерения многих из них (1/3 опрошенных) носили долговременный характер, мысль о получении желанной профессии появилась у одних (1/3) за два-три года до подачи документов в университет, у других (также 1/3) – за год.

Более половины абитуриентов испытывали сомнения и колебания при выборе факультета и профиля обучения, и примерно такое же количество в случае неудачи на конкурсных экзаменах были настроены пробовать свои силы в том же направлении на будущий год.

Среди поступающих на производственный и педпотоки по рассматриваемым показателям выявлены некоторые различия. Так, поступающие на производственный поток чаще, чем «педагоги», указывали среди мотивов своего выбора мотив «профессия имеет широкую сферу применения». Поступавшие на педпоток чаще, чем «производственники», следовали советам

учителей, в то время как на выбор профессии последних чаще оказывала влияние художественная и специальная литература.

«Производственников» чаще привлекает к профессии творческий характер труда, возможность научной деятельности, а «педагогов» – педагогическая деятельность и «общественная значимость труда». «Производственники» отличаются большим прагматизмом, чем «педагоги», они чаще, чем поступавшие на педпоток, указывали на такой мотив, как «профессия имеет широкую сферу применения», высказывали мнение, что молодежь при выборе профессии руководствуется такими прозаическими мотивами, как «возможность хорошо устроиться после окончания вуза» и «возможность поступить в вуз» (небольшой конкурс и т. п.).

Профессиональные намерения «производственников» оказались более долговременными, чем поступавших на педпоток. «Производственники» среди профессиональных ценностей чаще, чем «педагоги», называли работу, отвечающую их способностям. Большинство из них после окончания университета предпочло бы работать в НИИ (до 70%). Их отличает большая, чем педагогов, целеустремленность. Так, намерение неоднократно поступать на выбранный факультет до «победного» конца высказали около 40% поступавших на производственный поток и около 25% – на педпоток.

Рассмотренные характеристики по-разному преломляются на выделенных группах абитуриентов. Медалисты, поступившие как на педпоток, так и на производственный, мотивировали свой выбор наличием способностей (57 против 46% у «производственников»). Среди медалистов, поступивших на производственный поток, 43% мотивировали свой выбор тем, что профессия имеет широкую сферу применения. Но из медалистов педпотока никто такого мотива не указал. Мотив «творческий характер труда» также чаще выделялся медалистами-«производственниками» (60 против 50% у «педагогов»).

На выбор профессии 25% медалистов, поступивших на физфак, оказала влияние «семейная традиция». Воздействие этого фактора на медалистов производственного потока было намного меньше (12%). У них более значимыми оказались такие факторы, как «занятия в школьном кружке» (19%) и «школе юных физиков при БГУ» (17%). Однако у медалистов педпотока эти факторы оказались менее представленными (оба фактора по 13%). Большое влияние на медалистов, поступивших на производственный поток, оказала художественная и специальная литература (28%) по сравнению с медалистами на педпотоке (18%). В то же время хорошее знание предметов, по которым нужно сдавать вступительные экзамены, оказалось более важным для медалистов педпотока (50%), чем для медалистов производственного потока (21%).

Творческий характер труда оказался более привлекательной характеристикой профессии для медалистов производственного потока (67%), чем для медалистов педпотока (27%), так же как и возможность реализовать свои способности (53 и 17% соответственно). В то же время медалистов, поступавших на педпоток, чаще привлекала общественная значимость профессии (38%), чем тех, кто хотел учиться на производственном (13%). Медалистов на производственном потоке чаще, чем медалистов на педпотоке (19%), привлекает возможность получить широкие знания (34%).

Естественно, что привлекательность профессии в плане занятий научной деятельностью отмечалась чаще медалистами на производственном потоке (46 против 6% на педпотоке), а педагогическая деятельность чаще привлекала медалистов на педпотоке (81 против 10% на производственном потоке), так же как и возможность работать с людьми (63 и 7% соответственно) и содействовать преобразованию общества (31 и 14% соответственно).

Профессиональные намерения половины медалистов обоих потоков носят долговременный характер, и больше половины, как тех, так и других, были уверены в том, что их способности раскроются наиболее полно в выбранной области деятельности. Однако уверенных в себе больше среди медалистов педпотока (69 и 57% соответственно), что сказалось и на характере выбора профессии, который реже сопровождался у них сомнениями и колебаниями (48 и 60% соответственно). Очевидно, это связано с тем, что профессию педагога абитуриенты представляют более полно, чем профессию физика. Так, 89% медалистов, поступивших на педпоток, ответили, что они доста-

точно хорошо представляют свою будущую профессиональную деятельность, против 69% медалистов производственного потока, 65% из которых хотели бы работать в НИИ после окончания университета (11% на подпотоке).

Медалисты производственного потока склонны проявлять большее упорство в достижении цели, 63% из них в случае неудачи намерены были поступать на этот же факультет вновь, через год, и 43% – до «победного конца», против 56 и 39% соответственно медалистов подпотока, наметивших себе такие же рубежи.

Поступившие по общему конкурсу на оба потока физического факультета имеют приблизительно такие же характеристики в мотивации профессионального выбора, как и медалисты, т. е. и те и другие руководствовались интересом к профессии, проявляли желание заниматься умственным трудом. Из поступивших на производственный поток 46% считают, что профессия соответствует их способностям, на педагогическом – 29%. Среди последних никто из опрошенных не отметил в качестве мотива «творческий характер труда», на производственном потоке таких было 44%.

У большинства поступивших на оба потока физического факультета интерес к физике сформулировался еще в школе. Профессиональные намерения поступивших на производственный поток чаще носят долговременный характер. «Производственники» более уверены в себе, в своих способностях и проявляют большую целеустремленность.

Не прошедшие по конкурсу часто имеют более высокие показатели по описанным параметрам, чем медалисты или прошедшие по конкурсу. Так, интерес к профессии в качестве мотива называют 90% не поступивших на подпоток и 83% – на производственный, «творческий характер труда» 37 и 53% соответственно, что выше, чем у поступивших. Профессия именно этим их и привлекает (40 и 63% соответственно), как и возможностью получить широкие знания (53%).

Более половины из них (54%) уверены в наличии способностей к выбираемой профессии: «увлеченность любимым делом» – в числе их профессиональных ценностей. Их профессиональные намерения имеют долговременный характер, у них также высока решимость добиваться поставленной цели.

Следовательно, среди не поступивших на факультет часто оказываются те, кто мог бы с успехом на нем учиться. Возможно, отличаясь меньшим прагматизмом, по сравнению с поступившими (а материалы дают основание это отметить), они оказываются менее защищенными от превратностей конкурсной борьбы, в которой учитывается только уровень знаний, а профессиональная направленность личности, способности не берутся в расчет.

Анализ полученных материалов говорит о том, что мотив «способности к выбираемой профессии» не является ведущим у абитуриентов и, следовательно, наличие способности не рассматривается ими как одно из самых необходимых условий профессионального выбора. Дальнейшее изучение профессиональных намерений абитуриентов, поступавших в Белгосуниверситет на все факультеты, показало, что отмеченные выше тенденции сохраняются. Это говорит о необходимости поиска надежных методов определения профессиональной направленности молодежи в процессе профессионального самоопределения и зачисления в учебные заведения.

А. Я. БЕНЯШ

СЯРЭДНЯЯ СПЕЦЫЯЛЬНАЯ АДУКАЦЫЯ: ВОПЫТ І ПРАБЛЕМЫ

Пошук новых шляхоў да эканамічнага, сацыяльнага і навукова-тэхнічнага прагрэсу, гуманнага і дэмакратычнага спосабаў аб'яднання грамадскіх, калектыўных і асабістых інтарэсаў патрабуе ўсямернай актыўнасці інтэлектуальнага і духоўнага патэнцыялу людзей, істотных перамен у сферы народнай адукацыі, асабліва ў рабоце сярэдняй спецыяльнай школы.

Праблема заключаецца не толькі ў расшырэнні маштабаў яе дзейнасці, павелічэнні колькасці спецыялістаў, але перш за ўсё ў якасным паляпшэнні яе структуры, удасканаленні формаў і метадаў навучання і выхавання

кадраў сярэдняга звяна для народнай гаспадаркі. Адсюль далейшае развіццё і павышэнне эфектыўнасці адукацыі – гэта настойлівае, аб'ектыўнае патрабаванне часу.

Галоўныя палажэнні дзяржаўнай палітыкі ў галіне сярэдняй спецыяльнай адукацыі распрацоўваюцца ў адпаведнасці з рашэннямі ўрада Рэспублікі Беларусь у рамках мерапрыемстваў па стабілізацыі сацыяльна-эканамічнага становішча, стварэнню новых інстытутаў, механізмаў і інструментаў дзяржаўнага кіраўніцтва грамадскімі працэсамі, якія адпавядаюць патрэбнасцям і перспектывам нацыянальнага адраджэння.

Як адзначаецца ў Законе Рэспублікі Беларусь аб адукацыі, сярэдняя спецыяльная адукацыя мае на мэце падрыхтоўку спецыялістаў сярэдняга звяна: непасрэдных арганізатараў і кіраўнікоў першасных звенняў вытворчасці, памочнікаў спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі, самастойных выканаўцаў пэўнай кваліфікаванай працы, якая патрабуе не толькі прафесіянальных уменняў і навыкаў, але і адпаведнай тэарэтычнай падрыхтоўкі¹.

Уступленне нашай суверэннай дзяржавы ў новы гістарычны этап развіцця яшчэ больш павышае ролю адукацыі ў эканамічным, сацыяльна-палітычным і духоўным прагрэсе грамадства, ставіць перед ёю новыя адказныя задачы.

Па-першае, устанаўленне сістэмы магутных стымуляў інтэлектуальнай працы патрабуе мабілізацыі адукацыйнай падрыхтоўкі, прафесійных ведаў і вопыту людзей, іх кампетэнтнасці і творчага падыходу да рашэння праблем на любым участку вытворчай дзейнасці.

Па-другое, адметнай асаблівасцю сучаснага этапа развіцця навукова-тэхнічнага прагрэсу з'яўляецца змяненне зместу працы, што патрабуе высокакваліфікаванага і творча думачага работніка.

Па-трэцяе, актывізацыя чалавечай працы ў рыначных адносінах выклікае ўзмацненне выхаваўчых функцый адукацыі, абавязанай садзейнічаць змяненню свядомасці чалавека, павышэнню ролі асобы і калектыву ў вытворчых працэсах і ў кіраванні, зацвярджэнню новых форм арганізацыі і стымулявання працы, няспыннаму ўдасканаленню вытворчых адносін.

Гэтыя і іншыя працэсы кардынальна змяняюць характар і змест працоўнай дзейнасці, эканамічныя, палітычныя, маральныя, сацыяльна-псіхалагічныя і іншыя адносіны; яны адлюстроўваюць новыя, больш высокія патрабаванні да агульнанавуковых і спецыяльных ведаў, прафесіянальнай кваліфікацыі, асабістых якасцей навучэнцаў.

Сярэдняя спецыяльная адукацыя з'яўляецца адной з форм атрымання агульнай сярэдняй адукацыі. Выдзяляюць два асноўныя шляхі, па якіх ідзе падрыхтоўка спецыялістаў сярэдняй кваліфікацыі: першы звязаны з прыёмам навучэнцаў на базе 9-гадовай адукацыі, другі – на базе поўнай сярэдняй школы. Сярод навучэнцаў сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў 49% складаюць асобы, якія разам са спецыяльнай адукацыяй атрымалі агульную.

Як адзначаецца ў праекце Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, «...прафесійная, сярэдняя, спецыяльная і вышэйшая адукацыя павінна быць даступнай для ўсіх у адпаведнасці са здольнасцямі кожнага»².

Цяпер у Рэспубліцы Беларусь функцыяніруюць 149 сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў, дзе навучаецца 140 тыс. чалавек. Прафесійная падрыхтоўка вядзецца па 95 спецыяльнасцях для прамысловасці, будаўніцтва, сельскай гаспадаркі, транспарту. Па 27 спецыяльнасцях ажыццяўляецца падрыхтоўка кадрў для лёгкай прамысловасці, сферы бытавога абслугоўвання, гандлю, камерцыйнай дзейнасці.

У апошнія гады значна павялічыўся прыём навучэнцаў па навукаёмкіх спецыяльнасцях, што выклікана запатрабаваннямі навукова-тэхнічнага прагрэсу: радыёапаратурабудаванне, вытворчасць электронных і электрычных сродкаў аўтаматызацыі, тэхнічная эксплуатацыя ЭВМ і інфармацыйных сістэм, вытворчасць станкоў з праграмным кіраваннем і робатаў; з'явіліся і новыя спецыяльнасці, патрэбныя для прадпрыемальніцкай дзейнасці: аўдытарства, маркетынг, біржавая дзейнасць, камерцыйная дзейнасць, арганізацыя фермерскіх гаспадарак і г. д.

Сёння стварэнне адзінай сістэмы бесперапыннай адукацыі працоўных, карэннае паляпшэнне адукацыі і выхавання, вывядзенне сярэдняй спецыяльнай школы на новы якасны ўзровень – немагчымыя без адчувальнага ўздыху агульнаадукацыйнага і культурнага ўзроўню грамадства і ўдаска-

налення нацыянальных адносін. Каб сістэма сярэдняй спецыяльнай адукацыі ператварылася ў дзейсны канал ажыццяўлення гэтай важнай мэты, патрэбна: распрацаваць і рэалізаваць сучасную дзяржаўную стратэгію развіцця сярэдняй спецыяльнай адукацыі; вызначыць і здзейсніць комплекс практычных мер па пераадоленню крызісных працэсаў і з'яў у сферы спецыяльнай адукацыі, па яе рэфармацыі і развіццю на базе новых вучэбных устаноў; інтэгрыраваць айчынную сярэднюю спецыяльную школу з аналагічнымі вучэбнымі ўстановамі краін СНД, наладжваючы з імі карысныя інтэлектуальныя камунікацыі.

Сучасныя сярэднія спецыяльныя вучэбныя ўстановы паступова пазбаўляюцца ад фармалізму, кансерватыўных настрояў, вучаць юнакоў і дзяўчат з рэальных жыццёвых пазіцый ацэньваць новыя з'явы грамадскага жыцця і выкарыстоўваць пазітыўныя вывады ў практычнай рабоце. Неабходна, каб будучыя спецыялісты сваім асабістым укладам садзейнічалі матэрыялізацыі мэтаў рэформы, цвярджэнню новага стылю работы, маральнаму абнаўленню грамадства. Рэалізацыя гэтай задачы патрабуе сёння таксама арыентацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу на развіццё асобы, яго індывідуалізацыі, стварэння абстаноўкі супрацоўніцтва навучэнцаў і выкладчыкаў. У цяперашніх умовах паскоранага ўздыму павінна дасягнуць нацыянальная мова³.

Адчувальныя праблемы і дэфармацыйныя адхіленні ў светапогляднай падрыхтоўцы навучэнцаў тэхнікумаў і вучылішчаў сёння канкрэтнага вызначэння шляхоў і сродкаў іх папярэджання: аптымальнай рэалізацыі выхаваўчага патэнцыялу ўсіх агульнаадукацыйных, агульна-тэхнічных і спецыяльных дысцыплін; уключэння навучэнцаў у прадукцыйную працу ва ўмовах рынку; змянення зместу і характару вучнёўскай самадзейнасці; эфектыўнага ўздзеяння на жыццё моладзі сацыяльна-педагагічных комплексаў.

Безумоўна, павінна ўзрастаць роля сістэмы сярэдняй спецыяльнай адукацыі і ў выхаванні ідэйна перакананай, усебакова развітай асобы чалавека, у дасягненні збалансаванага ўзнаўлення кваліфікаваных кадраў для патрэб гаспадаркі. Першасная задача спецыяльнай адукацыі – здзяйсненне пераходу на новы, больш высокі ўзровень якасці навучэння і выхавання спецыялістаў творчага складу, забеспячэнне планамернага развіцця адукацыі.

Рэалізацыя гэтай праблемы патрабуе змяніць стэрэатып мыслення ў адносінах да вучэбнага працэсу, форм і метадаў навучання, да падрыхтоўкі выкладчыцкіх кадраў, усталяваць новы механізм узаемадзеяння сярэдняй спецыяльнай школы з вытворчасцю, дэмакратычныя метады кіравання сістэмай адукацыі і сярэднімі ўстановамі.

Грунтоўнай асаблівасцю сучаснай адукацыйнай тэхналогіі, якая шырока выкарыстоўваецца ў рэспубліцы, з'яўляецца інтэграцыя сярэдняй спецыяльнай адукацыі з іншымі адукацыйнымі сістэмамі. Стварэнне такіх аб'яднаных дазволіць скараціць адбор найбольш здольных навучэнцаў і падрыхтаваць з іх ліку высокакваліфікаваных спецыялістаў, сумесна праводзяць навукова-даследчую работу, эфектыўна выкарыстоўваць вучэбна-лабараторную базу і выкладчыцкія кадры. У Рэспубліцы Беларусь пачалося стварэнне сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў павышанага тыпу – каледжаў, дзе падрыхтоўка спецыялістаў рознага ўзроўню кваліфікацыі праводзіцца па шматступеньчатым вучэбным планам. Каледжы даюць магчымасць сваім выпускнікам атрымаць вышэйшую адукацыю за кароткі тэрмін.

У рашэннях Міністэрства народнай адукацыі адзначаецца, што глыбіня і тэмпы пераўтварэнняў у сярэдняй спецыяльнай школе не адпавядаюць патрэбам грамадства на сучасным складаным этапе. У сувязі з гэтым прызнана мэтазгодным унесці змяненні ва ўстаноўкі рэфарміравання адукацыі па наступных накірунках: рэалізацыя канцэпцыі ўсеагульнай сярэдняй адукацыі і ўсебаковага развіцця асобы; маштабнае тэхнічнае пераўзбраенне вучэбных устаноў, перавод іх на сучасныя ўмовы гаспадарання, ліквідацыя міжведамасных перагародак, правядзенне адзінай дзяржаўнай палітыкі ў сферы народнай адукацыі; усямерная дэмакратызацыя адукацыі; пераўтварэнне сістэмы падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі выкладчыцкіх кадраў на падставе выбарнасці, замяшчэння кіруючых пасадаў шляхам конкурсаў, атрымання неабходнай псіхалагічна-педагагічнай падрыхтоўкі педагагічнымі работнікамі, якія не маюць адпаведнай адукацыі.

Асобае значэнне сёння набываюць таксама такія працэсы ў змесце адукацыі, як універсалізацыя (арыентацыя навучэнцаў на авалоданне

агульнымі прынцыпамі навукі і тэхнікі), шырокае выкарыстанне праблемных метадаў навучання, падрыхтоўка навучэнцаў да самастойнай працоўнай дзейнасці.

Сёння шэраг спецыяльнасцей, па якіх рыхтуюць тэхнікумы, ужо састарэлі, не карыстаюцца попытам. Таму каардынацыйныя ўстановы павінны ўдакладніць пералік рабочых прафесій, падрыхтоўка па якіх патрабуе ўзроўню сярэдняй спецыяльнай адукацыі. Патрабуе ўдакладнення таксама і наменклатура пасадаў, што падлягаюць замяшчэнню спецыялістамі з сярэдняй спецыяльнай адукацыяй. Сёння плануецца пераўтварыць шэраг тэхнікумаў у навуковыя ўстановы, максімальна наблізіўшы іх да адпаведных профільных вузаў: ліквідаваць ведамасную разрозненасць сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў, укараняць сістэму дзяржаўных заказаў і прамых дагавораў на падрыхтоўку спецыялістаў паміж прадпрыемствамі і навучальнымі ўстановамі; разам з паглыбленай спецыялізацыяй забяспечыць моўную і камп'ютэрную падрыхтоўку, навучанне менеджменту і маркетынгу.

З пераходам на рыначныя адносіны парушылася сістэма абавязковага размеркавання выпускнікоў. Пошук рабочага месца найбольш праблематычным стане для тых, хто ўпершыню будзе ўключацца ў вытворчыя працэсы. Гутарка ідзе не толькі аб эканамічных праблемах, звязаных з матэрыяльнымі стратамі, але і аб значных маральных і сацыяльных стратах. Немагчымасць для некаторай катэгорыі моладзі знайсці працу, адпаведную адукацыі, ушчэмлівае пачуцці грамадскай значнасці і асабістай годнасці. На наш погляд, гэта патрабуе стварэння фонду сацыяльнай абароны моладзі.

Палажэнне сярэдняй спецыяльнай школы пры пераходзе да рыначнай эканомікі можа істотна пагоршыцца з-за велізарнага дэфіцыту дзяржаўнага бюджэту.

Ва ўмовах рыначнай эканомікі тэхнікумы і спецвучылішчы будуць вымушаны ўключацца ў прадпрыемальніцкую дзейнасць, паляпшаць умовы, якасць адукацыі з дапамогай высокаплатных выкладчыкаў і супрацоўнікаў.

¹ Гл.: Закон Рэспублікі Беларусь «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь». Мн., 1992. С. 48.

² Гл.: Канстытуцыя (Асноўны Закон) Рэспублікі Беларусь. Праект // Народная газета. 1992. 22 жніўня.

³ Гл.: Закон БССР «Аб мовах у Беларускай ССР». Мн., 1990. С. 2.

А. Е. М и х н е в и ч. Русско-белорусский разговорник. Мн.: Вышэйшая школа, 1991. 335 с.

Першы ў лексікаграфічнай практыцы беларускай мовазнаўчай навукі тэматычны «Русско-белорусский разговорник» А. Я. Міхневіча — гэта дапаможнік агульнага тыпу, які ахоплівае неспецыялізаваныя тэмы паўсядзённага дыялогу і адпаведную ім лексіку. Асноўная яго мэта — аказаць дапамогу рускамоўным жыхарам і гасцям рэспублікі, усім, хто імкнецца авалодаць мовай, набыць ці ўдасканаліць навыкі беларускай вусна-гутарковай і літаратурна-пісьмовай мовы. У кнігу ўключаны матэрыялы з найбольш характэрных сфер зносін, у тым ліку размоўныя тэмы, жывыя канструкцыі і выразы, паўсядзённая бытавая лексіка, беларускія прыказкі, прымаўкі і выслоўі, супастаўляльныя лексіка-граматычныя заметкі, дыялогі з мастацкай літаратуры і фальклору.

Усе размоўныя канструкцыі аб'яднаны ў адзінаццаць тэматычных раздзелаў: «Агульнаўжывальныя словы і выразы», «Мова і маўленне», «Моўны этыкет», «Чалавек», «У горадзе», «У магазіне», «Харчаванне», «Здароўе і спорт», «Аб культуры», «Прырода», «Рэспубліка». Кожны раздзел уключае шэраг найбольш тыповых сітуацый зносін. Так, у першым раздзеле ўключаны словы са значэннем ліку, лічэння, колькасці ці паслядоўнасці або парадку размяшчэння прадметаў пры лічэнні; часу, часавых прамежкаў, перыядаў; грашовых адзінак, меры, вагі ці аб'ёму; пагодных умоў, надвор'я; месцазнаходжання ці прабывання каго-або чаго-небудзь, напрамку, накірунку; колеру, якасці, уласцівасці, стану, адчування, адносін; словы з назвамі частак свету, сусвету, планет, дзяржаў,

устаноў, іх шыльдаў, надпісаў. У другім раздзеле змешчаны словы, якія абазначаюць тыя або іншыя адзінкі маўлення — слова, сказ, гаварэнне, вымаўленне, разуменне, чытанне, пісанне, пераклад, падручнікі, слоўнікі; у трэцім — словы, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння асоб, форм звароту, формулаў ветлівасці, размоўных формулаў, сустрач, знаёмстваў, прывітання, развітання, згоды, пацвярджэння або нягоды, прарэчання, адмовы; пытанняў і адказаў, просьбаў, дазволу, забаронаў, падзякі, прабачэння, меркавання, радасці, задавальнення, надзеі, сумнення, здзіўлення, абурэння, жалю, спачування, перасцярогі, пажадання, віншавання, запрашэння і г. д.

У супастаўляльных нататках вядзецца размова пра адметныя рысы беларускай мовы ў параўнанні з рускай. Пры гэтым, як падкрэслівае аўтар, чытанне іх не вымагае спецыяльных лінгвістычных ведаў. Яны засноўваюцца на багатым моўным матэрыяле, які запаўняе і пашырае размоўныя тэмы. Мэта гэтых заматак — даць чытачу ўяўленне аб правілах беларускага вымаўлення, формазмяненні слоў і іх спалучальнасці.

У раздзелах аб літаратурных і фальклорных дыялогах шырока прадстаўлена жывая беларуская мова ва ўсёй разнастайнасці яе тэмаў, жанраў, сітуацый зносін суб'ядзінкаў і ва ўсім багацці стылістыкі і экспрэсіі размоўнай стыхіі.

Надзвычай важнымі і актуальнымі з'яўляюцца пытанні адносін і стаўлення аўтара да формы і метадаў, саміх прыёмаў і прынцыпаў моўнай перадачы адпаведных тэкстаў. І тут, у гэтых пытаннях, мусім цалкам пагадзіцца з аўтарам. Прымаючы пад увагу лексічнае багацце і сінтаксічную гібкасць

абедзвух моў, аўтар дапаможніка прыходзіць да адзіна правільных высноў адносна таго, што нельга і не трэба патрабаваць ад эквівалентных рэплік паслоўнага супадзення і лексіка-граматычнай тоеенасці іх тэкстаў. «Патрэбна вучыцца думаць і гаварыць па-беларуску, а не перакладаць у працэсе маўлення з рускай», — сцвярджае аўтар і працягвае: «Стыхія чалавечай мовы бязмежная. Таму аўтар не мог і не імкнуўся адлюстравать у размоўніку ўсе магчымыя варыянты лексіка-сінтаксічнага афармлення думкі ў рускай і беларускай мовах. Фіксуецца тыповыя звароты і найбольш характэрныя адрозненні паміж мовамі. Чытачу даецца магчымасць самому будаваць новыя канструкцыі, апіраючыся на звароты, прыведзеныя ў размоўніку».

Няма сумнення ў тым, што Руска-беларускі размоўнік, складзены А. Я. Міхневічам, акажа вялікую дапамогу навучэнцам беларускамоўных курсаў і гурткоў школ, дзяржаўных устаноў і арганізацый, саслужыць добрую службу ў рэалізацыі Закона аб дзяржаўнасці беларускай мовы.

А. І. Наркевіч.

Слоўнік славенскай літаратурнай мовы. Том 5. Любляна, 1991.
Slovar slovenskega knjižnega jezika.
Knjiga V. Ljubljana, 1991.

У водгуку на першы том гэтага «Слоўніка», што быў змешчаны ў нашым «Весніку» ў 1970 г. (№ 3, с. 85—86), рэцэнзенты А. Сцупрун і М. Б(улахаў) пісалі, што «мы з нецярплівайсцю чакаем апублікавання наступных тамоў гэтай надзвычай каштоўнай лексікаграфічнай працы». І вось выйшаў апошні, пяты том названага слоўніка. Праца над укладаннем слоўніка была распачата па ініцыятыве Франа Рамаўша (імя якога цяпер носіць мавазнаўчы інстытут Славенскай акадэміі) адразу пасля вайны, але асабліва актывізавалася яна з 1962 г., калі быў утвораны рэдакцыйны камітэт слоўніка. На чале камітэта стаялі паслядоўна А. Баец, М. Клопчыч (т. 1), Я. Юранчыч (т. 2 і 3), Ц. Логар (т. 4), Ф. Якапіч (т. 5). Вялікую работу правялі супрацоўнікі слоўніка, што ўваходзілі ў гэты час у гэты камітэт: Л. Легіша, Я. Рыглер, М. Хайншэк-Хольц, З. Ледэр-Манчын і іншыя, а асабліва сакратар камітэта Стане Суходолнік. Слоўнік выдавала Славенская Акадэмія Навук і Мастацтваў у Дзяржаўным выдавецтве Славеніі. Тамы выходзілі прыблізна кожныя 5 гадоў (1970, 1975, 1979, 1985, 1991). Усяго на 5194 старонках слоўніка змешчана 107030 артыкулаў.

Слоўнік славенскай літаратурнай мовы

мае нарматыўны характар; вялікая ўвага ўдзялялася ўкладальнікамі арфаэпіі, напіску і інтанацыі, марфалагічным уласцівасцям слоў, іх стылістычнай кваліфікацыі. Уважліва распрацавана тэрміналогія, для чаго былі прыцягнуты выдатныя спецыялісты з самых розных галін жыцця, тэхнікі, навукі, мастацтва.

У картатэку слоўніка было сабрана 6 млн. картак, на якіх зафіксавана словаўжыванне каля 300 тыс. слоў (не ўлічваючы ўласных імён і інашмоўных цытат). 182976 слоў картатэкі, не ўключаныя ў асноўны корпус слоўніка, былі змешчаны як спіс у спецыяльным двухтомніку, які выйшаў абмежаваным тыражом у 1987 г.

Славенскі пяцітомнік выйшаў у перыяд, калі выходзілі блізкія да яго па задачах слоўнікі іншых славянскіх моў. Як і славацкі ды беларускі, славенскі слоўнік ствараўся як першы буйны тлумачальны слоўнік літаратурнай мовы, да якога лексікаграфічная традыцыя абмяжоўвалася кароткімі тлумачальнымі слоўнікамі, перакладнымі слоўнікамі і больш ці менш значнымі слоўнікамі народных моў (Насовіч, Калал, Плетэршнік). Блізкія паводле аб'ёму беларускі (98 тыс. слоў), славацкі (94 тыс. артыкулаў, 125 тыс. слоў) і славенскі (107 тыс. слоў) слоўнікі маюць як пэўныя агульныя, так і спецыфічныя рысы. Славенскі слоўнік, напрыклад, не дакуменціруе прыкладаў словаўжывання, але падобраны яны як тыповыя словаўжыванні ў сучасным літаратурным маўленні і добра ілюструюць вылучаныя складальнікамі «значэнні» і «адценні значэнняў». Вельмі грунтоўна праведзены адбор лексем для ўключэння ў слоўнік, паслядоўна даюцца граматычныя і стылістычныя звесткі. Добра распрацаваны сематычны бок, як у адносінах да вылучэння асобных «значэнняў», так і ў плане слоўнікавых дэфініцый. Слоўнік разлічаны на добрую філагічную падрыхтоўку, якую яго карыстальнікі атрымаваюць, відаць, у школе.

Завяршэнне выдання слоўніка славенскай літаратурнай мовы — буйная падзея ў культурным жыцці Славеніі. Гэтым слоўнікам будучы карыстатца доўгі час, пра яго будучы яшчэ шмат пісаць і дэталёва абмяркоўваць яго пазітыўныя і негатыўныя рысы, грунтуючыся на практычным карыстанні і тэарэтычным асэнсаванні матэрыялаў слоўніка. Задача гэтай нататкі прайнфармаваць беларускага чытача пра дасягненне славенскіх лексікаграфіаў, якое супала са станаўленнем незалежнай і самастойнай Славенскай дзяржавы, да якой беларускія моваведы адносяцца з вялікай сімпатыяй і пчграй павагай.

А. Я. Сцупрун.

Наши юбиляры

ЕФРАСІННЯ ЛЕАНІДАЎНА БОНДАРАВА (да 70-годдзя з дня нараджэння)

У журналісцкім асяроддзі Беларусі не сустрэнеш чалавека, які б не ведаў прафесара Е. Л. Бондараву. Без прафесара Бондаравай наогул нельга ўявіць факультэт журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: студэнцкія навуковыя канферэнцыі (яна нязменны старшыня журфакаўскага СНТ), Саветы факультэта, гарачыя кафедральныя спрэчкі. Бондараву—у цэнтры дыскусій, яе меркаванні і прапановы заўсёды цікавыя і арыгінальныя, калегі прыслухоўваюцца да іх з асаблівай увагай. А нумары вучэбных газет «Журналіст», што студэнты выпускаюць пад кіраўніцтвам Бондаравай, па ўзроўню прафесійнага майстэрства і грунтоўнасці распрацоўваемых тэм можна параўноўваць з рэспубліканскімі перыядычнымі выданнямі.

За плячыма Е. Л. Бондаравай—вялікі жыццёвы і педагогічны вопыт, які дапамагае аптымальна спалучаць разумную патрабавальнасць і дабрыню. Многія пакаленні выпускнікоў універсітэта з удзячнасцю ўспамінаюць сваю настаўніцу.

Журналістка Лёзненскай раённай газеты Ефрасіння Бондарова ў 1945 г. паступіла і ў 1949-м скончыла Белдзяржуніверсітэт, потым—аспірантуру. У 1953 г. абараніла кандыдацкую дысертацыю, у 1977-м доктарскую дысертацыю на тэму, прысвечаную праблемам кінакрытыкі.

Е. Л. Бондараву апублікавала шэраг навуковых работ, грунтоўныя даследаванні па кінамастацтву, кінасцэнарыі, шмат крытычных і публіцыстычных артыкулаў, манаграфій «Час. Экран. Крытыка», «Экран у розных вымярэннях», «Кінастужка даўжынёю ў жыццё», а таксама брашуры, мноства вучэбна-метадычных дапаможнікаў.

Е. Л. Бондараву—Заслужаны дзеяч навукі Беларусі, член двух творчых саюзаў—журналістаў і кінематаграфістаў, член рэдкалегій Беларускай Энцыклапедыі, часопіса «Мастацтва». На працягу доўгага часу Е. Л. Бондараву была старшынёй секцыі кінакрытыкаў Беларусі, членам мастацкага савета кінастудыі «Беларусьфільм», старшынёй метадычнага савета Рэспубліканскага Дома кіно.

Ефрасіння Леанідаўна—чалавек, здаецца, нястомны. Яе неабыякавасці да жыцця можна па-добраму пазайздросціць. Зараз, калі надышла юбілейная дата прафесара Бондаравай, калегі, студэнты журфака жадаюць ёй вялікіх творчых і жыццёвых поспехаў, захоўваць па-ранейшаму актыўную цікавасць да грамадскіх падзей, не страчваючы маладосці душы.

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Дзялендзік А. М.</i> Рытарычныя асаблівасці прадмовы І. Пацея да «Уніі»	3
<i>Герцук А. В.</i> Публицистические элементы в ранних рецензиях Д. И. Писарева	7
<i>Малинин А. С.</i> Революция в романе В. В. Вересаева «В тупике»	10
<i>Чумакевич Э. В.</i> Валаам в жизни И. С. Шмелева (творческая история очерка «Старый Валаам»)	13
<i>Лавренов П. П.</i> Национальный характер в рассказе А. Солженицына «Матрёнин двор»	15
<i>Попова М. А.</i> Онтологическая проблематика драматургии Фриша	18
<i>Саркисова Н. М.</i> Мотив страдания в поэзии С. Т. Колриджа (1772—1834)	21

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Бурак І. Л.</i> Граматычныя канкрэтызатары паратаксічных злучнікаў у сучаснай беларускай мове	25
<i>Капайко Т. В.</i> Да пытання аб лексіка-семантычнай трансфармацыі ў сферы тэрміналогіі	28
<i>Роўда І. С.</i> Семантыка-словаўтваральнае поле «інтэнсіўнае праяўленне прыметы» у беларускай і рускай мовах	31
<i>Германовіч І. К., Шуба П. П.</i> Р. Н. Ключаў як мовазнавец	35
<i>Литвинко Ф. М.</i> Семантико-грамматический аспект осложнения	38
<i>Прохорова С. М.</i> К проблеме языковой переходности	41
<i>Ухванова-Шмыгова И. Ф.</i> В поисках реалий семантического ядра текста	45
<i>Соболева Л. И.</i> Лексика ситуативных представлений	49
<i>Гурина Н. М.</i> Структура функциональной категории презентации речи	54
<i>Курьян И. В.</i> К вопросу об этимологии слова человек	57
<i>Киклевич А. К.</i> Квантификация: референциальные и когнитивные аспекты . . .	60

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Дабрынеўская Т. Г.</i> Аб стане і напрамках пераўтварэнняў інфармацыйна-публіцыстычнага вяршання Беларускага тэлебачання	65
---	----

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Кухарчук А. М., Последович М. Ф., Шпилевский Э. М.</i> Социально-психологические предпосылки поступления молодежи в вуз	69
<i>Беняш А. Я.</i> Сярэдняя спецыяльная адукацыя: вопыт і праблемы	71

РЭЦЭНЗІІ

<i>Наркевіч А. І.</i> А. Е. Михневич. Русско-белорусский разговорник	75
<i>Супрун А. Я.</i> Слоўнік славенскай літаратурнай мовы	76

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Ефрасіння Леанідаўна Бондарава</i>	77
---	----

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта», серыя 4 (філалогія, журналістыка, педагогіка,
псіхалогія) у 1992 г.

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Алешка Т. В. Пушкинские традиции в поэзии Б. Ахмадулиной	2 15
Герцик А. В. Жанр заметки и его роль в становлении Д. И. Писарева как критика	1 6
Герцик А. В. Публицистические элементы в ранних рецензиях Д. И. Писарева	3 7
Дзялендзік А. М. Рытарычныя асаблівасці прадмовы І. Пацея да «Уніі»	3 3
Канаплянік Л. М. Патрыятычныя матывы ў творчасці Янкі Лучыны (1851—1897)	2 7
Ковальчук И. С. Художественная атмосфера романа П. Модiano «Бульварное кольцо»	2 23
Лавренов П. П. Национальный характер в рассказе А. Солженицына «Матрёнин двор»	3 15
Лысенко С. А. Воскрешенная судьба	2 18
Мажэйка Н. С. Наш сучаснік К. Г. Паўстоўскі	1 9
Максімовіч В. А. Кантэкст і каларыстычная сімволіка ў раскрыцці эстэтычнай сутнасці вобраза (на матэрыялах паэзіі «Узвышша»)	2 3
Малинин А. С. Революция в романе В. В. Вересаева «В тупике»	3 10
Попова М. А. Онтологическая проблематика драматургии Фриша	3 18
Саркисова Н. М. Мотив страдания в поэзии С. Т. Колриджа (1772—1834)	3 21
Станюта А. А. Достоевский в восприятии Бунина	2 11
Степунин И. Г. «Мой добрый отец»	1 3
Чумакевич Э. В. Валаам в жизни И. С. Шмелева (творческая история очерка «Старый Валаам»)	3 13
Шабловская И. В. Вселенная и автор-повествователь в прозе Богумила Грабала («Волшебная флейта»)	1 12

МОВАЗНАЎСТВА

Абрагімовіч М. Я. Арганізацыя работы над балгарска-беларускім слоўнікам з дапамогай ЭВМ	2 41
Адуцкевич Л. Б. Словообразовательная структура слова в процессах его семан- тизации	2 56
Бурак Л. І. Адметныя сродкі паэтычнага сінтаксісу П. Труса	1 21
Бурак Л. І. Няпоўнастаўныя канструкцыі ў апавесці Я. Коласа «На прасторах жыцця»	2 27
Бурак І. Л. Граматычныя канкрэтызатары паратаксічных злучнікаў у сучаснай беларускай мове	3 25
Вольнец Т. Н. О некоторых особенностях функционирования причастных форм на уровне текста	2 43
Галэй О. М., Зубовская Н. К. Сравнительно-сопоставительное исследование атрибутивных словосочетаний в русском, немецком, французском языках	2 63
Германовіч І. К., Шуба П. П. Р. Н. Ключаў як мовазнавец	3 35
Гурина Н. М. Структура функциональной категории презентации речи	3 54
Яхья Кадам Ахмед. О вариантах форм родительного падежа существительных мужского рода в русском языке	2 50
Капайко Т. В. Да пытання аб лексіка-семантычнай трансфармацыі ў сферы тэрміналогіі	3 28
Киклевич А. К. Семантические и функциональные признаки польского местоиме- ния <i>сау</i>	1 30
Киклевич А. К. Квантификация: референциальные и когнитивные аспекты	3 60
Клімовіч А. Ф. Аб крыніцах лексічных сродкаў ранніх беларускіх перакладаў рэлігійнай літаратуры	1 25
Коваль В. И. К происхождению фразеологизма <i>задать баню</i>	2 53
Козловская Л. А. Политематичность как элемент тактики речевого поведения	1 45
Кулеш Г. І. Да вызначэння грамадска-палітычнай лексікі	2 38
Курьян И. В. К вопросу об этимологии слова <i>человек</i>	3 57
Леонovich В. Л. Структурно-семантические особенности образований с элементами суб- и транс- в современном русском языке	2 47
Литвинко Ф. М. Семанτικο-грамматический аспект осложнения	3 38
Літвіноўская А. Г. Элементы падліку ў структуры беларускіх лічылак	1 28
Лойко М. О. Семантический дифференциал интенсивности признака	2 66
Ляшук В. М. Слова са значэннем <i>‘радзіма’</i> у беларускай паэзіі XIX—XX стст. Маслова В. А. Экспериментальное исследование образности как важнейшего компонента общей экспрессивности текста	1 36
Мечковская Н. Б., Гурина Н. М. Языковые средства презентации речи и смежные функциональные категории	2 60
Прохорова С. М. К проблеме языковой переходности	3 41
Прыгодзіч М. Р. Складанні з першым кампанентам-прыслоўем у гісторыі бела- рускай мовы	2 30
Ровдо И. С. Словообразовательная семантика «незначительная интенсивность проявления признака, названного мотивирующим словом», и средства ее выражения в русском и белорусском языках (в связи с вопросом о лексических лакунах)	1 49

<i>Роўда І. С.</i> Семантыка-словаўтваральнае поле «інтэнсіўнае праяўленне прыметы» у беларускай і рускай мовах	3 31
<i>Собалева Л. І.</i> Динамика семной структуры глаголов речи	1 40
<i>Собалева Л. І.</i> Лексика ситуативных представлений	3 49
<i>Ухванова-Шмыгова І. Ф.</i> В поисках реалій семантичнага ядра тэкста	3 45
<i>Шахун Л. М.</i> Мова як фактар нацыянальнай самасвядомасці народа	1 17
<i>Шедыё Е. А.</i> Заімаваныя назваў абутку ў астраўных рускіх гаворках Беларусі	1 53

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Вараб'ёў В. П.</i> Палеміка ў сучаснай газетнай практыцы і неабходнасць яе навуковага асэнсавання	1 57
<i>Герасімовіч М. М. М. Е.</i> Салтыков-Шчэдрін аб рэакцыйнай і ліберальна-буржуазнай пэчатцы	2 73
<i>Дабрынеўская Т. Г.</i> Аб стане і напрамках пераўтварэнняў інфармацыйна-публіцыстычнага вяшчання Беларускага тэлебачання	3 65
<i>Радкевіч Я. Р.</i> Радзі і палітыка	2 70
<i>Ткачэва П. П.</i> Каламбур і гіпербола ў смеховым свеце А. Т. Аверчанка	1 59

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Беняш А. Я.</i> Сярэдняя спецыяльная адукацыя: вопыт і праблемы	3 71
<i>Кухарчук А. М., Паслядовіч М. Ф., Шпілевскі Э. М.</i> Соцыальна-псіхалагічныя перадумовы прыняцця моладзі ў вуз	3 69
<i>Майхуб Снан (Сірыя).</i> О профессиональных интересах студентов	2 80
<i>Небжидовский Л. (РП).</i> Чувство самоуважения и уверенности в успешности своей деятельности или self-esteem	1 63
<i>Олех Н. А., Мазо Г. Е.</i> Профилактика психофизиологического утомления обучаемых при работе за терминалом ЭВМ	1 62
<i>Ратнікова Н. І.</i> Развіццё пісьменнай мовы замежных вучащихся на пачатковым этапе навучання	2 77
<i>Семчук Л. А.</i> Понимание учителем личности ученика в конфликтной ситуации	1 67

ХРОНІКА

<i>Арыхоўская І. У.</i> Кніжная скарбніца Белдзяржуніверсітэта	1 71
<i>Прыгодзіч М. Р.</i> Міжнародная канферэнцыя па стылістыцы ў Аполі	1 73

РЭЦЭНЗІІ

<i>Асцрэйка В. Д.</i> Barszczewski Aleksander. Białoruska obrzędowość i folklor wschodniej Białostoczczyzny	1 78
<i>Калюта А. М. В. А.</i> Колесник. Говорите по-болгарски правильно. Болгарско-русско-украинский диалектный словарь	1 79
<i>Мечковская Н. Б.</i> Ob tisícletnici pokristjanjenja Rusije. Zbirka prispevkov	1 75
<i>Наркевіч А. І. А. Е.</i> Михневич. Русско-белорусский разговорник	3 75
<i>Супрун А. Я.</i> Слоўнік славянскай літаратурнай мовы	3 76

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Міхаіл Яўгенавіч Цікоцкі</i>	1 80
<i>Ефрасінія Леанідаўна Бондарэва</i>	3 77

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи представляются в редакцию только на белорусском языке, напечатанными на пишущей машинке через два интервала.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста (включая приложения).

3. К статье должны быть приложены: рекомендация кафедры, рецензия и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).

4. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписать в два экземпляра от руки темными чернилами и разметить карандашом: греческие буквы обвести красным карандашом; латинские подчеркнуть волнистой чертой; прописные — двумя черточками

снизу (A), строчные — двумя черточками сверху (a). Следует различать буквы O (пропис-

ную), o (строчную), 0 (нуль), для чего буквы O и o подчеркивают двумя черточками, нуль отмечают квадратной скобкой снизу ($\square$, o, 0). Необходимо различать в написании буквы I

(оль), c, а также I и I (йот), для чего I пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу.

5. Рисунки (не более 3-х) представляют в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на глянцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной бумаге или кальке 150 × 200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

6. Таблицы и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.

7. Список литературы дается в конце статьи на отдельном листе и оформляется следующим образом:

а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;

б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращенное название журнала, год издания, том, номер выпуска, страницы. В списке литературы не должно быть работ, на которые нет ссылок в тексте статьи.

8. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.

9. В случае возвращения статьи автору для доработки первоначальный текст необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.

10. Корректурa статьи с исправлениями ошибок типографии за подписью автора должна быть через три дня после ее получения возвращена в редакцию. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках (таблицах) не допускаются.

11. Авторы несут ответственность за достоверность и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен географических и других названий, а также за разглашение сведений, не подлежащих открытой публикации.

12. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращения рукописей.

Научно-исследовательская часть (НИЧ) Белгосуниверситета

(Бобруйская, 7, к. 402, 414, тел. 20-92-03) предоставляет в распоряжение всех желающих оперативно получать научно-техническую информацию для выполнения НИР, участвовать в работе телеконференций и вести деловую переписку,

узел международной электронной почты,

абонентский пункт теледоступа в банки и базы данных различных центров информации.

Высококвалифицированные специалисты в соответствии с Вашим запросом оперативно и качественно подберут необходимую научно-техническую информацию из баз данных:

– ВИНТИ (реферативные базы данных по естественным и техническим наукам, оглавления иностранных журналов);

– НПО «Поиск» (патентная информация);

– ВИТИЦентр (информация о завершенных НИОКР и защищенных диссертациях);

– ИНИОН (библиографическая и реферативная информация по общественным наукам);

– БелНИИНТИ (политематическая и адресная информация).

Электронная почта позволит практически каждому сотруднику Белгосуниверситета получить собственный международный почтовый адрес для участия в обмене специальной информацией.